

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

В. Я. Портяков

ШЭНЬЧЖЭНЬСКИЙ КАМЕРТОН

Трансформация модели
экономического роста в Китае
и развитие Шэньчжэня

Москва
ИД «ФОРУМ»
2017

УДК 338(510-21Шэньчжэнь)
ББК 65.9(5Кит-2Шэньчжэнь)
П60

*Утверждено к печати
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

д.полит.н. А.В. Виноградов, к.э.н. О.Н. Борох, к.э.н. И.В. Ушаков

Книга публикуется в авторской редакции

Портяков В.Я.

П60 Шэньчжэньский камертон. Трансформация модели экономического роста в Китае и развитие Шэньчжэня: монография / В.Я. Портяков. — М. : ИД «ФОРУМ», 2017. — 156 с.

ISBN 978-5-8199-0684-2

В монографии рассматриваются основные направления идущего в настоящее время процесса трансформации модели экономического роста в Китае, оценивается его ход и перспективы.

На этом фоне анализируются особенности экономического и социального развития Шэньчжэня — четвертого по величине валового регионального продукта города КНР, авангарда китайской политики реформ и открытости — ее своего рода «камертона».

Книга адресована ученым-китаеведам, экономистам, преподавателям и студентам высших учебных заведений, а также всем читателям, интересующимся Китаем.

Ключевые слова: Китай, экономика, модель роста, трансформация, Шэньчжэнь.

The purpose of the book “*Shenzhen's tuning-fork. Transformation of the economic growth model in China and development of Shenzhen*” by Russian specialist on contemporary China *Vladimir Portyakov* is to analyze current transformation of economic growth model in China and to track its influence on the development of Shenzhen — one of the most famous in the world Chinese cities.

Key words: China, economy, economic growth model, transformation, Shenzhen.

УДК 338(510-21Шэньчжэнь)
ББК 65.9(5Кит-2Шэньчжэнь)

ISBN 978-5-8199-0684-2

© Портяков В.Я., 2017
© ИДВ РАН, 2017

Введение

Предлагаемая вниманию читателей монография представляет попытку проследить на примере одного из наиболее известных в мире городов Китая — Шэньчжэня — прямую и обратную взаимосвязь между общегосударственным и региональным уровнями модификации сложившейся в Китайской Народной Республике модели экономического роста.

В работе рассмотрены концептуальные подходы к трансформации модели экономического роста в современном Китае. В самом общем виде речь идет о переносе центра тяжести в факторах роста с инвестиций и экспорта на потребление и научно-технический прогресс, о превращении КНР в крупный инновационный центр мира, активном использовании быстрой урбанизации как нового фактора роста. Показан фактический ход этого процесса в 2013—2016 гг., выявлены имеющиеся проблемы и трудности.

Проанализированы особенности социально-экономического развития в этих условиях одного из ведущих экономических центров страны — Шэньчжэня. Рассмотрена его роль в интеграционных процессах на юге страны. Выявлено, что Шэньчжэнь в настоящее время, как и ранее, успешно сохраняет и развивает функции общекитайского центра создания и внедрения инноваций, авангарда реформ и внешнеэкономической открытости, района концентрации современных отраслей промышленности и сферы услуг.

С первых шагов своего становления в качестве специальной экономической зоны Шэньчжэнь неизменно привлекал значительное внимание российских специалистов, причем не только китаеведов. В последнее время его ежегодно посещают 15—20 тыс. граждан России.

Надо полагать, что с запуском первого российско-китайского университета, получившего «шэньчжэньскую прописку», притягательность города для россиян значительно вырастет.

В Приложении помещены англоязычные версии четырех глав монографии, что призвано сделать работу более доступной для зарубежных специалистов.

Глава 1

ШЭНЬЧЖЭНЬ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ (1980—2012)

Феномен Шэньчжэня относится к числу наиболее известных в мире символов успеха китайской политики модернизации, экономических реформ и внешнеэкономической открытости. Небольшой по китайским меркам — с населением всего в несколько десятков тысяч человек — поселок, расположенный близ Гонконга, — превратился в десятиллионный город, занимающий 4-е место в стране (после Шанхая, Пекина и Гуанчжоу) по объему валового регионального продукта и почти непрерывно лидирующий по объему внешней торговли¹. За три десятилетия объем ВВП Шэньчжэня вырос в 979 раз, а экспорта — в 339 раз. ВВП на душу населения в Шэньчжэне достиг 13,6 тыс. долл.² при среднекитайском показателе за 2009 г. порядка 3700 долл. Столь высокие темпы экономического роста, безусловно, стали одной из очевидных особенностей развития Шэньчжэня, породившей уже в середине 1980-х годов выражение «шэньчжэньские темпы», или «шэньчжэньская скорость».

Однако Шэньчжэнь прославился не только темпами роста, но в первую очередь тем, что на протяжении вот уже более 30 лет играет роль первопроходца, экспериментальной площадки на ключевых направлениях поиска и реализации стратегии развития Китая. Прежде всего, разумеется, стратегии экономического развития, включая социально-экономическое и внешнеэкономическое, но не только. Отдельного упоминания заслуживает также роль Шэньчжэня в поиске магистрального пути строительства социализма с китайской спецификой в целом, в апробации важных элементов административной реформы, в получении Китаем статуса «мировой фабрики», а в последнее десятилетие — в деле реализации в КНР «концепций гармоничного общества» и «инновационного государства». Не слишком

афишируемой, но абсолютно незаменимой оказалась роль Шэньчжэня в создании благоприятной среды для возвращения Гонконга в 1997 г. под юрисдикцию Китая в качестве Особого административного района КНР Сянган.

Именно по приоритетности тех или иных общегосударственных функций, выполнявшихся Шэньчжэнем в разное время, уместно проводить периодизацию его развития в с 1980 по 2012 г. Здесь выделяются три крупных этапа.

Период 1980—1991 гг. можно охарактеризовать как этап становления специальной экономической зоны Шэньчжэнь и строительства Шэньчжэня как крупного современного города. Главными функциями Шэньчжэня на этом этапе являлись обретение общезначимого опыта широко понимаемых внешнеэкономических связей и отработка рыночных принципов организации экономической жизни. Доминантами периода 1992—2002 гг. явились: углубление рыночных преобразований в экономике, авангардная роль в освоении Китаем функции «мировой фабрики», отработка модели «управления страной на основе закона». В период 2003—2012 гг. на первое место выдвигаются инновационные и интеграционные — по отношению к Гонконгу — функции Шэньчжэня.

Период 1980—1991 гг.

Хорошо известно, что официальный старт политике модернизации, реформ и внешнеэкономической открытости КНР дал 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, проведенный в декабре 1978 г. и провозгласивший «поворот центра тяжести политики всей партии и всей страны на экономическое строительство»³.

Решения 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва продемонстрировали ясное понимание китайским руководством того обстоятельства, что одной из причин неуклонно нараставшего отставания Китая от развитых стран явилась доведенная до абсурда политика «опоры на собственные силы». Лидеры Китая, провозгласив поворот от прежнего полуизоляционизма к политике открытости, взяли курс на самое активное использование внешнеэкономических связей для получения необходимых стране инвестиций, управленческого опыта, передовой техники и технологии, рынков сбыта.

Поворот Китая к диверсифицированным формам внешнеэкономических связей создал необходимые и достаточные условия для реа-

лизации такого его уникального преимущества, как наличие в мире весьма состоятельной китайской диаспоры. Её собственный интерес к освоению новых форм и методов взаимодействия с экономикой КНР не в последнюю очередь был продиктован структурной перестройкой в Гонконге и Восточной Азии в целом, требовавшей ускоренного освобождения от части «отживших свое» производств (текстиль, одежда, продовольствие, несложная бытовая техника), в том числе и путем их выноса за национальные границы. В обмен Китай получал дополнительные каналы трудоустройства, практически бесплатное налаживание почти отсутствовавшего у него производства ряда потребительских товаров длительного пользования (магнитофоны, телевизоры, стиральные машины и т. п.) да плюс к этому, как вскоре выяснилось, очаги спонтанного роста экономики и естественного освоения рыночных принципов хозяйствования.

Особо значимое место в расширении масштабов взаимодействия экономики КНР с мировым хозяйством принадлежит специальным экономическим зонам «первой волны», ставшим общепризнанным символом китайской политики открытости.

Принципиальное решение о создании специальных экономических зон (СЭЗ) было принято ЦК КПК в июле 1979 г. по инициативе Дэн Сяопина, впервые высказанной в апреле 1979 г. на рабочем совещании ЦК КПК. С сентября 1979 г. началась подготовительная работа по созданию зон Шэньчжэнь и Чжухай, а позднее и Шаньтоу. Датой официального учреждения СЭЗ считается 26 августа 1980 г., когда Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей утвердил «Положение о специальных экономических зонах провинции Гуандун». В октябре 1980 г. с санкции Госсовета КНР в пров. Фуцзянь была создана СЭЗ Сямэнь.

Как декларировали в Китае, «теоретической основой» учреждения СЭЗ в КНР явились положения В.И. Ленина о возможности использования государственного капитализма для экономического развития социалистической страны и суждения К. Маркса и Ф. Энгельса об интернационализации производства и формирования мирового рынка, «полностью применимые к социалистическому Китаю 80-х годов XX века». На практике в КНР внимательно изучался и мировой опыт «зон свободной торговли», «свободных портов» и «районов экспортной переработки продукции».

В июле 1981 г. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли решение развивать Шэньчжэнь (площадь 327,6 км²) и Чжухай (начальная площадь 6,7 км²) в качестве комплексных СЭЗ, а Сямэнь (начальная площадь

2,5 км²) и Шаньютоу (1,67 км²) главным образом как зоны экспортной переработки.

Первоначальная цель создания СЭЗ состояла в более активном привлечении в экономику КНР средств из-за рубежа, прежде всего, инвестиций китайских соотечественников из Гонконга и Макао, расширении экспорта, увеличении валютных доходов, заимствовании передовой техники и методов управления, в пополнении Китаем опыта международного экономического сотрудничества в целом. Поскольку в ходе практической деятельности специальные экономические зоны продемонстрировали способность осваивать новую информацию о мировом рынке и быстро распространять ее внутри страны, то они начали рассматриваться и как «опорный пункт», «мост для проникновения Китая на мировой рынок». С другой стороны, освоение в СЭЗ производства некоторых самых современных видов продукции породило в Китае надежды на превращение их в базу новых отраслей промышленности и даже в «ступень, стимулирующую технический прогресс во внутренних районах Китая».

В начале 1984 г. с целью инспекции хода создания СЭЗ в Гуандуне и Фуцзяни побывал Дэн Сяопин. Он всецело одобрил деятельность специальных экономических зон и охарактеризовал их как «окно техники, знаний, управления, внешней политики»⁴. Под последним имелся в виду демонстрационный эффект специальных экономических зон, позволявший внешнему миру на их примере уяснить суть проводимой в Китае политики реформ и открытости.

В первой половине 1980-х годов были заложены законодательные основы функционирования СЭЗ, создана первичная коммунальная и промышленная инфраструктура, шла активная отработка практических вопросов привлечения иностранного капитала — принципов и схем льготного налогообложения, землепользования, упрощенной процедуры создания предприятий с иностранными инвестициями.

Законодательно вопросы деятельности СЭЗ регулировались рядом общекитайских законов: о смешанных предприятиях, основанных на китайском и иностранном капитале, а в дальнейшем также и законами о предприятиях, полностью основанных на иностранном капитале, и о контрактных предприятиях с участием иностранного капитала. В то же время изначально был взят курс на разработку для СЭЗ специального законодательства. В частности, были приняты такие юридические акты, как временные положения провинции Гуандун о регистрации предприятий в СЭЗ, о правилах въезда и выезда для СЭЗ, о труде и заработной плате в СЭЗ, утвержденное Госсоветом

КНР положение об управлении смешанными и иностранными банками в специальных экономических зонах КНР, положения СЭЗ Шэньчжэнь о правилах землепользования, об экономических контрактах с заграницей, об импорте техники.

В соответствии с идеей Чжао Цзыяна, бывшего в первой половине 1980-х годов премьером Госсовета КНР, — «использовать притягательность налоговой системы... для иностранного капитала», — китайское законодательство установило подоходный налог для всех видов предприятий с участием иностранного капитала в СЭЗ в размере 15 %; они были освобождены от местных налогов на прибыль (на большей части территории страны ставка налогообложения составляла 33 %). Импорт (за исключением спиртных напитков и сигарет) и экспорт СЭЗ осуществлялись беспошлинно. Дополнительные льготы предоставлялись предприятиям с объемом иностранных инвестиций свыше 5 млн долл., предприятиям, применяющим новейшую технику и технологию, а также при использовании для производства продукции на экспорт китайского оборудования и сырья, при реинвестировании прибыли на месте. На период 1982—1985 гг. предусматривалась 30—50-процентная скидка в плате за аренду земли в СЭЗ Шэньчжэнь, определенной с учетом соответствующих расценок в Гонконге и варьировавшей от 10 до 100 юаней за квадратный метр в зависимости от характера объекта. Установленные правила землепользования давали определенные выгоды китайской стороне, поскольку право пользования землей было превращено ею в «материализованный капитал». Так, в смешанных предприятиях плата, причитающаяся китайской стороне за использование земли иностранным партнером, выступала как часть ее денежного пая, а в договорных предприятиях земля (оцененная в деньгах в зависимости от местоположения участка) являлась непосредственным «овеществленным» капиталом китайской стороны, соединяемым с денежным капиталом или техникой (до 20 % паевого капитала) иностранного предпринимателя. В чистом виде арендная плата взималась фактически лишь с предприятий, полностью основанных на иностранном капитале. В целом введенные правила налогообложения и землепользования позволяли китайской стороне получать 70 % налогов и прибыли при 50-процентной доле иностранного капитала в совместном предприятии.

В предреформенный период уезд Баоань, где находился Шэньчжэнь, представлял собой классический пример отсталого района с преобладанием сельского хозяйства. В 1979 г. из 310 тыс. человек,

проживавших в уезде, сельское население составляло 257 тыс. человек, а из 175 млн юаней совокупной продукции сельского хозяйства и промышленности на сельское хозяйство приходилось около 115 млн, а на промышленность — примерно 60 млн юаней. Поэтому на начальном этапе создания СЭЗ Шэньчжэнь первоочередная задача заключалась в подготовке площадок под промышленное строительство и в инфраструктурном обеспечении территории, включая строительство морского порта в Шэкоу — районе Шэньчжэня, сооружения линий электропередач, водопровода, шоссейных дорог. Параллельно налаживалось экспортное производство с привлечением иностранных средств в таких простейших формах, как компенсационные сделки, сборочные производства, изготовление изделий из материалов и по образцам заказчика. В период 1979—1982 гг. более 90 % привлеченного Шэньчжэнем гонконгского капитала составляли небольшие инвестиции в вышеназванных формах. Однако развертывание капитального строительства и налаживание инфраструктуры предопределило постепенное повышение доли инвестиций в промышленные объекты: с 8 % в 1979—1982 гг. до 39 % в 1983 г. и 35 % в 1984 г. Общий объем фактически использованных иностранных средств неуклонно рос: в 1979 г. 120 млн гонконгских долларов, в 1980 г. — 250 млн, в 1981 г. — 590 млн, в 1984 г. — 1,7 млрд гонконгских долларов⁵. На конец 1984 г. объем фактически использованных в Шэньчжэне иностранных инвестиций составил 580 млн ам. долл. В 1984 г. предприятия с участием иностранного капитала дали половину промышленного производства зоны, составившего 1,6 млрд юаней.

Для СЭЗ Шэньчжэнь оказалось характерно комплексное развитие, включавшее туризм, международную торговлю, промышленность, подготовку кадров, обслуживание разработки месторождений нефти в Южно-Китайском море, выполнение транспортно-логистических функций. Это обусловило динамичное изменение структуры национального дохода СЭЗ при высокой динамике роста его объема. Если в 1979 г. доля промышленности в местном национальном доходе (70,6 млн юаней) составила 11,9 %, строительства 19,2 % и сельского хозяйства 40,8 %, то в 1984 г. доля промышленности в национальном доходе (1,25 млрд юаней) выросла до 29,3 %, строительства — до 33,7 %, а доля сельского хозяйства снизилась до 3,3 %⁶. Происходили определенные изменения и в структуре вводимых в эксплуатацию промышленных предприятий, количество которых к концу 1984 г. превысило 600. Хотя не менее половины из них составляли предприятия трудоемкого профиля, стало мало-помалу расти число предпри-

ятий, оснащаемых передовым оборудованием. Появились и первые предприятия, рассчитанные на производство высокотехнологичной продукции.

К концу 1985 г. в Шэньчжэне и трех других СЭЗ было освоено 7,63 млрд юаней инвестиций, развернуты строительные работы на площади 60 км², утверждено создание 1665 предприятий с участием иностранного капитала. Объем фактически использованных иностранных средств достиг суммарно 1,17 млрд долл.⁷

К середине десятилетия внушительные объемы набрала внешняя торговля Шэньчжэня, особенно импорт (табл. 1).

Таблица 1. Внешнеэкономические связи Шэньчжэня в 1979—1985 гг., млн ам. долл.

Год	Использование прямых иностранных инвестиций	Экспорт	Импорт
1979	5,48	9,3	7,46
1980	27,55	11,24	6,27
1981	86,18	17,45	10,62
1982	57,71	15,97	9,37
1982	113,16	62,3	724,12
1984	186,4	265,39	807,08
1985	179,89	563,40	742,92

Источник: Статистический ежегодник Шэньчжэня 2012 : [Шэньчжэнь тунцзи няньцзянь — 2012]. Шэньчжэнь—Пекин, 2012. С. 287, 296.

Специальные экономические зоны не только дали Китаю возможность в сжатые сроки приобрести опыт многообразного по формам взаимодействия с мировым рынком и зарубежными деловыми кругами, но и стимулировали крупномасштабную перестройку всей организации внешнеэкономической деятельности. С учетом примера и с использованием конкретного опыта СЭЗ в КНР были учреждены такие ареалы внешнеэкономической открытости, как зоны технико-экономического развития, открытые приморские города и открытые приморские районы, открытые города на реке Янцзы, а в дальнейшем — и открытые приграничные города и уезды и зоны беспошлинной торговли. В 1988 г. статус СЭЗ получил остров Хайнань, выделенный в самостоятельную провинцию. Нарботки СЭЗ первой волны широко использовались при создании комплексной зоны внешнеэкономической открытости Пудун в Шанхае.

В 1980-е годы весьма существенной оказалась и роль СЭЗ, особенно Шэньчжэня, как авангарда и экспериментальной площадки экономических реформ в КНР.

Опора СЭЗ на «смелую реформу экономической системы и методов управления» изначально выступала необходимым условием реализации поставленных перед ними задач. В связи с этим в Шэньчжэне уже с 1981 г. начал проводиться комплекс реформ в сфере управления, включая разделение административных, партийных и хозяйственных органов, предоставление предприятиям достаточно широких прав во внешнеэкономической деятельности, производстве и сбыте продукции. Главным принципом функционирования экономики зон было провозглашено рыночное регулирование.

Особый интерес представлял опыт Шэньчжэня в реформе системы труда, заработной платы, цен и ценообразования. Здесь практиковался контрактный найм новых рабочих. Набираемый персонал сначала подписывал с предприятием опытный контракт на полгода, а затем, при согласии обеих сторон, и официальный контракт, определявший взаимные обязанности предприятия и рабочих и служащих. Предприятие имело право увольнять не соответствующий требованиям контракта персонал. Позже контрактный найм рабочих стал широко применяться по всему Китаю.

На начальном этапе создания зоны в области заработной платы действовал принцип «ниже, чем в Гонконге, выше, чем во внутренних районах страны». При этом фактический доход рабочих и служащих складывался из сравнительно низкой заработной платы и многочисленных надбавок, в сумме превышавших основную зарплату (за проживание в пограничном районе, на транспортные расходы, на квартиру, на оплату воды и электроэнергии, на лечение членов семьи и т. д.). Первым шагом реформы зарплаты явилось включение надбавок в основную зарплату и переход к самостоятельной оплате рабочими и служащими всех бытовых услуг. Данная система действовала с 1981 г. по октябрь 1983 г., а затем началась и всесторонняя реформа заработной платы, т. е. переход к ее разделению на твердую и колеблющуюся составные части. Зарплата на всех предприятиях стала включать следующие элементы: основная зарплата (прежняя зарплата по разрядам); зарплата за пост или должность; колеблющаяся зарплата, зависящая от итогов хозяйственной деятельности предприятия и трудового вклада самого работника и, наконец, надбавка за пограничный район (15 юаней) и действовавшая с декабря 1979 г. по всей стране надбавка в 5 юаней ежемесячно за повышение розничных цен на

некоторые виды продовольствия. По итогам первого квартала 1984 г. в промышленном районе Шэкоу СЭЗ Шэньчжэнь среднемесячная заработная плата составила 193,76 юаня (по КНР в среднем в 1984 г. 80 юаней), в том числе основная зарплата 30,5 %, за трудовые посты и должность 37,2 %, колеблющаяся зарплата 22 % и надбавки 10,3 %.

Главными элементами реформы системы цен в Шэньчжэне явились, во-первых, передача прав установления цен на большинство товаров непосредственно предприятиям и компаниям и, во-вторых, существенное расширение сферы действия колеблющихся и свободных цен как на предметы потребления, прежде всего продовольствие, так и на средства производства. К концу 1984 г. единые цены действовали на железнодорожные, морские, авиационные транспортные перевозки, почтово-телеграфные услуги, плату за жилье, воду, электроэнергию, медицинское обслуживание, городской транспорт, обучение. По плановым ценам продавалась и централизованно распределяемая для Шэньчжэня часть материальных ресурсов (порядка 25 % общего объема необходимых ресурсов). 75 % главных видов средств производства в зоне закупалось по колеблющимся ценам. С 1 ноября 1984 г. в Шэньчжэне были введены свободные цены на овощи и верхние «ограничительные» цены на зерно и зернопродукты, растительное масло, свинину при отмене нормированного снабжения ими (например, на растительное масло вместо прежней преysкурантной цены в 1,86 юаня за килограмм была введена верхняя «ограничительная» цена в 3,6 юаня). На три года сохранялись провинциальные дотации к розничным ценам на зерно, а дотации к ценам на другие виды продовольствия были отменены.

Одной из наиболее сложных в деятельности СЭЗ на первых порах явилась проблема обеспечения нормального денежного обращения. Неконвертируемость юаня предопределила стремление иностранных инвесторов вкладывать деньги в СЭЗ не в виде непосредственно валютных средств, а в форме поставок оборудования, сырья и полуфабрикатов. Трудности с конвертацией прибыли, получаемой в жэньминьби, в твердую валюту стимулировали широкое хождение в Шэньчжэне гонконгского доллара и валютных сертификатов, эмиссия которых началась в Китае в 1980 г. и предназначалась почти исключительно для иностранцев (табл. 2).

Как следствие, в сфере денежного обращения в Шэньчжэне возник ряд негативных явлений: вытеснение из оборота жэньминьби и ее обесценение по отношению к твердым валютам, широкое распространение черного рынка валют.

Таблица 2. Доли различных валют в структуре денежного обращения в Шэньчжэне (1981—1984 гг., %)

Год	Жэньминьби	Валютные сертификаты	Гонконгский доллар
1981	75,1	19,6	5,2
1982	63,6	22,2	13,2
1983	53,1	16,2	30,7
1984	45,5	9,5	45,0

Источник: Мао Лиянь, Чэнь Юнминь. Дэн Сяопин цзинци тэцэй сысян яньцзю : [Изучение идей Дэн Сяопина о специальных экономических зонах]. Сямэнь, 1995. С. 261.

В декабре 1985 г. в Шэньчжэне был создан центр валютного регулирования, обеспечивший более или менее нормальное функционирование СЭЗ в условиях дисбаланса их валютных доходов и расходов и, что немаловажно, позволивший накопить опыт для общей реформы системы валютного регулирования в стране.

Успех преобразований в Шэньчжэне побудил китайское руководство поставить перед СЭЗ новую задачу: «искать путь для социалистического экономического строительства и реформы хозяйственного механизма всей страны»⁸.

Во второй половине 1980-х годов СЭЗ закрепили за собой функцию общекитайского авангарда экономической реформы.

Под лозунгом «научить СЭЗ играть в мяч по международным правилам» в Шэньчжэне в 1986—1988 гг. был проведен ряд достаточно радикальных экспериментов. Была введена более гибкая по сравнению с общекитайской система управления учетной ставкой, допускавшая отклонение банковского процента по депозитам вверх и вниз от базовой ставки центрального банка, а по кредитам — вниз от нее. Кроме того, в Шэньчжэне был создан первый в стране паевой коммерческий банк с участием государства, предприятий и частных лиц (Банк развития Шэньчжэня) и первый банк, учрежденный консорциумом предприятий (Чжаошан). Учреждение в Шэньчжэне одной из первых в Китае инвестиционных компаний позволило начать поиск путей разделения функций административного управления, осуществляемого правительством, и управления государственным имуществом, реализуемого через специально создаваемые для этих целей институты. Также начались широкие эксперименты по акционированию государственных предприятий, созданию фондового рынка,

реформе жилищной системы и системы землепользования с передачей иностранным инвесторам права пользования землей в аренду на длительные сроки.

Экономические реформы позволили сохранить высокую динамику роста объемов промышленного производства и внешнеэкономических связей СЭЗ. Усилилось и их экономическое взаимодействие с внутренними районами страны за счет развития горизонтальных хозяйственных связей.

За 1986—1988 гг. объем фактически использованных в четырех специальных экономических зонах прямых иностранных инвестиций составил 2,73 млрд долл. — в 2,7 раза больше, чем за пять предшествующих лет. Объем промышленного производства СЭЗ с 11,75 млрд юаней в 1986 г. вырос до почти 26 млрд юаней в 1988 г. (в постоянных ценах 1980 г.) На базе развития промышленного производства, значительную долю которого давали предприятия с иностранными инвестициями (в 1988 г. в Шэньчжэне и Шаньютоу более 60 %, в Сямэне 41 %, в Чжухае 25 %), экспорт СЭЗ в 1989 г. удалось довести до 3,48 млрд долл., т. е. увеличить примерно вчетверо по сравнению с 1985 г.⁹

Особенно быстро росли масштабы внешнеэкономической деятельности СЭЗ Шэньчжэнь, объем внешней торговли которой за 1986—1989 гг. удвоился и достиг 3,75 млрд долл. (табл. 3).

Таблица 3. Внешнеэкономические связи СЭЗ Шэньчжэнь в 1986—1989 гг., млн долл.

	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.
Внешняя торговля	1847	2558	3442	3752
экспорт	726	1414	1849	2174
импорт	1121	1144	1593	1578
Использование иностранных инвестиций	365	274	444	450

Составлено по: данные «Экономических ежегодников Китая» за 1987—1990 гг.

Курс «оздоровления и упорядочения экономики», последовавший за Тяньаньмэнскими событиями лета 1989 г. и проводившийся в Китае в период 1989—1991 гг., в известной мере затронул и специальные экономические зоны. Здесь, как и по всей стране, имела ме-

сто проверка деятельности и частичная ликвидация многочисленных компаний и объединений, возникших в 1986—1987 гг. на месте прежних административных органов под официальным прикрытием линии на разделение административных и хозяйственных функций. Рабочее совещание Госсовета по деятельности СЭЗ в феврале 1990 г. ориентировало зоны на сосредоточение привлекаемых инвестиций на развитии инфраструктуры, экспортного и технически сложного производства, а также на укрепление собственной сырьевой и компонентной (для сборки электронных изделий) базы. Перед зонами была поставлена задача переходить от ориентации на высокие темпы развития к ориентации на эффективность, понимаемую как наращивание производства наукоемкой продукции с хорошей конкурентоспособностью на мировых рынках.

В целом в начале 1990-х годов специальные экономические зоны представляли собой уже не просто районы проведения различных экспериментов по переводу системы хозяйствования на рыночные рельсы, не только «площадку» отработки тех или иных инноваций в сфере внешнеэкономической открытости Китая, а принципиально важную и весомую составную часть внешнеэкономического комплекса КНР, один из важнейших и наиболее «нормативно» функционирующих узлов связи экономики Китая с мировым хозяйством, рынка внутреннего с рынком внешним.

Особенно впечатляли результаты развития в Шэньчжэне, валовой внутренний продукт которого в 1992 г. увеличился в 144 раза по сравнению с 1979 г.

Количество промышленных предприятий в Шэньчжэне увеличилось с 244 в 1979 г. до 4 тыс. в 1992 г., при этом номенклатура производимой продукции достигла 3500 наименований, а экспортируемой — свыше 1000 наименований. По уровню экспорта — 6,6 млрд долл. в 1992 г. — Шэньчжэнь вышел на 2-е место среди городов Китая, уступая лишь Шанхаю. Объем фактически использованных Шэньчжэнем иностранных инвестиций достиг 4,3 млрд долл. — 14 % от общекитайского показателя.

При этом 60 % экспорта и 72 % промышленного производства дали предприятия с участием иностранных инвесторов. За годы существования СЭЗ Шэньчжэнь туда были ввезены 12 тыс. комплектов производственного оборудования стоимостью свыше 50 тыс. долл., в том числе 20 % — передового мирового уровня.

Рост города — а постоянное население Шэньчжэня к началу 1990-х годов достигло 600 тыс. человек — потребовал реорганизации

административного устройства территории. В 1992 г. по решению Госсовета КНР уезд Баоань был ликвидирован, а его территория — разделена на два района, вошедшие в состав города. 45 тыс. крестьян, проживавших здесь, получили статус горожан¹⁰.

Период 1992—2002 гг.

Новый импульс специальным экономическим зонам дали требования Дэн Сяопина ускорить их развитие, высказанные им в ходе поездки в Шэньчжэнь и Чжухай в январе 1992 г. Особый акцент архитектор китайских реформ сделал на успешности политики открытости и ее полном соответствии главной задаче страны — раскрепощению и развитию производительных сил. Заявив о необходимости создавать еще больше предприятий с участием иностранного капитала и заимствовать у развитых стран все полезное для Китая (например, акции), Дэн Сяопин высказал предположение, что провинция Гуандун в течение 20 лет сможет достичь уровня «четырех азиатских драконов» (Тайвань, Южная Корея, Сингапур, Гонконг). Тем самым СЭЗ получили не только своеобразную «политическую индульгенцию», но и ориентиры долгосрочного развития.

В Шэньчжэне была поставлена задача в течение двух десятилетий приблизиться по объему ВВП к Сингапуру, по уровню городской инфраструктуры и управления — к уровню Сингапура и Гонконга, по уровню науки и техники — превзойти Сингапур и Южную Корею. В целом намечалось превратить Шэньчжэнь в многофункциональный интернациональный город Азиатско-Тихоокеанского региона с развивающимися финансами, торговлей, транспортом, информационной сферой, туризмом, высокотехнологичными разработками и современной рыночной экономикой. На этапе до 2000 г. ВВП намечалось увеличить до 90 млрд юаней при среднегодовом приросте 20 %. В период 2001—2012 гг. ВВП предполагалось увеличить до 280 млрд юаней при среднегодовом приросте 12 %. При этом по среднему ВВП Шэньчжэнь должен был бы опередить Тайвань и Южную Корею и приблизиться к Сингапуру и Гонконгу. Главные пути реализации этой стратегии виделись в опережающем развитии науки и техники и переходе к высокотехнологичному типу развития, в укреплении экспортно ориентированной промышленной базы и освоении широкой гаммы современных услуг, включая информатику, рынок ценных бумаг, банковские операции¹¹.

Принципиально важное значение имело предоставление собрания народных представителей Шэньчжэня и его постоянному комитету права принятия законодательных актов. Соответствующее решение 1 июля 1992 г. по представлению Госсовета КНР утвердил на своем 261-м заседании Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей 7-го созыва. С этого момента юридическая база развития Шэньчжэня стала обретать все более детальный и комплексный характер. Эта практика не только обеспечила оперативное решение проблем самого города, но и послужила, по сути дела, общекитайским экспериментом в деле пропаганды и внедрения принципа «управления страной по основе закона», занявшего видное место в политической платформе Цзян Цзэминя — руководителя КНР периода 1990-х — начала 2000-х годов.

В 1992—1994 гг. Собрание народных представителей Шэньчжэня приняло 29 законодательных актов. В основном они имели целью приспособить к местной специфике базовые общегосударственные акты. В частности, были приняты положения о товариществах (включая товарищества с ограниченной ответственностью), о паевых компаниях, о кооперативных паевых компаниях, о коллективных рынках продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов, об аукционной распродаже имущества, об использовании трудовых услуг (регулирующее найм работников, не являющихся жителями Шэньчжэня), о трансфере и о регистрации недвижимого имущества, о пресечении незаконных действий в виде производства и реализации фальшивых товаров, об аренде помещений, об управлении культурным рынком в Шэньчжэне.

Учреждение в Шэньчжэне в 1991 г. второй китайской биржи ценных бумаг — первая была открыта в 1990 г. в Шанхае — пришлось на время решительного перехода экономики страны на рыночные принципы хозяйствования, почву для которых, кстати говоря, самым прямым образом готовили эксперименты 1980-х годов в самом этом городе. В данном контексте вполне естественно, что одной из доминант экономической жизни Шэньчжэня в 1990-е годы явилось становление рынка акций. Если в 1991 г. на Шэньчжэньской бирже котировались всего 6 видов акций, то затем их количество из года в год стабильно и довольно динамично росло: 24 вида в 1992 г., 77 — в 1993 г., 120 — в 1994 г., 135 — в 1995 г., 237 — в 1996 г., 362 — в 1997 г., 413 — в 1998 г., 465 — в 1999 г.¹² Биржа ценных бумаг в Шэньчжэне изначально задумывалась как преимущественно биржа акций. Высокий спрос населения на акции обусловил быстрый рост объема торговли

ими в первой половине 1990-х годов — с 43 млрд юаней в 1992 г. до 128 млрд в 1994 г. и 239 млрд юаней в 1994 г.¹³ В 2000 г. он вырос почти до 3 трлн юаней.

По объему торговли акциями Шэньчжэнь поначалу вполне успешно конкурировал с Шанхаем, но затем стал уступать. Здесь сказалося то обстоятельство, что часть действовавших и постоянных клиентов Шэньчжэньской биржи ценных бумаг оттянул на себя Гонконг, на бирже которого после 1 июля 1997 г., т. е. после возвращения под юрисдикцию КНР, стали размещать свои акции некоторые крупные «материковые» компании. Тем не менее Шэньчжэньская биржа сохранила свои сильные стороны, и именно здесь уже в первом десятилетии XXI века были учреждены площадки для торговли, соответственно, акциями малых и средних предприятий и высокотехнологичных компаний.

Одной из важнейших особенностей функционирования СЭЗ Шэньчжэнь в 1990-е годы явилось опережающее развитие в ее рамках зон беспошлинной торговли, призванное обеспечить максимально эффективную стыковку СЭЗ с мировым рынком.

Так, на развитие беспошлинной зоны Футянь в Шэньчжэне площадью 1,35 км² отводилось всего два года. Призванная всемерно облегчить процесс экономической интеграции Гонконга с Китаем, зона Футянь была связана с Гонконгом специальной транспортной развязкой, позволившей грузовому автотранспорту курсировать между нею и Гонконгом без заезда в Шэньчжэнь. 70—80 % земли в Футяни передано в аренду на длительные сроки с целью освоения и комплексной застройки участков. Стоимость права пользования землей на 50 лет под промышленные объекты составила 2350 гонконгских долларов за 1 м² (порядка 280—300 ам. долл.), под склады — 3 тыс. гонконгских долларов и под торговые объекты — 2800 долл. По окончании срока аренды территория с возведенными на ней постройками должна отойти в собственность КНР. По утверждению администрации Футяня, это не пугает иностранных инвесторов, поскольку срок окупаемости всех первоначальных затрат не превышает 7—8 лет.

В создании зон беспошлинной торговли Китай учел мировой опыт функционирования подобных зон. Их особенностью является обязательное отсутствие какого-либо постоянного населения, изъятие из общего таможенного режима страны (завозимые в зону товары освобождаются от таможенных пошлин и лицензирования), продвинутые налоговые льготы (в частности, перерабатывающие предприятия в первые два года освобождаются от налогов, в последующие три

года платят половинный налог, затем — 15 %, как в СЭЗ в целом), свободное обращение валюты, включая вывоз валютной выручки.

Зоны беспошлинной торговли Шэньчжэня — кроме Футяня, это Шатоуцзяо и Яньтянь — являются одними из крупнейших в стране, уступая лишь аналогичной зоне Вайгаоцзяо в Шанхае. В 2009 г. объем торговли трех этих зон превысил 35 млрд долл. и составил более четверти всей внешней торговли СЭЗ Шэньчжэнь, в том числе треть ее импорта¹⁴.

В целом развитие СЭЗ Шэньчжэнь и всего Шэньчжэня в 1990-е — начале 2000-х годов выглядит достаточно успешным (табл. 4).

Таблица 4. Развитие Шэньчжэня в 1991—2002 гг.

Годы	Население, тыс. человек	Валовой региональный продукт, млрд юаней	Внешняя торговля, млн долл.			Прямые иностранные инвестиции, млн долл.
			Оборот	Экспорт	Импорт	
1991	2267	23,6	19 476	9862	9614	399
1992	2680	31,7	23 575	12 000	11 575	449
1993	3359	45,3	28 204	14 218	13 986	989
1994	4127	63,4	34 983	18 309	16 674	1250
1995	4491	84,2	38 769	20 527	18 242	1310
1996	4829	104,8	39 053	21 208	17 845	2050
1997	5277	129,7	45 009	25 618	19 391	1661
1998	5803	153,5	45 274	26 396	18 878	1663
1999	6325	180,4	50 427	28 208	22 219	1778
2000	7012	218,7	63 939	34 563	29 376	1961
2001	7245	248,2	68 610	37 479	31 131	2591
2002	7466	296,9	87 231	46 557	40 674	3191

Источник: Статистический ежегодник Шэньчжэня 2012 : [Шэньчжэнь тунцзи няньцзянь — 2012]. Шэньчжэнь—Пекин 2012 (на кит. яз.). С. 22, 49, 287, 296.

Население города с 2,2 млн человек в 1991 г. увеличилось до 7 млн человек в 2000 г., а ВРП за этот период вырос с 23,6 млрд юаней до 218 млрд. Шэньчжэнь вышел по этому показателю на 4-е место среди городов Китая.

В городе функционировали 12 тыс. предприятий с участием иностранного капитала из 66 стран¹⁵. Они давали около 80 % объема промышленного производства (в 1999 г. — 165,2 млрд юаней из 207,9 млрд, в 2000 г. — 200,9 млрд из 251,7 млрд юаней).

Производство высокотехнологичной продукции в 2000 г. составило 106,4 млрд юаней — более 42 % общего промышленного производства. В 1999—2000 гг. Шэньчжэнь вышел на уровень производства более 9 млн штук фотоаппаратов, свыше 8 млн штук цветных телевизоров и 800 тыс. штук персональных компьютеров в год. В городе в 1999 г. была проведена первая всекитайская ярмарка научно-технических достижений, которая стала регулярной.

Объем внешней торговли Шэньчжэня вырос с 19,5 млрд долл. в 1991 г. до 87 млрд долл. в 2002 г. Ежегодный объем использованных прямых иностранных инвестиций, составлявший несколько сот миллионов долларов в начале десятилетия, вплотную подошел к двухмиллиардному рубежу.

Тем не менее азиатский финансовый кризис оказал определенное негативное воздействие на Шэньчжэнь, в том числе и косвенно, через те трудности, которые в 1997—2002 гг. пришлось преодолевать Гонконгу. Сказалось и то обстоятельство, что со вступлением КНР во Всемирную торговую организацию в 2001 г. резко снизилась посредническая роль Гонконга в экономических связях Китая с внешним миром. Это, разумеется, затронуло и теснейшим образом связанный с Гонконгом Шэньчжэнь. У жителей города возникло ощущение, что «дух реформ» исчез из города. В концентрированном виде подобные настроения отразились в материале «Шэньчжэнь, кто покинул тебя», опубликованном в ноябре 2002 г. и буквально всколыхнувшем весь город. Пессимистические настроения углубила эпидемия атипичной пневмонии, начавшаяся в первые месяцы 2003 г. в Гуандуне и довольно серьезно затронувшая Гонконг, а следовательно, и Шэньчжэнь. С учетом всего этого Шэньчжэню в период правления Ху Цзиньтао пришлось взять своего рода новый старт.

Период 2003—2012 гг.

Алгоритм развития Шэньчжэня в первом десятилетии XXI века оказался в значительной мере задан высказываниями Ху Цзиньтао в ходе его инспекционной поездки в город 11—12 апреля 2003 г. Новый лидер страны призвал сделать развитие Шэньчжэня более скоорди-

нированным и обратить особое внимание на наращивание преимуществ города в сфере новаторства¹⁶. Эти идеи были поддержаны и развиты премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао, который во время пребывания в Шэньчжэне в сентябре 2005 г. указал на необходимость проведения в городе комплексной реформы, призванной накопить опыт для важных институциональных реформ в Китае в целом. Вэнь Цзябао подчеркнул также, что на современном этапе главной специфической особенностью Шэньчжэня становится его особая способность к новаторству¹⁷.

Местная администрация отреагировала на установки лидеров принятием двух специальных документов, призванных ускорить развитие высокотехнологичных отраслей в городе. В январе 2004 г. партком и правительство Шэньчжэня приняли «Решение о совершенствовании системы новаторства и стимулирования устойчивого быстрого развития новых и высоких технологий». А в самом начале 2006 г. было обнародовано «Решение о реализации стратегии самостоятельного новаторства и строительстве города инновационного типа общегосударственного уровня»¹⁸.

Налаживание производства широкой гаммы современных видов продукции перерабатывающей промышленности, основанных на новых и высоких технологиях, стало магистральным направлением экономического развития Шэньчжэня. Особое внимание уделялось разработке и запуску в серийное производство продукции собственных торговых марок с правообладанием интеллектуальной собственности на нее. Смена приоритетов нашла отражение в лозунге, задавшем общий вектор развития: «От собрано в Шэньчжэне — к произведено в Шэньчжэне, от произведено в Шэньчжэне — к создано в Шэньчжэне».

Уже в середине десятилетия (2005 г.) доля затрат на НИОКР в Шэньчжэне была втрое выше, чем в целом по Китаю. По заявкам на патенты город вышел на 3-е место в стране, а по заявкам на изобретения — на 1-е место. Приоритетными инновационными отраслями стали: производство средств связи, цифровая аудио- и видеоаппаратура, аккумуляторы и батареи нового поколения, биомедицина и медицинские инструменты, программное обеспечение, интегральные схемы¹⁹. В 2004 г. Шэньчжэнь произвел около 49 млн мобильных телефонов, 18,5 млн телевизоров и 7,35 млн персональных компьютеров.

В 2006 г. доля высокотехнологичной продукции в валовой промышленной продукции города достигла 52 %; при этом 58 % — 371 млрд юаней из 629 млрд юаней — составили изделия собственной интеллектуальной собственности. Число предприятий, производя-

щих продукцию новых и высоких технологий, превысило полторы тысячи²⁰.

Ряд из них вырос в крупные компании, получившие не только всекитайскую, но и мировую известность. К ним относится компания «Хуавэй», входящая в число 500 крупнейших в мире. В 2009 г. ее продажи составили 21,8 млрд долл., что превышало пятую часть общего объема мирового рынка оборудования беспроводной связи. Компания сделала 46 тыс. запросов на патенты²¹. Компания «Бияди» (BYD) прославилась как тем, что 10 % ее акций принадлежит известному американскому миллиардеру — специалисту по выгодным инвестициям Уоррену Баффету, так и разработкой экологически дружелюбной высокотехнологичной продукции — электромобилей и автомобилей с гибридным двигателем, солнечных панелей, аккумуляторных батарей нового поколения. Вслед за центральным правительством власти Шэньчжэня с июня 2010 г. стали субсидировать покупку электромобилей и автомобилей с гибридным двигателем, прежде всего для нужд общественного транспорта²².

Помимо освоения высокотехнологичной ниши, еще одним важным фактором развития Шэньчжэня в 2000-е годы стало его активное экономическое сближение с Гонконгом. Оно прямо стимулировалось стартовавшим в 2003 г. Соглашением о тесном экономическом партнерстве КНР с Гонконгом (CEPA — Close Economic Partnership Agreement) и различными программами сотрудничества в дельте р. Чжуцзян. Подчас даже ставится задача преобразовать Гонконг и Шэньчжэнь в единую крупную городскую агломерацию. Такой город (для него уже придумали название — Сянчжэнь — от Сянган+ Шэньчжэнь) содинил бы сложившиеся сильные стороны каждой из составных частей и в перспективе мог бы стать городом мирового класса, сопоставимым с Нью-Йорком и Лондоном. Представляется, что все более тесное взаимодействие Шэньчжэня с Гонконгом призвано обеспечить не только текущие бытовые и экономические выгоды, но и, в перспективе, мягкую стыковку Гонконга с материком в случае, если сохранение за ним особых прав в рамках курса «одна страна — два строя» не будет продлено после завершения 50-летнего переходного периода, начавшегося в 1997 г. Симптоматично, что в середине 2006 г. 98 тыс. квартир, или 9,5 % их общего количества в Шэньчжэне, принадлежали собственникам из Гонконга, Макао и Тайваня²³.

В целом развитие Шэньчжэня оказалось достаточно успешным и в годы правления Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао (табл. 5).

Таблица 5. Развитие Шэньчжэня в 2003—2012 гг.

Годы	Население, млн человек	Валовой региональный продукт, млрд юаней	Внешняя торговля, млрд долл.			Привлечение прямых иностраннных инвестиций, млн долл.
			Оборот	Экспорт	Импорт	
2003	7,78	358,6	117,4	62,96	54,44	3623
2004	8,00	428,2	147,28	77,84	69,44	2350
2005	8,27	495,1	182,82	101,52	81,30	2968
2006	8,71	581,3	237,38	136,09	101,29	3268
2007	9,12	680,1	287,53	168,50	119,03	3662
2008	9,54	778,7	299,95	179,71	120,24	4030
2009	9,95	820,1	270,16	161,98	108,18	4160
2010	10,37	958,1	346,74	204,18	142,56	4297
2011	10,46	1150,5	414,09	245,52	168,57	4599
2012	10,55	1295,0	466,83	271,36	195,47	5229

Источник: Статистический ежегодник Шэньчжэня 2014. Шэньчжэнь—Пекин 2014 (на кит. яз.). С. 22, 49, 291, 305.

Валовой региональный продукт города в 2012 г. достиг 1295 млрд юаней (в текущих ценах) по сравнению с 248 млрд юаней в 2001 г. По среднему душу ВРП город вышел на 1-е место в КНР. Динамика экономического роста Шэньчжэня опережала общекитайскую.

Дальнейшие глубокие изменения претерпела структура экономики. С 2011 г. доля первого подразделения общественного производства в ВРП Шэньчжэня стала оцениваться как нулевая. Доля второго подразделения (промышленность и строительство) составила 46,5 %, а доля третьего подразделения, т. е. сферы услуг, 53,5 %. На НИОКР было направлено 3,5 % ВРП города — вдвое выше, чем по Китаю в целом²⁴.

Хотя внешняя торговля города продолжала достаточно динамично расти (кроме кризисного 2009 г.), в целом после вступления Китая во Всемирную торговую организацию функция Шэньчжэня как «окна в мир» вполне закономерно ослабла. По мере выравнивания местной ставки подоходного налога с общекитайским показателем (этот процесс шел в 2008—2012 гг.) несколько снизилась и привлекательность Шэньчжэня для иностранных инвесторов: по объему ис-

пользованных прямых иностранных инвестиций он в 2011 г. отступил на 10-е место в стране²⁵.

В то же время усилилось значение иных общегосударственных функций Шэньчжэня, связанных с поиском путей дальнейшей модернизации страны и гармонизации ее общественного развития.

С 1 июля 2010 г. СЭЗ Шэньчжэнь была расширена до масштабов всей административной территории города. К прежним районам Лоху, Футянь, Наньшань и Яньтянь, входившим в СЭЗ, добавились внешние районы Баоань и Лунгань. Площадь СЭЗ Шэньчжэнь выросла с прежних 327,5 км² до 1991 км². (Одновременно до масштабов всего города Сямэнь была расширена СЭЗ Сямэнь — со 150 до 1560 км².)²⁶

31 июля 2010 г. был принят План реформы структуры правительства в г. Шэньчжэнь. Таким образом, Шэньчжэнь в очередной раз стал экспериментальной площадкой для всей страны, на этот раз в деле реформы политико-административных институтов. Суть административной реформы в Шэньчжэне состоит в более четком разграничении функций правительственных ведомств, которые подразделены на «комитеты», ведающие выработкой политики, планов, стандартов, «управления», имеющие исполнительные или надзорные функции, и «канцелярии», не несущие самостоятельных административных функций, а сосредоточенные на помощи работе мэра. Общее количество ведомств мэрии было сокращено с 46 до 31, высвобождено около 500 управленцев²⁷.

Подводя итог, можно констатировать, что Шэньчжэнь стал не только символом успеха внешнеэкономической открытости Китая, но и экспериментальной площадкой для продвижения множества конкретных новаций — от реформы системы заработной платы до создания первого в КНР технопарка и получения опыта реформы системы управления государственным имуществом. Кроме того, Шэньчжэнь явился настоящим китайским «плавильным котлом» для огромного количества молодых людей со всей страны, выросших в квалифицированных рабочих и управленцев.

Шэньчжэнь пока не достиг уровня Гонконга и Сингапура, на которые начал ориентироваться еще в 1990-е годы. В 2009 г. ВВП на один квадратный километр составил здесь 400 млн юаней, тогда как в Гонконге — 1,43 млрд, а в Сингапуре — 1,84 млрд юаней²⁸. На этом направлении Шэньчжэню предстоит пройти немалый путь.

Новая миссия, возложенная на Шэньчжэнь, требует от него прорыва в трансформации модели экономического роста за счет создания

рыночно ориентированной инновационной системы, увеличения потребления населения, отлаживания структуры распределения доходов.

Надо полагать, многое из той специфики, которую обрел Шэньчжэнь, будет уходить, меняться, трансформироваться. Но сам настрой на новаторство, на выполнение авангардных функций сохранится. И в этом смысле у Шэньчжэня будет своя специфика как минимум до середины XXI века, то есть до завершения модернизации Китая.

Примечания

¹ С начала 1990-х годов Шэньчжэнь занимал первое место среди городов КНР по объему внешней торговли. Лишь в отдельные годы его опережал Шанхай. Так, в 2009 г. внешняя торговля Шанхая составила 277,75 млрд долл., а Шэньчжэня — 270,15 млрд долл. В 2010 г. внешняя торговля Шанхая составила 368,9 млрд долл., а Шэньчжэня — 346,75 млрд долл. — Хайгуань тунцзи : [Таможенная статистика]. Пекин, 2009. № 12. С. 14—15; 2010. № 12. С. 14—15.

² Сюйсе «Шэньчжэнь чжуаньци» : [Продолжая писать «шэньчжэньское чудо»]. Специальный доклад журнала «Ляован» // Ляован. Пекин. 23.03.2010. С. 21.

³ Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва // Информационный бюллетень агентства Синьхуа. Пекин. 24.12.1978.

⁴ Мао Лянь, Чэнь Юнминь. Дэн Сяопин цзинцзи тэцзюй сысян яньцзю : [Изучение идей Дэн Сяопина о специальных экономических зонах]. Сямэнь, 1995. С. 144. (На кит. яз.).

⁵ Данные за 1979—1983 гг. «Чжунго цзинцзи няньцзянь 1984» : [«Экономический ежегодник Китая 1984»]. Пекин, 1984. С. VI—180—181; за 1984 г. — Гоцзи мао : [Международная торговля]. Пекин, 1985. № 3. С. 17.

⁶ Мао Лянь, Чэнь Юнминь. Изучение идей Дэн Сяопина о специальных экономических зонах. С. 240.

⁷ Чжунго дуйвай кайфан дицзюй тоуцзы хуаньцзин хэ чжэнцэ : [Открытые районы Китая: инвестиционная среда и политический курс]. Куньмин, 1993. С. 24.

⁸ Жэньминь жибао. 08.03.1985.

⁹ Мао Лянь, Чэнь Юнминь. Указ. соч. С. 268—269; Чжунго тунцзи няньцзянь 1989 : [Статистический ежегодник Китая]. Пекин, 1989. С. 73—74.

¹⁰ Чжунго дуйвай кайфан дицзюй тоуцзы хуаньцзин хэ чжэнцэ. С. 34—41.

¹¹ Чжунго дуйвай кайфан дицзюй тоуцзы хуаньцзин хэ чжэнцэ. С. 42—44.

- ¹² Чжунго тунци няньцзянь 2000 : [Статистический ежегодник Китая 2000]. Пекин, 2000. С. 643.
- ¹³ Чжунго чжэнцюань тунци няньбао 1995 : [Ежегодник статистики ценных бумаг Китая 1995]. Пекин, 1996. С. 71—72.
- ¹⁴ Чжунго хайгуань танци. 2009. № 12. С. 19.
- ¹⁵ Чжунго цзинци няньцзянь 2000 : [Экономический ежегодник Китая 2000]. Пекин, 2000. С. 559.
- ¹⁶ Ху Цзиньтао чжичи Шэньчжэнь гайгэ фачжань цзиши : [Заметки о поддержке Ху Цзиньтао реформ и развития Шэньчжэня] // Ляован. Пекин. 23.08.2010. С. 26.
- ¹⁷ Ляован. 23.08.2010. С. 21.
- ¹⁸ 2007 нянь: Чжунго Шэньчжэнь фачжань баогао : [Доклад о развитии китайского Шэньчжэня — 2007]. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. 2007. С. 83.
- ¹⁹ Shenzhen investment guide. Shenzhen 2006. P. 28—34.
- ²⁰ Доклад о развитии китайского Шэньчжэня — 2007. С. 88—89.
- ²¹ Жэньминь жибао. 08.09.2010.
- ²² BYD: Building a Greener Tomorrow — Beijing Review, November 18, 2010. P. 22—23.
- ²³ Доклад о развитии китайского Шэньчжэня — 2007. С. 268.
- ²⁴ Шэньчжэнь цзинци фачжань баогао 2012: [Доклад об экономическом развитии Шэньчжэня 2012]. Пекин, 2012. С. 2, 13.
- ²⁵ Там же. С. 13.
- ²⁶ Ян Цзюнь, Чжан Ган. Шэньчжэнь, вновь пионер реформы. Китай. Пекин, 2010. Сентябрь. С. 18—19.
- ²⁷ Beijing Review. August 19, 2010. P. 31.
- ²⁸ Ляован. 23.08.2010. С. 21—22.

Глава 2

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Неуклонное снижение годовых темпов прироста валового внутреннего продукта (ВВП) в Китае с 2010 г. (10,6 % в 2010 г., 9,5 % в 2011 г., 7,7 % в 2012 г. и 7,7 % в 2013 г.¹) существенно актуализировало необходимость определенной корректировки сложившейся в стране модели экономического роста.

Рассматриваемая в политико-экономическом плане, «модель экономического роста» представляет собой комплексное понятие, включающее динамику, композицию основных факторов и тип (экстенсивный или интенсивный) роста народного хозяйства, его структурное наполнение (по подразделениям общественного воспроизводства и по отраслям) и качество роста, отражающееся в ресурсоемкости и экологичности создания и в социальных параметрах использования ВВП.

Модель экономического роста той или иной страны выступает одной из важнейших характеристик модели ее экономического развития. В то же время первое, будучи существенно уже по содержанию и проще по структуре, не подменяет и не заменяет собой второе.

Для лучшего понимания различия между двумя категориями приведем неоднократно дававшееся в различных публикациях авторское определение понятия «модель экономического развития»: рассматриваемая в политико-экономическом аспекте *модель развития* представляет собой совокупность базовых особенностей социально-экономического бытия страны, определяемых ее экономическим прошлым и настоящим (уровень развития, масштабы и структура народного хозяйства), природными, трудовыми, финансовыми ресурсами, реально преследуемыми руководством страны целями развития, глубиной и формами взаимодействия национальной экономики с мировым хо-

зяйством. В качестве важнейших компонентов модель включает стратегию социально-экономического развития, тип экономического роста (экстенсивный или интенсивный), ту или иную комбинацию факторов роста, доминирующие особенности функционирования и вектор эволюции хозяйственного механизма, социальные параметры экономики (занятость, степень неравномерности распределения доходов, их уровень и структура использования и т. п.), специфику взаимодействия экономики с политическими институтами, общественной идеологией, ведущими традициями страны². «Модель экономического роста» и «модель экономического развития» — это не синонимы, а скорее часть и целое, как правило, выступающие самостоятельными объектами исследования³.

I

Проблема корректировки сложившейся модели экономического роста для Китая не нова. В экономической истории Китайской Народной Республики известен целый ряд попыток организовать «большой» или «малый» скачок в темпах роста. Их негативные последствия не однажды приходилось преодолевать с помощью специальной политики «урегулирования» нарушенных народно-хозяйственных диспропорций, прежде всего между накоплением и потреблением, между подразделениями общественного воспроизводства (раньше чаще говорили о пропорциях между сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью). В то же время в 1950-е — 1980-е годы главным лимитирующим фактором роста выступали инвестиции, тогда как богатые трудовые ресурсы страны казались неисчерпаемыми. А возможный ущерб окружающей среде как побочный результат экономического роста до поры до времени просто не принимался во внимание.

Впервые о необходимости трансформации модели экономического роста и переходе от опоры на экстенсивные факторы к опоре главным образом на интенсивные факторы роста китайское руководство заговорило на рубеже 1980-х — 1990-х годов. В немалой степени это было обусловлено неблагоприятной внешней средой для развития КНР после тяньаньмэньских событий лета 1989 г. Резкий спад притока иностранных инвестиций в страну вкупе с кратковременным доминированием консервативных антирыночных настроений в правящих кругах имел результатом падение темпов прироста ВВП до минимальных значений за весь период реформ: 4,1 % в 1989 г. и 3,8 % в 1990 г.⁴ Появление в такой ситуации идеи большего акцента

на эффективное и интенсивное использование внутренних факторов роста казалось достаточно естественным и было призвано оправдать выдвижение на пятилетие 1991—1995 гг. весьма скромного для Китая ориентира среднегодового прироста ВВП в 6 %. Однако после запуска в стране более радикальных реформ рыночного типа, на чем настоял Дэн Сяопин в начале 1992 г., экономика Китая получила дополнительную внешнюю и внутреннюю ресурсную подпитку, что на ряд лет отложило идею корректировки традиционной модели роста.

Вновь вернуться к ней заставил азиатский финансовый кризис и стартовавшая непосредственно за ним — с 1999 г. — самая тяжелая фаза реформы государственных предприятий с высвобождением крупных контингентов рабочих и служащих. В конце 1990-х — начале 2000 годов, т. е. в период премьерства Чжу Жунцзи, темпы экономического роста в КНР заметно снизились по сравнению с предшествующим периодом (табл. 1).

Таблица 1. Прирост ВВП КНР в 1999—2002 гг., %

Год	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Прирост	14,2	14,0	13,1	10,9	10,0	9,3	7,8	7,6	8,4	8,3	9,1

Источник: Краткая статистика КНР 2013 : [Чжунго тунцзи чжайяо 2013]. Пекин, 2013. С. 25.

Однако желание сохранить в непростых внутренних и внешних условиях приемлемые темпы развития, найти пути смягчения обострившейся социальной напряженности побудило буквально «скрести по сусекам», то есть использовать по максимуму весь имевшийся внутренний потенциал роста. Итогом этих усилий стало улучшение пропорции между накоплением и потреблением, нашедшее объективное отражение в обобщенных статистических данных (табл. 2).

Прежде всего, обращает на себя внимание повышение доли конечного потребления в ВВП до уровня выше 60 % в 1999—2001 гг. — на 2—3 процентных пункта выше, чем в период ускоренного реформаторства 1993—1996 гг. Во-вторых, до более приемлемых значений снизилась норма накопления (минимум в 35,3 % был достигнут в 2000 г.) Ни по потреблению, ни по накоплению оптимальный для КНР уровень достигнут не был, но важен уже сам по себе позитивный сдвиг в соотношении между ними в пользу потребления, говорящий и о реальных подвижках в модели экономического роста в этот период.

Таблица 2. Структура использования валового внутреннего продукта в Китае в 1992—2002 гг., %

Наименование	Конечное потребление	Формирование капитала	Чистый экспорт товаров и услуг
1992	62,4	36,6	1,0
1993	59,3	42,6	−1,9
1994	58,2	40,5	1,3
1995	58,1	40,3	1,6
1996	59,2	38,8	2,0
1997	59,0	36,7	4,3
1998	59,6	36,2	4,2
1999	61,1	36,2	2,7
2000	62,3	35,3	2,4
2001	61,4	36,5	2,1
2002	59,6	37,8	2,6

Источник: Краткая статистика Китая 2013 : [Чжунго тунцзи чжайяо 2013]. Пекин, 2013. С. 35.

Эта позитивная тенденция, однако, не получила продолжения во время пребывания у власти «четвертого поколения» лидеров КНР, то есть Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао. Напротив, период 2003—2012 гг. в целом характеризуется повышением и сохранением на аномально высоком уровне нормы накопления и, напротив, поддержанием на заниженном уровне показателя конечного потребления в ВВП Китая. За высокие темпы роста в эти годы стране пришлось заплатить серьезными диспропорциями в экономике (табл. 3).

После прихода к власти Си Цзиньпина экономическая политика предшественников стала подвергаться в Китае определенной критике за одностороннюю погоню за темпами роста в ущерб комплексному развитию и за фактический отказ от проведения назревших реформ. Не вдаваясь в детальный анализ данного сюжета, отмечу, что итоги экономической политики Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао и в самом деле оказались весьма противоречивыми. Неоднократные декларации о неотложности трансформации модели экономического роста в стране и достаточно качественная концептуальная разработка ориентиров и методов ее осуществления (например, в Программе экономического

Таблица 3. Годовые темпы прироста и структура использования ВВП КНР в 2003—2012 гг.

Наименование	ВВП	Конечное потребление	Формирование капитала	Чистый экспорт товаров и услуг
	прирост, %	доля, %	доля, %	доля, %
2003	10,0	56,9	41,0	2,1
2004	10,1	54,4	43,0	2,6
2005	11,3	53,0	41,5	5,5
2006	12,7	50,8	41,7	7,5
2007	14,2	49,6	41,6	8,8
2008	9,6	48,6	43,7	7,7
2009	9,2	48,5	47,2	4,3
2010	10,4	48,2	48,1	3,7
2011	9,3	49,1	48,3	2,6
2012	7,8	49,1	48,1	2,7

Источник: Краткая статистика Китая 2013 : [Чжунго тунцзи чайяо 2013]. Пекин, 2013. С. 25, 35.

и социального развития КНР на XII пятилетку 2011—2015 гг., в Программе развития науки и техники на 2006—2020 гг.) не были адекватно реализованы на практике.

Здесь, на мой взгляд, сыграл свою роль целый ряд причин. Вступление КНР во Всемирную торговую организацию дало серьезный дополнительный рынок сбыта продукции многих отраслей китайской промышленности с избыточными производственными мощностями. Настоящая товарная экспансия Китая на мировой рынок, нашедшая косвенное отражение в аномально высокой доле в ВВП чистого экспорта (7,5 % в 2006 г., 8,8 % в 2007 г. и 7,7 % в 2008 г.), не только принесла стране позицию одного из лидеров глобальной торговли, но и обусловила сохранение чрезмерного крена общей комбинации факторов экономического роста в пользу экспорта.

На погоню за высокими темпами роста объективно работала сама по себе стратегия долгосрочного экономического развития страны, принятая в начале 2000-х годов. Речь, в первую очередь, идет о задаче построения к 2020 г. среднезажиточного общества и ее цифровом «оформлении» — увеличении ВВП страны за 20 лет в четыре раза.

Свою лепту внесли начатые в эти годы программы «большого освоения» западных территорий и возрождения промышленной базы на Северо-Востоке Китая. Сегодня уже можно задним числом констатировать, что в 2000-е годы Чжуннаньхай не справился с аппетитами региональных элит, стал скорее потакать им, нежели жестко противодействовать или хотя бы сдерживать.

Сказалась и возросшая зависимость глубоко втянувшегося в глобализацию Китая от ситуации в мировой экономике. По свидетельству китайских аналитиков, к серьезному реформатированию первоначально задумывавшейся экономической политики Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао пришлось прибегнуть уже в первый год их лидерства⁵. И дело не только в эпидемии атипичной пневмонии, повлекшей серьезные незапланированные расходы, но и в резком ухудшении для КНР мировой экономической конъюнктуры, в первую очередь из-за существенного роста цен на нефть после вторжения США в Ирак. Вместо планировавшегося активного проведения реформ главной для Китая стала тогда задача сохранения темпов роста и устойчивости народного хозяйства.

Крупный пакет мер стимулирования экономического роста с целью противодействия мировому экономическому кризису в 2008—2009 гг., позволивший сохранить достаточно высокие темпы прироста ВВП (соответственно, 9,6 и 9,2 %) имел и серьезные негативные последствия: норма накопления в КНР подпрыгнула на новый, еще более высокий уровень — с 41,6 % в среднем за 2005—2007 гг. до 43,7 % в 2008 г., 47,7 % в 2009 г. и более 48 % в 2010—2012 гг. То есть крен в факторах роста в сторону инвестиций не только не ослаб, но, напротив, еще более усугубился.

Однако, похоже, задачи сохранения желаемых темпов экономического роста даже столь внушительная инвестиционная накачка уже не решала. После выхода в течение шести из десяти лет правления Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао на двузначные цифры прироста ВВП Китай столкнулся с существенным снижением этого показателя: прирост ВВП в 2012 г. составил 7,8 % (позднее прирост пересмотрен и снижен до 7,7 %), в 2013 г. — 7,7 %.

При этом, по оценке Международного валютного фонда, сделанной в июле 2013 г., без корректировки действующей модели экономического роста с ее чрезмерной опорой на экспорт и инвестиции в инфраструктуру темпы прироста ВВП в Китае уже после 2018 г. могут упасть до 4 %⁶, что негативно сказалось бы как на реализации долгосрочных целей развития, так и на социальной стабильности в стране.

Именно поиском путей сохранения приемлемых темпов прироста ВВП и объясняется, в первую очередь, разворот в Китае к практической модификации сложившейся модели экономического роста.

II

Современное видение китайским руководством задачи смены модели экономического роста довольно полно отражено в ряде официальных документов, прогнозах ученых и выступлениях лидеров страны последних лет. XII пятилетняя программа экономического и социального развития КНР, принятая 14 марта 2011 г., охарактеризовала пятилетие 2011—2015 гг. как «ключевой период ускорения трансформации способа развития экономики». Ведущую роль в деле корректировки модели роста программа отвела «стратегическому урегулированию» структуры производства, в рамках которого были особо подчеркнуты задачи «формирования механизма расширения внутреннего спроса, ускорения развития новых стратегических отраслей и сферы услуг». «Важная поддерживающая функция» закреплялась за научно-техническим прогрессом и инновациями, а «обеспечение и улучшение жизни народа» по традиции было объявлено «исходным и конечным пунктом» смены способа развития экономики. Был намечен и ряд конкретных задач совершенствования структуры экономики, повышения ее социальной отдачи и снижения ресурсоемкости. В их числе — увеличение за пять лет доли добавленной стоимости в сфере услуг в ВВП страны на 4 процентных пункта, показателя урбанизации — также на 4 процентных пункта, снижение удельных затрат воды на выработку единицы добавленной стоимости в промышленности на 30 % и энергозатрат на производство единицы ВВП — на 16 %, обеспечение прироста среднедушевых располагаемых доходов горожан и чистых среднедушевых доходов жителей деревни не менее 7 % в год и т. п.⁷

В концептуальном плане проблемы перехода к новой модели экономического роста были наиболее фундаментально проработаны в обстоятельном докладе «Китай 2030. Построение современного гармоничного и креативного общества высоких доходов». Он был подготовлен совместно Всемирным банком и Центром исследования проблем развития Госсовета КНР и впервые представлен на специальной конференции в Пекине в ноябре 2011 г.⁸ В работе сформулированы шесть основных задач, которые должен решить Китай для продолжения успешного роста. Это — структурные реформы с целью усиления рыночных основ экономики, формирование открытой инновацион-

ной системы, укоренение «зеленой экономики», развитие системы социального обеспечения с гарантиями для всех слоев населения, укрепление финансовой системы, дальнейшее углубление взаимодействия с мировой экономикой.

На каждом из этих направлений имеется немало серьезных препятствий. Так, ущерб от деградации окружающей среды в КНР оценивается в докладе в 9 % ВВП. Расходы страны на образование в 2008 г. составили 3,7 % ВВП по сравнению с 5,4 % в странах — членах ОЭСР, а на социальную защиту — всего 4,7 % против 15,2 %. Этот ряд легко продолжить.

Комплексные последовательные усилия должны будут, по мнению авторов доклада, привести к снижению доли накопления и росту доли потребления в ВВП до существенно более рациональных по сравнению с нынешним уровнем значений (табл. 4).

Таблица 4. Прогноз динамики показателей накопления и потребления в ВВП Китая

Период	1995—2010	2011—2015	2016—2020	2021—2025	2025—2030
Доля формирования капитала в ВВП на конец периода, %	46,4	42	38	36	34
Доля потребления в ВВП на конец периода, %	48,6	56	60	62	66

Источник: China 2030: Building a Modern, Harmonious, and Creative. High Income Society — The World Bank; Development Research Center of the State Council, the People's Republic of China. Washington, 2012. P. 89.

В любом случае, однако, прогноз лишний раз подчеркнул долговременность и непростой характер процесса трансформации модели экономического роста в Китае.

Пятое поколение лидеров КПК и КНР, занявшее руководящие посты по итогам XVIII съезда правящей Коммунистической партии Китая (ноябрь 2012 г.) и 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва (март 2013 г.), в целом солидаризировалось с унаследованной от предшественников задачей трансформации модели экономического роста в стране, но стало искать и предлагать свои собственные подходы к путям ее решения.

Весьма показательным в этом отношении стало выступление премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна перед делегатами 16-го Всекитайского съезда профсоюзов 21 октября 2013 г. Поскольку в нем были

даны некоторые новые или нестандартные трактовки ряда актуальных проблем экономического развития Китая, то в зарубежных СМИ после этого закрепился термин «ликономика», т. е. «экономическая политика по Ли Кэцяну», впервые употребленный экономистами инвестибанка Barclays Capital в июне 2013 г.

Особого внимания заслуживает трактовка премьером проблемы темпов экономического роста в Китае. Он ввел понятия верхнего и нижнего пределов колебания темпов годового прироста ВВП в стране (буквально — «потолка и пола»). В качестве минимально возможного показателя назван прирост в 7—7,5 %. Только при таком приросте Китай, как утверждал Ли Кэцян, способен ежегодно трудоустраивать не менее 10 млн новых работников — а такая необходимость сохранится в обозримой перспективе хотя бы по причине динамичного роста уровня урбанизации.

Потолок годового прироста ВВП в Китае определяется в первую очередь задачей не превысить уровня роста потребительских цен в 3,5 %, с тем чтобы минимизировать воздействие роста цен на жизнь населения, особенно беднейших слоев (около 50 млн человек на селе и 20 млн человек в городе, живущих на пособия). Практически этот потолок также близок к показателю в 7,5 %. По мнению Ли Кэцяна, если для Китая такие среднегодовые темпы прироста ВВП считаются средними (в сравнении с показателями двузначного роста, т. е. более 10 %, достигнутыми ранее), то на общемировом фоне они остаются высокими. Как бы то ни было, благодаря некоторому снижению темпов роста, которых, впрочем, вполне достаточно для достижения к 2020 г. уровня «первичной зажиточности», Китай получает возможность сосредоточиться на урегулировании структуры экономики, освобождении от избыточных мощностей, прежде всего в некоторых отраслях тяжелой промышленности, развитии энергосбережения и улучшении охраны окружающей среды, на повышении качества роста в целом⁹.

В китайских СМИ с середины 2013 г. активно заговорили о «прощании страны с эпохой восьмипроцентного роста»¹⁰, о необходимости поддержания «рационального роста», «баланса темпов и качества» и избегания темпов, «от которых потом болят кости»¹¹.

Комплекс мероприятий по углублению в Китае преобразований рыночного типа был сформулирован в принятом 3-м Пленумом ЦК КПК 18-го созыва 12 ноября 2013 г. «Решении ЦК КПК о некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформы». Оно предусматривает активизацию инвестиционной деятельности предприятий

негосударственных форм собственности, реформу системы первичного распределения и совершенствование системы перераспределения доходов, призванных сократить межрегиональные и межотраслевые разрывы в уровне доходов. В конечном итоге, как констатируется в «Решении» (пункт 44), в Китае должна сформироваться архитектура доходов типа «регбийного мяча» — то есть с небольшой долей лиц с очень высокими и очень низкими доходами при доминировании граждан со средними для общества доходами. Важную роль как в реализации принципа социальной справедливости, так и в стимулировании потребления (через сокращение доли средств, направляемой в сбережения) призвано сыграть создание устойчивой диверсифицированной системы социального обеспечения¹².

В целом, похоже, современное китайское руководство представляет трансформацию модели экономического роста как сугубо постепенный, долговременный процесс, призванный мало-помалу выправить перекосы и по максимуму сохранить сильные сравнительные преимущества сложившейся модели и характерные для нее высокие по общемировым меркам темпы роста. Показательно, что в отличие от зарубежных экспертов, как правило, говорящих о переходе Китая от инвестиционной или экспортно ориентированной модели роста к опоре на внутренний потребительский спрос как главный фактор роста, в самой КНР акценты часто расставляются несколько иначе, не столь прямолинейно и однозначно. Так, ведущий политический еженедельник Китая журнал «Ляован» уподобил народное хозяйство страны трехколесному автомобилю, где каждое «колесо» — потребление, инвестиции и сбыт на мировом рынке — играет незаменимую роль. Базовая роль принадлежит потреблению и в дальнейшем она будет усиливаться. Однако на нынешнем этапе индустриализации и урбанизации инвестициям принадлежит ключевая роль в обеспечении экономического роста. А спрос со стороны внешнего рынка помогает стабилизировать занятость и «переварить» избыточные производственные мощности. Так что экспорт выступает важной «подпоркой», от которой нельзя бездумно отказаться¹³. Словно иллюстрируя последнюю мысль, премьер Ли Кэцян в вышеупомянутом выступлении на съезде профсоюзов отметил, что в экспортном секторе страны непосредственно занято 30 млн человек, вместе со смежными производствами — до 100 млн человек. А в докладе о работе правительства на 2-й сессии ВСНП 12-го созыва он почти дословно повторил формулировку «Ляована» о базовой роли потребления и ключевой роли инвестиций¹⁴.

III

Вполне естественно, что основные концептуальные представления о трансформации модели экономического роста заметно конкретизируются в разработках китайского научного сообщества и в той или иной мере корректируются в практике реального текущего функционирования народного хозяйства.

Одним из центральных неизменно является вопрос о *темпах* прироста ВВП страны в ближайшее время, в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

По мнению ученых, Китаю предстоит всесторонне адаптироваться к переходу от высоких темпов роста к их постепенному снижению. Как полагает один из ведущих экономистов КНР Лю Шучэн, этот процесс последовательно пройдет несколько этапов. В настоящее время КНР от «высоких темпов прироста» переходит к «средне-высоким», а далее пройдет через этапы «средних», «средне-низких» и «низких» темпов. По его мнению, «рациональным» в ближайшие годы был бы годовой прирост ВВП в диапазоне от 7,5 % до 9 %¹⁵.

Если ранее основная задача макроэкономической политики состояла во всемерном сдерживании темпов роста экономики в верхних границах, то ныне, напротив, она заключается в предотвращении снижения прироста ниже условной нижней границы. Как показала экономическая ситуация первой половины 2013 г., такая угроза вполне реальна, давление факторов, действующих в пользу снижения темпов роста, весьма значительно. Поскольку замедление прироста ВВП породило такое негативное следствие, как неудовлетворительное поступление финансовых доходов в центральный бюджет, и, кроме того, дало повод для широкой циркуляции в мире слухов о «жесткой посадке» и даже «крахе» китайской экономики, то китайскому руководству пришлось предпринять меры по «стабилизации роста, урегулированию структуры и содействию реформам». В их числе называются ускорение железнодорожного строительства, ликвидация части городских трущоб, стимулирование экономии энергии и защиты окружающей среды, потребления информационных продуктов и услуг, а также политика развития городской инфраструктуры и сети услуг для пожилых людей. Уже в июле—августе 2013 г. положение стало выправляться, и прирост ВВП с 7,5 % во втором квартале увеличился до 7,8 % в третьем квартале¹⁶.

По мнению Лю Шучэна, главный резерв поддержания страной желаемых темпов роста состоит в полном использовании потенциала

развития, вытекающего из «двух разрывов», ныне существующих в Китае.

Первый из них — это разрыв в уровне среднедушевых доходов между регионами страны. Его постепенное преодоление предоставляет значительное пространство для будущего роста экономики.

Второй разрыв — между городом и деревней. Фактически показатель урбанизации в КНР в 2012 г. достиг 52,5 %, но городскую прописку имеют лишь 35 % жителей страны. Как полагает ученый, общее повышение уровня урбанизации и, особенно, ее качества — то есть «лечение» многочисленных «городских болезней», решение жилищных и социальных проблем сельских мигрантов и т. п. — будет способствовать одновременно трансформации модели и поддержанию требуемых темпов роста, увеличению и потребления, и инвестиций¹⁷.

Что касается прогноза темпов прироста экономики страны в средне- и долгосрочной перспективе, то различные группы китайских ученых дают в настоящее время близкие оценки. Так, ученые-экономисты Академии общественных наук Китая в последней по времени «Синей книге по экономике» за 2014 г. оценивали среднегодовой прирост ВВП в пятилетке 2011—2015 гг. в диапазоне 7,8—8,7 %, в 2016—2020 гг. в 5,7—6,6 % и в 2021—2030 гг. в 5,4—6,3 %¹⁸. А в прогнозе экономического роста в Китае на период 2014—2023 гг., который подготовлен учеными Центра исследования проблем развития при Госсовете КНР во главе с Лю Шицзином, предсказывается постепенное снижение темпов прироста ВВП страны с 7,5 % в 2014 г. до 6,9 % в 2016, 6,3 % в 2020, 5,8 % в 2021 и до 5,5 % в 2023 г.¹⁹

В деле трансформации модели экономического роста в Китае одно из ведущих мест отводится внутреннему *спросу*. На 2-й сессии ВСНП 14-го созыва Ли Кэцян призвал к полному выявлению огромного потребительского потенциала населения страны и назвал ряд мер, призванных этому способствовать. Среди них повышение доходов населения, наращивание информационного потребления и потребления в сфере услуг, в том числе в сфере здравоохранения, туризма, культуры и т. п. Журнал «Ляован» прогнозирует, что в будущем Китай превратится в крупнейший потребительский рынок мира: в 2020 г. объем розничного товарооборота в стране может достичь 50—60 трлн юаней (в 2013 г. 23,78 трлн²⁰). Сюда надо добавить 4 трлн долл. экспорта (в 2013 г. 2,21 трлн долл.) плюс объем обращения на рынке материальных ценностей, вдвое превышающий ВВП²¹. Вероятно, эти цифры нуждаются в уточнении, но факт остается фактом: близкие к правительству эксперты в Китае предрекают неуклонный

поступательный рост доли потребления в ВВП. К примеру, по прогнозу Центра исследования проблем развития при Госсовете КНР на 2014—2023 гг., опубликованному в апреле 2014 г., доля потребления в расходах ВВП должна с 49,6 % в 2014 г. увеличиться до 52,6 % в 2017 г., 58,2 % в 2021 и 61,2 % в 2023 г.²²

В то же время тезис о ведущей и возрастающей роли внутреннего спроса и потребления в экономической динамике грядущих лет не пользуется всеобщей поддержкой. Крайней здесь является та точка зрения, что сама идея переноса акцента в факторах экономического роста на спрос придумана на Западе с целью затормозить развитие китайской экономики²³. Однако высказываются и более аргументированные оговорки и возражения. Так, эксперт Государственного информационного центра Нью Ли отмечает: базовая роль потребления связана с тем, что оно представляет собой конечный спрос, и в короткий срок не может ни вырасти, ни упасть значительно. Поэтому потребление делает экономический рост стабильным, устойчивым. Инвестиции же являются промежуточным спросом, и без них крайне трудно было бы подготовить и запустить в действие многие «точки роста» в экономике²⁴.

Во многом неясным является вопрос о реальном платежеспособном спросе населения, о том, насколько велик его потенциал. Солидный объем банковских вкладов жителей Китая (в 2012 г. 39,95 трлн юаней при ВВП 51,93 трлн юаней), структура расходов жителей города и села, их пока еще относительно невысокая обеспеченность такими предметами длительного пользования, как автомобили (в городе 21,5 машин на 100 семей, по селу данных нет), могут привести к выводу о наличии значительных резервов роста потребления в стране²⁵. Однако вряд ли это и на самом деле так: ведь как показывают исследования распределения доходов в КНР, половина семей не имеет каких-либо сбережений в банках и тратит деньги лишь на самое необходимое²⁶.

Более того, ряд ученых ставит под сомнение саму достоверность статистических данных о доходах и потреблении. По оценке Ван Сяолу из Национального института экономических исследований, в 2008 г. совокупный располагаемый доход населения Китая, направленный на потребление (включая строительство жилья за счет собственных средств) и сбережения, составил 22,1—22,6 трлн юаней, тогда как статистические данные, базирующиеся на выборочных обследованиях подворного (семейного) дохода, дают величину лишь в 13 трлн юаней²⁷. Скорее всего, разница отчасти объясняется круп-

ными размерами «серых доходов» в Китае, которые, как показал тот же Ван Сяолу в другой своей работе, сконцентрированы главным образом в группах населения с высокими официальными доходами. Так, в 2008 г. на 10 % горожан с наивысшими официальными доходами пришлось 62,5 % всех «серых доходов», а на 20 % горожан с наиболее низкими доходами — лишь 0,4 % общей массы «серых доходов»²⁸. Главный вывод из всего этого, наверное, состоит в том, что «резервное пространство» наращивания потребительского спроса в Китае не столь велико, как принято считать и как кажется на первый взгляд.

Повышение доли потребления и адекватное снижение *нормы накопления* в распределяемом валовом внутреннем продукте является стержнем всего процесса трансформации модели экономического роста. Вполне естественно, что Центр исследования проблем развития Госсовета КНР прогнозирует снижение нормы накопления с 47,6 % в 2013 г. до 44,6 % в 2017, 40,7 в 2020, 39,0 в 2021 и 36,0 % в 2023 г.²⁹

В то же время в Китае прекрасно осознают огромную инерционность инвестиционного процесса, «усугубляемую» весьма жестким противодействием региональных элит любым попыткам умерить их инвестиционные аппетиты. Поэтому достаточно типичными представляются заявления о необходимости изменять пропорцию между инвестициями и потреблением сугубо постепенно, в ходе будущего развития и реформ, делая упор на повышении эффективности инвестиций³⁰.

Директор института экономики и финансов Финансового университета Шанхая Чжао Сяолэй полагает, что с теоретической точки зрения потребление не может определять экономический рост. Самым главным источником и мотором роста экономики является накопление капитала и инвестиции. Другие факторы производства — и повышение производительности труда, и научно-технический прогресс — реализуются через вложение капитала. Основная проблема, по мнению Чжао Сяолэя, заключается не в будто бы существующей несбалансированности норм накопления и потребления, а в отсутствии баланса прав и ответственности в инвестиционной политике и инвестиционных действиях местных правительств. Они не регулируются рыночными механизмами, что часто ведет к неэффективности капиталовложений. К тому же финансовая ответственность за результаты инвестиций сплошь и рядом отсутствует. Именно эту практику и следует реформировать³¹.

На наш взгляд, достаточно противоречивая ситуация с капиталовложениями в Китае может сохраняться еще какое-то время. Меры по стимулированию притока «народного» капитала (т. е. средств населения и предпринимателей) в ранее закрытые для него отрасли действуют в пользу дальнейшего наращивания объема совокупных общественных инвестиций. Вместе с тем массовый выход местных правительств на опасный уровень задолженности³², ставший на данный момент одной из самых острых текущих проблем в экономике КНР, побуждает китайское руководство прибегнуть к «драконовским мерам» по упорядочению инвестиционной сферы.

Крупномасштабный *экспорт* товаров остается важной составной частью нормального функционирования экономики КНР. Кроме того, он играет незаменимую роль в укреплении позиций Китая в мировой экономике, а фактически и в мировой политике.

В последние годы стали чаще встречаться суждения о не столь значительной, как следует из соотношения объемов внешней торговли и валового внутреннего продукта, роли экспорта в обеспечении экономического роста в Китае. Они отчасти связаны с призывами и пожеланиями перенести здесь центр тяжести с инвестиций и экспорта на внутреннее потребление. Многих вводит в заблуждение и сравнительно небольшой вес чистого экспорта в ВВП страны.

Полагаю, прояснить картину может показатель доли экспорта в суммарном объеме производимой в стране продукции. Условно ее можно принять равной юаневой сумме общественного розничного товарооборота, инвестиций в основные фонды и экспорта товаров за границу (табл. 5).

Хорошо видно, что в 1980-е годы, в начальный период запуска политики внешнеэкономической открытости, доля экспорта была небольшой — в диапазоне 9—13 % с постепенным повышением. «Первую скрипку» играла розничная торговля (50—60 %), а на инвестиции приходилось примерно 30 %. В 1990-е годы доля экспорта в массиве произведенной в Китае продукции выходит на уровень 20 %, доля розничной торговли снижается до 45 %, а доля инвестиций повышается до 35 %. Именно это соотношение — 20:45:35 — многие китайские ученые-экономисты называли близким к оптимуму.

Плюсы членства во Всемирной торговой организации дали Китаю возможность пережить своего рода «золотой век» наращивания экспорта: в период 2003—2008 гг. его доля в экономике варьировала в диапазоне 25—29 %. При этом доля инвестиций возросла до уровня 40 % и более, а доля розничной торговли постепенно опустилась до 30 %.

Таблица 5. Соотношение объемов и долей розничной торговли, инвестиций и экспорта в экономике Китая, млрд юаней/процентов

Год	Розничная торговля	Инвестиции и основные фонды	Экспорт	Сумма	Доля		
					Розничная торговля	Инвестиции и основные фонды	Экспорт
1981	235,0	96,1	36,8	367,9	63,9	26,1	10,0
1982	257,0	123,0	41,4	421,4	61,0	29,2	9,8
1983	284,9	143,0	43,8	471,7	60,4	30,3	9,3
1984	337,6	183,3	58,0	578,9	58,3	31,7	10,0
1985	430,5	254,3	80,9	765,7	56,2	33,2	10,6
1986	495,0	312,0	108,2	915,2	54,1	34,0	11,9
1987	582,0	379,2	147,0	1108,2	52,5	34,2	13,3
1988	744,0	475,4	176,7	1396,1	53,3	34,1	12,6
1989	810,0	441,0	195,6	1446,6	56,0	30,5	13,5
1990	830,0	451,7	298,6	1580,3	52,5	28,6	18,9
1991	941,5	559,4	382,7	1883,6	50,0	29,7	20,3
1992	1099,4	808,0	467,6	2375,0	46,3	34,0	19,7
1993	1427,0	1307,2	528,5	3262,7	43,7	40,1	16,2
1994	1862,3	1704,2	1042,2	4608,7	40,4	37,0	22,6
1995	2361,4	2001,9	1245,2	5608,5	42,1	35,7	22,2
1996	2836,0	2291,3	1257,6	6384,9	44,4	35,7	19,7
1997	3125,3	2494,1	1516,0	7135,4	43,8	35,0	21,2
1998	3337,8	2840,6	1522,3	7700,7	43,3	36,9	19,8
1999	3564,8	2985,5	1616,0	8166,3	43,6	36,6	19,8
2000	3910,6	3291,8	2063,4	9265,8	42,2	35,5	22,3
2001	4305,5	3721,4	2202,4	10 229,3	42,1	36,4	21,5
2002	4813,6	4350,0	2694,8	11 858,4	40,6	36,7	22,7
2003	5251,6	5556,7	3628,8	14 437,1	36,4	38,5	25,1
2004	5950,1	7047,7	4910,3	17 908,1	33,2	39,4	27,4
2005	6835,3	8877,4	6264,8	21 977,5	31,1	40,4	28,5

Окончание табл. 5

Год	Розничная торговля	Инвестиции и основные фонды	Экспорт	Сумма	Доля		
					Розничная торговля	Инвестиции и основные фонды	Экспорт
2006	7914,5	10 999,8	7759,8	26 674,1	29,7	41,4	29,1
2007	9357,2	13 732,4	9368,7	32 452,3	28,8	42,3	28,9
2008	11 483,0	17 282,8	10 039,5	38 805,3	29,6	44,5	25,9
2009	13 267,8	22 459,9	82—3,0	43 930,7	30,2	51,1	18,7
2010	15 699,8	25 168,4	10 702,3	51 570,5	30,4	48,8	20,8
2011	18 391,8	30 239,6	12 324,1	60 955,5	30,2	49,6	20,2
2012	21 030,7	37 467,5	12 935,9	71 434,1	29,4	52,5	18,1
2013	23 781,0	44 707,4	13 719,4	82 207,8	28,9	54,4	16,7

Источник: Составлено и рассчитано по: Краткая статистика Китая 2013 : [Чжунго тунцзи чжайяо 2013]. Пекин, 2013. С. 49, 154; Жэньминь жибао. 25.02.2014; Хайгуань тунцзи. 2013. № 12. С. 3.

Огромная инвестиционная накачка экономики Китая с конца 2008 г. подбросила долю инвестиций в анализируемой триаде до уровня 50 % и более, опустив долю экспорта до 20 %. Предполагаю, что в интересах Китая удержать ее на этом уровне.

Совершенно очевидно, что страна, ставшая в 2013 г. экспортером номер один в мире (2,2 трлн долл.), не собирается сокращать экспорт. Более того, учреждение в Шанхае зоны свободной торговли призвано обеспечить экспериментальную и законодательную отработку углубления взаимодействия КНР с мировым рынком.

Тем не менее дальнейшее наращивание Китаем экспорта обещает не быть столь же динамичным, что и в «нулевые» годы. Будет отрицательно сказываться как общее замедление темпов роста мировой торговли, так и растущее стремление многих стран активнее противодействовать экспортной экспансии Пекина. Поэтому прогноз Центра исследования проблем развития при Госсовете КНР о примерно 10-процентном среднегодовом приросте объема экспорта страны в следующие десять лет излишне оптимистичен³³.

В корректировке структуры общественного производства одной из наиболее сложных и в то же время неотложных проблем является

сокращение избыточных производственных мощностей. 15 октября 2013 г. Госсовет КНР обнаружил «Руководящие принципы решения проблемы серьезного избытка производственных мощностей», где были выделены отрасли, ситуация в которых наиболее критична. На конец 2012 г. коэффициент использования имеющихся мощностей в производстве цемента составлял лишь 72 %, в выплавке электролитического алюминия 73,7 %, производстве оконного стекла 71,9 %, судов — 75 %, выплавке стали — 73,1 %. Классическим примером может служить ситуация со сталью, мощности по выплавке которой с 300 млн т в 2003 г. выросли до почти миллиарда тонн в 2012 г. Поставлена задача сократить эти мощности на 80 млн т в течение пяти лет. Однако ее выполнение представляется весьма непростым делом из-за отчаянного противодействия местных властей, для которых сталелитейные производства нередко служат основным источником налоговых доходов. Так, завод, выплавляющий миллион тонн стали в год, платит 300—500 млн юаней налогов, что эквивалентно всем доходам обычного уезда³⁴.

Еще одна проблема, порожденная той же причиной — невыполнение решений правительства о концентрации производства. Например, пятилетним планом было намечено в 2015 г. сосредоточить 90 % выплавки алюминия в 10 крупнейших компаниях, однако пока их доля менее 40 %³⁵.

В китайской печати высказывались предположения, что правительство КНР предпримет дополнительные меры по обеспечению приоритетов государственной промышленной политики, реорганизации промышленности и закрытию избыточных мощностей. Однако, судя по сообщениям зарубежных СМИ, подчас власти оказывались вынуждены вновь запускать уже остановленные производства в интересах сохранения финансовой и социальной стабильности на местах.

Показательно, что по итогам заслушивания на заседании Постоянного комитета ВСНП 25 декабря 2013 г. доклада главы Комитета по делам развития и реформ Госсовета КНР Сюй Шаоши о ходе реализации Программы XII пятилетки был сделан вывод, что «подвижки в структуре экономики в желаемом направлении замедлились. Модель экономического роста, опирающаяся на наращивание инвестиций, не претерпела коренных изменений»³⁶.

Реализация еще одного целевого ориентира структурных сдвигов в экономике — развития новых стратегических отраслей — в решающей степени зависит от наращивания *научно-технического потенциала* Китая и внедрения его достижений в производство. За период с

2006 г., когда руководство страны поставило задачу постепенного превращения Китая в инновационное государство, доля расходов на НИОКР в ВВП выросла в полтора раза и в 2013 г. превысила 2 %. Вдвое возросли затраты на каждого занятого в фундаментальных исследованиях. Вместе с тем существенные, прорывные подвижки менее впечатляющи. Так, ключевой показатель инновационности — индекс вклада научно-технического прогресса в экономический рост — вырос в 2012 г. по сравнению с 2005 г. всего на одну пятую, а индекс роста доли доходов от реализации новой продукции — на 11,5 %³⁷.

Одной из причин относительно медленных сдвигов в увеличении роли научно-технического прогресса как фактора экономического роста страны в самом Китае считают все еще недостаточный уровень расходов на НИОКР в высокотехнологичных отраслях. Если в мире в среднем на них направляется не менее 5 % доходов от реализации продукции, а в США в таких сферах, как биология и медицина, этот показатель превышает 15 %, то в КНР эта величина заметно ниже: 2,18 % в транспортном оборудовании (включая авиацию и космонавтику), 1,86 % в приборостроении и 1,63 % в медицинской технике. На наш взгляд, определенным изъяном, препятствующим систематическому достижению крупных прорывов в науке и технике, является и сама структура расходов на НИОКР: в 2012 г. 83,9 % всех расходов пошли на опытно-конструкторские разработки, 11,3 % — на прикладные исследования и только 4,8 % — на фундаментальные исследования³⁸. Здесь Китаю явно нужна стратегия дальних горизонтов.

* * *

Таким образом, можно констатировать, что трансформация модели экономического роста в Китае представляет собой масштабную и весьма трудную задачу, реализация которой займет, как минимум, все следующее десятилетие. Представляется, что попытки руководства страны сохранить высокие темпы роста, объясняемые необходимостью обеспечить приемлемый уровень занятости и социальной стабильности, но, несомненно, питаемые также и глобальными амбициями Китая, сами по себе оказывают тормозящее воздействие на процесс смены модели роста. Пока мы имеем основания говорить не о кардинальных сдвигах, а скорее о некоторой модификации соотношения факторов роста. Дойдет ли дело до подлинно глубоких изменений и когда именно, покажет время.

Примечания

¹ Краткая статистика Китая 2015 : [Чжунго тунци чжайяо 2015]. Пекин, 2015. С. 24.

² *Портяков В.Я.* Экономическая реформа в Китае (1979—1999 гг.). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002. С. 128.

³ Тем не менее подчас строгое разграничение двух этих категорий не проводится. Так, одна из немногих добротных отечественных работ, анализирующих именно экономический рост в Китае, носит «комплексное» название «Экономический рост КНР. Изменение модели развития (1993—2009 гг.)» (автор — В.В. Лапердина). Работа издана в Институте экономики РАН в 2011 г.

⁴ Краткая статистика Китая 2013. С. 22.

⁵ Особое влияние событий в самом Китае и в мировой экономике в 2003 г. на формирование экономической политики четвертого поколения лидеров КНР было, в частности, детально рассмотрено в лекции профессора Чжан Яньшэна из Комитета по делам развития и реформ Госсовета КНР, с которой он выступил 22 сентября 2013 г. перед делегацией российских специалистов по БРИКС.

⁶ См.: *Юань Шиман.* Чжунго чжицзао дэ «яофан» : [«Лекарство», произведенное в Китае] // Синьхуа юэбао. Пекин, 2013. Сентябрь. Ч. 2. С. 33.

⁷ См.: XII пятилетняя программа экономического и социального развития Китайской Народной Республики : [Чжунхуа жэньминь гунхэге гоминь цзинци хэ шэхуй фачжань дишиэр унянь гуйхуа ганьяо]. Пекин, 2011. С. 1, 6—11.

⁸ China 2030: Building a Modern, Harmonious and Creative High Income Society. Conference Edition. Washington, 2012. 468 p.

⁹ *Li Keqiang.* Address on China's Current Economy at the 16th National Congress of Chinese Trade Unions // Beijing Review. November 21, 2013. Supplement. P. 1—4.

¹⁰ *Ма Гуаньюань.* Китайская экономика прощается с эпохой «8-процентного роста» // Китай. Пекин, 2013. № 8. С. 30.

¹¹ *Ван Жэньгуй, Ши Сишэн, Цзяо Сыюй.* На следующий год в экономике вновь надлежит «повышать качество и контролировать риски» : [Миннянь цзинци чунцзай «ти чжи кун сянь»] // Ляован. Пекин, 2013. № 51. С. 12.

¹² Решение ЦК КПК о некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформы : [Чжунгун чжунъян гуаньюй цюаньянь шэньхуа гайгэ жо- гань чжунда вэньти дэ цзюедин]. Пекин, 2013. 60 с.

¹³ Ляован. 2013. № 51. С. 12.

¹⁴ См.: *Ли Кэцянь.* Доклад о работе правительства. 05.03.2014.

¹⁵ *Лю Шучэн.* Экономический рост в Китае от высоких темпов переходит к средневысоким : [Чжунго цзинци цзэнчжан ю гаосу чжуаньжу чжун гаосу] // Цзинцзисюэ дунтай. Пекин, 2013. № 10. С. 4—6.

¹⁶ Анализ и прогноз экономической ситуации в Китае в 2014 г. : [2014 нянь Чжунго цзинци синши фэньси юй юйцэ]. Пекин, 2014. С. 64, 56.

¹⁷ Лю Шучэн. Цит. раб. С. 7—8.

¹⁸ Анализ и прогноз экономической ситуации в Китае в 2014 г. С. 5.

¹⁹ Прогноз экономического роста Китая на десять лет (2014—2023) : [Чжунго цзинци шинянь чжаньван]. Пекин, 2014. С. 41.

²⁰ Статистическое коммюнике о народнохозяйственном и социальном развитии Китайской Народной Республики в 2013 г. // Жэньминь жибао. 25.02.2014.

²¹ Ляован. 2013. № 51. С. 13.

²² Прогноз экономического роста Китая на десять лет. С. 41.

²³ Именно такую точку зрения высказал известный ученый-экономист Вин Тай У (Wing Thye Woo) на презентации в Париже 4 сентября 2012 г. книги «A New Economic Growth Engine for China. Escaping the Middle-Income Trap by Not Doing More of the Same» — Singapore, 2012.

²⁴ Ляован. 2013. № 51. С. 12.

²⁵ Краткая статистика Китая 2013. С. 10, 102, 105, 110.

²⁶ В частности, данная ситуация была детально рассмотрена в выступлении Го Цзаньняня (Юго-Западный финансово-экономический университет, Чэнду) на Круглом столе «Смещение фокуса мировой экономики в Азию — вызовы для Китая, России и ЕС», который был проведен в Москве 6 июня 2014 г. Фондом Фридриха Эберга и Институтом Дальнего Востока РАН.

²⁷ Ван Сяолу. Преувеличены ли размеры серых доходов? : [Хуйсэ шоужу бэй куада лэ ма?] / National Economic Research Institute, China Reform Foundation. 2011. URL: <http://www.neri.org.cn/document/201204164011375191.pdf> (дата обращения: 11.06.2014).

²⁸ Цит. по: A New Economic Growth Engine for China... Р. 22.

²⁹ Прогноз экономического роста Китая на 10 лет... С. 41.

³⁰ Анализ и прогноз экономической ситуации в Китае в 2014 г. С. 156—157.

³¹ Чжан Сяолэй. Инвестиции и потребление: что является источником экономического роста : [Тоуцзы юй сяофэй: шэньмо ши цзинци цзэнжан юаньцюань?] // Вэньхуй бао. Шанхай. 19.08.2013.

³² По итогам ревизии, проведенной Национальным контрольно-ревизионным управлением КНР в августе—сентябре 2013 г., на середину 2013 г. прямая задолженность правительств всех ступеней в Китае составила 20,7 трлн юаней (9,81 трлн — долговое бремя центрального и 10,89 трлн юаней — местных правительств). Кроме того, объем гарантий правительств по различным долгам составил 2,93 трлн юаней (в том числе 2,67 трлн — местных прави-

тельств), а объем обязательств по санации — 6,65 трлн юаней. URL: <http://kussian.people.com.cn/31518/8501320.html> (дата обращения: 31.12.2013).

Самым тяжелым в плане погашения обязательств для местных правительств являлись 2014 г., когда предстояло выплатить около 21,9 % общей задолженности, и 2015 г. с выплатой 17,06 % задолженности. URL: http://finance.people.com.cn/n/2014/0610/c/004_25126714.html (дата обращения: 11.06.2014).

³³ Прогноз экономического роста Китая на 10 лет... С. 130—131.

³⁴ *Deng Yaqing*. Making Too Much. To achieve healthy and efficient growth, China must tackle overcapacity. *Beijing Review*, Beijing, October 31, 2013. P. 32—33.

³⁵ *Lan Xinzhen*. Too Much Metal. Non-ferrous metal giant's financial losses linked to overcapacity. *Beijing Review*, November 14, 2013. P. 36—37.

³⁶ Комитет по делам развития и реформ — модель экономического роста, опирающаяся на инвестиции, не претерпела коренных изменений : [Фагай-вэй — тоуцзы ладун цзинци цэнчжан моши мэи го дэдао гэньбэнь гайбянь]. URL: http://npc.people.com.cn/n/2013/1225/c14576_23946559.html (дата обращения: 26.12.2013).

³⁷ Инновационный индекс Китая составил в 2012 г. 148,2 пункта : [2012 нянь Чжунго чуаньсинь чжишу вэй 148,2]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201402/t20140218_512606.html (дата обращения: 19.02.2014).

³⁸ Прогноз экономического роста Китая на 10 лет... С. 167—169.

Глава 3

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ШЭНЬЧЖЭНЯ В УСЛОВИЯХ МОДИФИКАЦИИ МОДЕЛИ РОСТА В КНР

Декларированная руководством страны и в той или иной степени проводимая на практике корректировка модели экономического роста в КНР имеет, наряду с главным, общегосударственным, и локально-региональное измерение. Это позволяет отслеживать и анализировать ход, особенности и результативность корректировок, вносимых в модель экономического роста, не только на центральном уровне, в масштабах народного хозяйства в целом, но и, при наличии достаточного количества данных, в тех или иных конкретных регионах. Подобный анализ дает возможность выявить экспериментальную опережающую отработку на местах отдельных новаций в темпах и структуре экономического роста, которые в дальнейшем могут быть распространены на значительную часть всего Китая. В то же время можно предположить и вероятное выявление в практическом опыте регионов таких элементов, которые могут оказать обратное поправочное воздействие на общие подходы к модификации модели экономического роста в КНР.

В данном контексте существенный интерес представляет опыт Шэньчжэня. Во-первых, в течение трех десятилетий специальная экономическая зона Шэньчжэня (1 июля 2010 г. расширена до масштабов всего города) была одной из ведущих в стране экспериментальных площадок по обработке различных новаций во внешне-экономических связях, административном управлении, на многих направлениях преобразований и реформ в экономической и социальной сферах. Во-вторых, экономика города имеет внушительные масштабы и весьма диверсифицирована структурно, что придает необхо-

димый вес и репрезентативность идущему здесь новаторскому поиску в различных сферах. Важно и то обстоятельство, что Шэньчжэнь, находясь на 4-м месте среди городов КНР по валовому региональному продукту, занимает 1-е место по ВВП на душу населения — около 22 тыс. ам. долларов, что закрепляет повсеместное восприятие шэньчжэньского опыта как опыта передового. В-третьих, в Шэньчжэне, которому на протяжении своей короткой по историческим меркам жизни пришлось несколько раз существенно менять свои ведущие экономические функции, задачу корректировки сложившейся модели экономического роста с ее чрезмерной опорой на инвестиции и экспорт поставили в практическую плоскость уже в середине прошлого десятилетия. В частности, принципиальное значение имел вывод о важности стимулирующей роли в увеличении валового регионального продукта (ВРП) Шэньчжэня иных, помимо инвестиций, потребления и экспорта, факторов роста, что ориентировало город на диверсификацию источников роста, прежде всего, за счет увеличения доли научно-технического прогресса и постепенного снижения уровня инвестиционных, спросовых и экспортных рисков¹.

Современные ориентиры экономического роста в Шэньчжэне были во многом заданы пятилетним планом его социально-экономического развития на 2011—2015 гг., утвержденным 2-й сессией Собрания народных представителей города 5-го созыва (15—19 января 2011 г.) Намечалось увеличить ВРП Шэньчжэня до 1,5 трлн юаней (в 2010 г. — 958 млрд юаней) при среднегодовом приросте порядка 10 %, довести среднедушевой ВВП до 20 тыс. долл. (в 2010 г. — 14,6 тыс. долл.), а долю фактора научно-технического прогресса в экономическом росте — до 60 % к концу пятилетия. При этом долю новейших отраслей в ВРП (биотехнологии, интернет-экономика и т. п.) предполагалось повысить до 20 %, а долю сферы услуг — до 60 %².

Развитие экономики Шэньчжэня в 2011—2013 гг. проходило в непростых условиях. Особенно болезненно сказалось ухудшение в эти годы мировой хозяйственной конъюнктуры, предопределившее некоторое сужение внешнего рынка, а также усилившееся давление на экспорт и увеличение операционных расходов производителей и экспортеров продукции. Наряду с повышением в этот период уровня инфляции и стоимости рабочей силы в самом Китае, это вызвало падение рентабельности перерабатывающей промышленности в Шэньчжэне в целом³. Дополнительным осложняющим фактором явилось завершение переходного периода выравнивания ставки подоходного

налога с предприятий в специальных зонах и в стране, означавшее лишение части компаний, находящихся в городе, прежних налоговых льгот⁴.

В то же время сложившаяся ситуация подтолкнула власти города к поиску дополнительных внутренних, «эндогенных» («нэйшэн») факторов экономического роста⁵.

В результате экономическое развитие Шэньчжэня и практически реализованная здесь в 2011—2013 гг. модель экономического роста обнаруживают как сходство с аналогичными общекитайскими процессами и тенденциями, так и очевидное своеобразие (табл. 1).

Таблица 1. Основные показатели экономического развития Шэньчжэня в 2011—2013 гг.

Наименование	Ед. изм.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Валовой региональный продукт	млрд юаней	1150,21	1295,01	1450,02
Прирост	%	10,0	10,0	10,5
Добавленная стоимость в промышленности	млрд юаней	—	509,1	569,5
Прирост	%	12,6	7,3	9,6
Инвестиции в основные фонды	млрд юаней	213,6	231,4	250,1
Прирост	%	10,1	12,3	14,0
Розничный товарооборот	млрд юаней	352,09	400,88	443,36
Прирост	%	17,8	16,5	10,6
Внешнеторговый товарооборот	млрд долл.	414,10	466,78	537,36
Прирост	%	19,4	12,7	15,1
Экспорт	млрд долл.	245,53	271,37	305,72
Прирост	%	20,2	10,5	12,7
Импорт	млрд долл.	168,57	195,41	231,64
Прирост	%	18,2	15,9	18,5

Источники: Доклад о развитии экономики Шэньчжэня (2012) : [Шэньчжэнь цзинцзи фачжань баогао]. Пекин. 2012. С. 2—5. URL: <http://www.szrd.gov.cn/contenthtml/11/2014011710016.html>; <http://sz.people.com.cn/n/2014/0211/c262846-20540431.html>

В отличие от ситуации в стране в целом, где прирост ВВП в 2011—2013 гг. последовательно снижался (соответственно 9,3, 7,8 и 7,7 %), прирост ВРП Шэньчжэня не падал и сохранился на уровне 10 % и выше. Темпы прироста инвестиций в общественные основные фонды в Шэньчжэне имели в анализируемый период повышательную тенденцию, однако динамика здесь остается существенно ниже общегосударственной: в 2011—2013 гг. прирост инвестиций по КНР в целом составил, соответственно, 23,6, 20,3 и 19,6 %⁶. По темпам прироста общественного розничного товарооборота Шэньчжэнь следовал общекитайской тенденции, будучи близок к ней и по параметрам — по Китаю в целом они составили 17,1 % в 2011 г., 14,3 % в 2012 и 13,1 % в 2013 г.

Особое значение для экономической жизнедеятельности Шэньчжэня имеет внешняя торговля, по годовому объему которой он лидирует среди городов Китая. Так, в 2012 г. доля Шэньчжэня в общекитайском объеме внешней торговли товарами составила 12,9 %, в том числе в экспорте 13,8 % и 11,9 % в импорте⁷ при его доле в ВВП страны в 2013 г. 2,55 %. Можно отметить более стабильную динамику роста внешнеторгового товарооборота Шэньчжэня в последние годы по сравнению с общекитайскими показателями — прирост по годам составил, соответственно, 19,4 %, 12,7 и 15,1 % в Шэньчжэне и 22,5 %, 6,2 и 7,6 % в КНР.

Хотя Шэньчжэнь по-прежнему привлекал солидный объем прямых иностранных инвестиций (4,6 млрд долл. в 2011 г., 5,23 млрд в 2012 г. и 5,46 млрд долл. в 2013 г.)⁸, в то же время складывается ощущение, что относительное значение их роли и наличия крупной группы предприятий с участием иностранного капитала, которые ранее были ведущими факторами экономического благополучия Шэньчжэня, несколько снизилось. Кроме того, в условиях усилившегося давления мирохозяйственной конъюнктуры экономические показатели работы предприятий и компаний с участием иностранного капитала подчас оказывались хуже, чем у предприятий с отечественным капиталом. Так, в 2011 г. добавленная стоимость на предприятиях с участием иностранного капитала (включая Гонконг и Макао) выросла всего на 3,3 % по сравнению с предыдущим годом, тогда как в целом по промышленности ее рост составил 12,6 %⁹.

Вынужденный, как отмечалось выше, искать дополнительные эндогенные факторы роста, Шэньчжэнь вел такой поиск весьма активно и сразу по нескольким направлениям.

Важное значение придавалось снижению удельных затрат энергии и других первичных ресурсов на выработку единицы продукции. Так, в 2013 г. затраты первичной энергии на производство десяти тысяч юаней валового регионального продукта составили 0,432 тонны условного топлива — на 4,3 % меньше, чем в 2012 г., расходы электроэнергии — 558,4 кВт-час — на 7,14 % ниже уровня 2012 г.¹⁰ Снизилась и удельные затраты воды.

Достаточно успешное освоение энерго- и ресурсосберегающих технологий тесно связано прямой и обратной взаимозависимостью с опережающим развитием в Шэньчжэне сегмента научных исследований и опытно-конструкторских разработок. Доля затрат на НИОКР в ВРП города с 3,5 % в 2010 г. выросла до 3,81 % в 2012 г.¹¹ (в КНР в целом по итогам 2013 г. она достигла 2,09 %).

Структура экономики Шэньчжэня заметно отличается от структуры экономики КНР в целом.

В Китае в 2013 г. производство валового внутреннего продукта в разбивке по подразделениям общественного производства распределилось в пропорции 10,0 % (I подразделение) : 43,9 % (II подразделение) : 46,1 % (III подразделение)¹². В Шэньчжэне первое подразделение общественного производства сколько-нибудь заметную роль в последние годы практически утратило: в 2010 г. на его долю еще приходилось 0,1 % ВРП города, а в 2013 г. созданная здесь добавленная стоимость в 525 млн юаней составила лишь 0,036 % ВРП и перестала учитываться в обобщенной статистике. Доля второго подразделения с 47,2 % в 2010 г. опустилась до 43,4 % ВРП в 2013 г., а доля сферы услуг в тот же период выросла с 52,7 % до 56,6 % ВРП¹³.

Тем не менее, **промышленность**, составляющая основную часть второго подразделения общественного производства, остается ключевой сферой жизнедеятельности Шэньчжэня, определяющей общий вектор его развития и главные тренды корректировки локальной модели экономического роста. Анализ особенностей развития промышленности в Шэньчжэне и изменений в ее структуре в последние годы несколько затруднен нечетким разграничением в общей информации и в статистических данных трех типов производства — соответственно, ведущих производств, новых стратегических отраслей и высокотехнологичной продукции. Подчас тот или иной вид продукции учитывается сразу в трех группах одновременно, так что элиминировать из статданных разного рода «накладки» (overlapping), повторный счет и т. п. удается далеко не всегда. Это, однако, не препятствует выявлению

нию объективной комплексной картины современной промышленности Шэньчжэня. Иерархия ее ведущих отраслей показана в табл. 2.

Безусловным лидером остается производство разнообразной электроники и средств связи, где в 2010—2011 гг. ежегодный прирост добавленной стоимости вышел на уровень 20 %. В 2013 г. ее объем вырос на 12,8 % к 2012 г. и достиг 316 млрд юаней¹⁴. Вторую позицию занимает машиностроение, а третью — добыча нефти на прилегающих участках морского шельфа. Наметилась тенденция роста доли промышленной продукции Шэньчжэня, реализуемой на внутреннем рынке — с 43,8 % в 2010 г. до 46,6 % в 2011 г.¹⁵

Таблица 2. Ведущие отрасли промышленности в Шэньчжэне по годовому объему добавленной стоимости

Наименование	2009 г.		2011 г.	
	млрд юаней	доля, %	млрд юаней	доля, %
Электроника и средства связи	172,12	50,18	282,08	54,0
Машиностроение	55,61	16,21	82,59	15,8
Добыча нефти	27,72	8,08	42,03	8,0
Электроснабжение	20,1	5,86	28,11	5,4
Пластмассы	9,69	2,83	11,60	2,2
Текстиль	7,14	2,08	12,01	2,3
Полиграфия и упаковка	6,72	1,96		
Изделия из золота и драгоценных металлов	6,06	1,72	8,32	1,6
Изделия из минералов, кроме металлосодержащих	3,67	1,07	5,39	1,0
Медикаменты	3,65	1,06	4,91	0,9
Химические продукты			4,72	0,9
Десять отраслей	312,50	91,1	481,77	92,1

Источники: Доклад о развитии экономики Шэньчжэня 2010 : [Шэньчжэнь цзинци фачжань баогао 2010]. Пекин. 2010. С. 21; Доклад о развитии экономики Шэньчжэня 2012 : [Шэньчжэнь цзинци фачжань баогао 2012]. С. 29—30.

Вместе с тем приоритет в 12-й пятилетке был отдан опережающему развитию *шести новых стратегических отраслей*. В 2013 г. их вклад в ВРП Шэньчжэня составил 34,5 %, а суммарная добавленная стоимость достигла 500 млрд юаней. В число этих отраслей входят биотехнологии (добавленная стоимость 22,8 млрд юаней), интернет-экономика (59 млрд), новые источники энергии (33,6 млрд), новые материалы (31 млрд), информационная техника нового поколения (218 млрд юаней) и так называемое инновационное культурное производство (135,7 млрд юаней)¹⁶.

«Инновационное культурное производство» развивается в Шэньчжэне уже более десяти лет. По ряду направлений город является общекитайским лидером. Так, здесь действуют более 200 компаний промышленного проектирования и дизайна, составляющих по количеству 49 % общекитайского показателя и занимающих 60 % внутреннего рынка в своей отрасли.

На конец 2010 г. в Шэньчжэне имелось 2467 полиграфических предприятий. Город стал общегосударственным центром производства высококачественной печатной продукции¹⁷. Весомое место в структуре «инновационного культурного производства» занимают доходы от многочисленных тематических парков.

Одним из очевидных преимуществ Шэньчжэня является акцент на *развитие высокотехнологичных производств*, стоимостной объем продукции которых за первое десятилетие XXI века вырос более чем в 10 раз — со 106,4 млрд юаней в 2000 г. до почти 1200 млрд юаней в 2011 г. Важно отметить, что высокотехнологичный сектор города в целом сумел сохранить позитивную динамику даже на пике мирового экономического кризиса — в 2009 г., существенно нарастив ее в посткризисные годы (табл. 3).

Развитие и экспорт высокотехнологичной продукции в городе в значительной мере опирается на научно-технические разработки самого Шэньчжэня. По разным оценкам, доля самостоятельно разработанной продукции составляет от 40 до 60 % ее общего объема. Важно отметить, что освоение и продвижение продукции высоких технологий поощряется государством. Так, с 2008 г. вновь созданные в Шэньчжэне (и других специальных экономических зонах) предприятия по производству новой и высокотехнологичной продукции были освобождены от уплаты подоходного налога в течение первых двух лет работы. На последующие три года для них установлена льготная ставка в размере половины от унифицированного 25-процентного подоходного налога¹⁸.

Таблица 3. Производство высокотехнологичной продукции в Шэньчжэне

Наименование	2009 г.		2011 г.	
	Объем, млрд юаней	Прирост, %	Объем, млрд юаней	Прирост, %
Высокотехнологичная продукция, всего	850,78	3,6	1187,56	16,7
Электроника и коммуникационное оборудование	753,8	2,0	1045,11	16,6
Новые материалы и оборудование для производства новых видов энергии	44,63	12,6	65,09	17,5
Комбинированные опто-электромеханические изделия	38,65	18,4	57,46	17,1
Биотехнологическая и медицинская продукция	8,0	35,1	11,99	18,5
Продукция для защиты окружающей среды	5,69	42,4	7,91	17,9
Экспорт высокотехнологичной продукции, млрд ам. долл.	85,05	-5,5	124,8	14,8

Источники: Доклад о развитии экономики Шэньчжэня 2010 : [Шэньчжэнь цзинци фачжань баогао 2010]. Пекин, 2010. С. 22—23; Доклад о развитии экономики Шэньчжэня 2012 : [Шэньчжэнь цзинци фачжань баогао 2012]. С. 31—32, 34.

Можно констатировать, что в Шэньчжэне сформировался классический образцовый кластер инновационного развития, когда заимствованные и достойно финансируемые собственные научно-технические новшества получают возможность быть в сжатые сроки освоенными и запущенными в массовое производство благодаря мощной многоотраслевой высокотехнологичной промышленности. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что центральные и местные власти помогают некоторым новым видам продукции завоевывать рыночную нишу. Так, при покупке электромобилей фирмы BYD («Бияди») стоимостью 360 тыс. юаней дотацию в размере 60 тыс. юаней дает государство, а еще 60 тыс. юаней — правительство Шэньчжэня. Это обеспе-

чило ежегодное удвоение производства электромобилей в Шэньчжэне в период 2009—2012 гг. В результате он стал одним из лидеров среди городов страны по развитию низкоуглеродной экономики¹⁹.

Передовой по общекитайским, а отчасти и по международным критериям характер экономики Шэньчжэня особенно наглядно отражается в высокой доле в ней *сферы услуг*. Важно отметить, что сфера услуг здесь сформировалась не как некий самостоятельный феномен, а как производное от развития современной перерабатывающей промышленности и внешнеэкономического комплекса города, призванное содействовать их дальнейшему росту.

В Шэньчжэне выделяют четыре крупных подвида сферы услуг производственного характера²⁰.

Это, во-первых, комплексная система современных финансовых услуг открытого типа, представленная банками, биржей ценных бумаг, страховыми компаниями. Банк развития Шэньчжэня имеет отделения в провинциальных центрах по всей стране. Шэньчжэньская биржа ценных бумаг специализируется на торговле акциями и является одной из двух таких бирж в КНР (наряду с Шанхайской, еще одна биржа есть в Особом административном районе Китая Сянгане, т. е. Гонконге). В рамках Шэньчжэньской биржи созданы отделения по торговле акциями инновационных предприятий и акциями малых и средних предприятий. В середине 2013 г. объем торговли акциями инновационных предприятий составлял примерно четверть от общего объема сделок с акциями на Шэньчжэньской бирже²¹.

Во-вторых, разветвленная современная система логистики, охватывающая морской порт и аэропорт (с конца 2013 г. в Шэньчжэне действует новый аэропорт), три беспошлинные таможенные зоны (Футянь, Шатоуцзяо, Яньтянь), две зоны экспортной переработки, одну беспошлинную портовую зону, более 60 беспошлинных складов и складов таможенного экспортного контроля²². Шэньчжэньский морской порт занимает 4-е место в мире по перевалке контейнерных грузов (в 2013 г. — 23 млн стандартных контейнеров).

В-третьих, система современного информационного обслуживания, базирующаяся на Интернете и современных электронных средствах связи.

В-четвертых, система реализации научно-технических достижений. С 1999 г. в Шэньчжэне проводится международная ярмарка изделий новых и высоких технологий.

В целом современные виды услуг дают более двух третей доходов от реализации услуг в Шэньчжэне (68 % в 2012 г.²³)

* * *

Некоторые из сформировавшихся в период 2011—2013 гг. тенденций развития экономики Шэньчжэня сохранились и в последние два года 12-й пятилетки.

Это касается, прежде всего, приоритета шести новых стратегических отраслей, к которым в 2015 г. добавилась седьмая — «экономия энергии и защита окружающей среды». Рост здесь опережал общий прирост ВРП города и прирост добавленной стоимости в промышленности, 40 % которой в 2015 г. дали новые стратегические отрасли (табл. 4).

Таблица 4. Развитие новых стратегических отраслей в Шэньчжэне в 2014—2015 гг.

Наименование	2014 г.		2015 г.	
	млрд юаней	прирост, %	млрд юаней	прирост, %
Биотехнологии	24,3	6,4	25,5	12,4
Интернет-экономика	57,6	15,5	75,6	19,3
Новые источники энергии	36,9	9,7	40,6	10,1
Информационная техника нового поколения	257,0	14,0	317,3	19,1
Новые материалы	38,4	7,1	32,9	11,3
Инновационное культурное производство	155,4	15,6	175,7	13,1
Экономия энергии и защита окружающей среды	—	—	32,7	12,0
Всего	569,5	13,9	700,3	16,1

Источники: Статистические коммюнике об экономическом и социальном развитии Шэньчжэня в 2014 г. и 2015 г. URL: <http://www.sztj.gov.cn/xxgk/tjgb/> (на кит. яз.).

Объем ВРП Шэньчжэня в 2015 г. превысил 1750 млрд юаней, а валовой региональный продукт на душу населения достиг 25 365 долл. — по обоим показателям выше плановых ориентиров 12-й пятилетки.

В структуре ВРП Шэньчжэня продолжилось снижение доли второго подразделения общественного производства — до 42,7 % в 2014 г. и 41,2 % в 2015 г. — при одновременном росте доли сферы услуг — соответственно, до 57,3 % и 58,8 %.

В то же время темпы прироста ВРП Шэньчжэня, оставаясь выше общекитайских, несколько снизились по сравнению с первыми тремя годами пятилетки — до 8,8 % в 2014 г. и 8,9 % в 2015 г. Одним из влиятельных факторов здесь стало существенное замедление темпов прироста общественного розничного товарооборота — до всего лишь 2 % в 2015 г. (табл. 5).

И все же главным негативным фактором стало падение объемов внешней торговли Шэньчжэня в течение двух лет подряд — на 9,2 % в 2014 г. и еще на 9,3 % в 2015 г. (в долларовом выражении). Объем товарооборота в 2015 г. — 442,5 млрд долл. — оказался на 95 млрд долл. меньше, чем в пиковом 2013 г. (537,4 млрд долл.).

Наибольшие потери понесла торговля Шэньчжэня с главным его партнером — Гонконгом, что, судя по всему, было связано не только с общим ухудшением мирохозяйственной конъюнктуры, но и с некоторым осложнением политической ситуации в Гонконге. В то же время удалось увеличить экспорт в США и Европейский союз. Спад во внешней торговле повлек за собой и снижение портового грузооборота — на 4,6 % в 2014 г. и еще на 2,8 %, до 217 млн т, в 2015 г. В 2015 г. имело место и небольшое сокращение количества обработанных экспортных контейнеров — на 0,9 %, до 12,36 млн штук.

В перспективе выправлению ситуации может помочь вхождение ряда районов Шэньчжэня в создаваемую по подобию Шанхайской Гуандунскую зону свободной торговли. В ее состав включены промышленный и портовый район Шэкоу и близлежащий район Цяньхай, где на площади в 15 км² создается «Зона сотрудничества Шэньчжэня и Гонконга в индустрии современных услуг», в первую очередь финансовых.

Детальное положение о развитии Цяньхай было одобрено Госсоветом КНР 27 июня 2012 г., однако после посещения территории главной страны Си Цзиньпином в декабре 2012 г. оно резко ускорилось. К октябрю 2014 г. здесь уже учреждено 16 760 различных предприятий и организаций, в том числе 9662 — финансового и денежно-кредитного характера²⁴. Район Цяньхай должен также стать общекитайской моделью развития низкоуглеродной «зеленой» экономики. В выставочном павильоне, посвященном Цяньхаю, район назван «фабрикой мечты для осуществления китайской мечты». В целом же Шэньчжэнь делает ставку на развитие «интеллектуальной экономики», представленной производством постоянно обновляющейся высокотехнологичной продукции, все в большей мере опирающейся на собственные научные исследования и разработки. В 2013 г. объем

Таблица 5. Основные показатели экономического развития Шэньчжэня в 2014—2015 гг.

Наименование	Ед. изм.	Шэньчжэнь	Китай	Шэньчжэнь	Китай
		2014 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г.
ВВП/ВРП	млрд юаней	1600,2	63 646,3	1750,3	68 905,2
Прирост	%	8,8	7,4	8,9	6,9
Добавленная стоимость в промышленности	млрд юаней	650,1	27 139,2*	678,5	27 427,8*
Прирост	%	8,4	7,3*	7,3	6,0
Инвестиции в основные фонды	млрд юаней	271,7	50 200,5	329,8	56 200,0
Прирост	%	13,6	15,7	21,4	9,8
Общественный розничный товарооборот	млрд юаней	484,4	26 239,4	501,78	30 093,1
Прирост	%	9,3	12,0	2,0	10,7
Внешнеторговый товарооборот	млрд долл.	487,76	4303,04	442,49	3956,9
Прирост	%	-9,2	3,4	-9,3	-8,0
Экспорт	млрд долл.	284,4	2342,75	264,05	2274,95
Прирост	%	-7,0	6,1	-7,1	-2,9
Импорт	млрд долл.	203,36	1960,29	178,44	1681,95
Прирост	%	-12,3	0,4	-12,3	-14,2

* II подразделение общественного производства.

Источники: URL: <http://finance.people.com.cn/GB/51844/51847/392540/index.html> (дата обращения: 22.01.2015); Haiguan Tongji : [Таможенная статистика]. Пекин, 2014. № 12. С. 151, 2015; № 12. С. 112, 137. Шэньчжэнь тэщюй бао, 2015. 5 февраля. URL: http://www.szjt.gov.cn/xxgk/tjsj/tjgb/202604/t20160426_3606266.htm (дата обращения: 27.04.2016).

производства высокотехнологичной продукции в Шэньчжэне составил 1413 млрд юаней (в 2011 г. — 1200 млрд юаней), в том числе 61 % базируется на собственных технологиях²⁵.

Анализ особенностей функционирования экономики Шэньчжэня в 2011—2015 гг. показывает, что модификация модели экономического роста в общегосударственном масштабе находит отражение на региональном уровне, прежде всего, в подвижках в структуре промышленного производства и сферы услуг. В то же время повышение роли потребления как фактора экономического роста дается в Шэньчжэне, как, впрочем, и в Китае в целом, весьма непросто. Сказывается в первую очередь то обстоятельство, что население города в значительной части представлено выходцами из других регионов страны, сплошь и рядом отправляющими на родину солидную часть заработка. Кроме того, определенная доля потребительского спроса шэньчжэньцев реализуется в соседнем Гонконге.

Если говорить о вероятном обратном воздействии шэньчжэньской практики на модификацию общей модели экономического роста в стране, то здесь заслуживает внимания достаточно удачный опыт города по перепрофилированию на выпуск более современных видов продукции многих средних и малых предприятий, исторически занимавшихся поручительской переработкой давальческого сырья и изготовлением изделий по образцам заказчика, а в стратегическом плане — опыт освоения в Шэньчжэне в сжатые сроки новых и экологически дружественных технологий. В Шэньчжэне намерены и впредь в полной мере выявлять и развивать все имеющиеся у города сравнительные преимущества.

Применяемые в Шэньчжэне подходы к подъему современных отраслей промышленности и сферы услуг заслуживают особого внимания российского экспертного сообщества и правительственных ведомств, поскольку «шэньчжэньская модель» представляет собой классический образец успешного несырьевого развития, потребность в котором в современной России ныне ощущается острее, чем когда-либо ранее.

Примечания

¹ По расчетам работающего в Шэньчжэне эксперта по экономическому управлению Синь Хуа, в первой половине 1990-х годов совокупный вклад инвестиций, потребления и экспорта был весьма значителен с максимумом в 1992 г. В 2001—2004 гг. он стабилизировался в диапазоне 40—50 %. — *Синь Хуа*. Ресурсный баланс, несущие опоры и облагораживание структуры производства — Исследование тенденций будущего развития Шэньчжэня и дельты

реки Чжуцзян : [Шэньчжэнь пинхэн, чэнцзайли юй чанье шэнцзи — Дуй Шэньчжэнь юй Чжу саньцзяо вэйлай фачжань ши яньцзю]. Пекин, 2010. С. 53—54.

² URL: <http://sz.people.com.cn/GB/13746988.html> (дата обращения: 06.02.2011).

³ См.: Доклад о развитии экономики Шэньчжэня (2012) : [Шэньчжэнь цзинци фачжань баогао]. Пекин, 2012. Предисловие. С. 1.

⁴ С 1 января 2008 г. в Китае была введена унифицированная ставка подоходного налога для всех предприятий в 25 %. Для предприятий СЭЗ Шэньчжэнь, плативших ранее подоходный налог по льготной ставке в 15 %, на следующие пять лет предусматривалось ежегодное повышение на 2—3 пункта: до 18 % в 2008 г., 20 % в 2009 г., 22 % в 2010 г., 24 % в 2011 г. и 25 % с 2012 г. Льготы для предприятий с высокой экспортной квотой (70 % и выше) и производящих высокотехнологичную продукцию сохранились. Синь Хуа. Указ. соч. С. 87.

⁵ Доклад о развитии экономики Шэньчжэня (2012). Предисловие. С. 1.

⁶ Краткая статистика Китая 2012 : [Чжунго тунци чжайяо 2012]. Пекин, 2012. С. 50; Краткая статистика Китая 2013 : [Чжунго тунци чжайяо 2013]. Пекин, 2012. С. 50. URL: <http://sz.people.com.cn/n/2014/10120/c202846-20431058.html>

⁷ URL: <http://sz.people.com.cn/n/2014/0211/c262846-20540431.html>

⁸ Статистический ежегодник Шэньчжэня 2014 : [2014 Шэньчжэнь тунци няньцзянь]. Пекин—Шэньчжэнь, 2014. С. 251.

⁹ Доклад о развитии экономики Шэньчжэня 2012. С. 3.

¹⁰ URL: <http://sz.people.com.cn/n/2014/0211/c202846-20540431.html>

¹¹ URL: <http://szrd.gov.cn/contenthtml/11/2014011710016.html>

¹² Расчет по данным: URL: <http://sz.people.com.cn/n/2014/10120/c202846-20431058.html>

¹³ Доклад о развитии экономики Шэньчжэня 2012. С. 12.

¹⁴ URL: <http://sz.people.com.cn/n/2014/0211/c202846-20540431.html>

¹⁵ Доклад о развитии экономики Шэньчжэня 2012. С. 31.

¹⁶ URL: <http://sz.people.com.cn/n/2014/0211/c202846-20540431.html>

¹⁷ Доклад о развитии экономики Шэньчжэня 2012. С. 78—81. По-своему показательно, что именно в Шэньчжэне издается широко известный гонконгский иллюстрированный журнал «Фэнхуан» («Феникс»).

¹⁸ Синь Хуа. Указ. соч. С. 87.

¹⁹ Жэньминь жибао. 01.04.2013.

²⁰ Синь Хуа. Указ. соч. С. 85.

²¹ Так, 22 июля 2013 г. объем торгов акциями инновационных предприятий составил 25,84 млрд юаней, а общий объем торгов акциями в Шэньчжэ-

не — 96,55 млрд юаней (порядка 15 млрд ам. долл.). URL: <http://sz.people.com.cn/n/2013/0722/c202846-191249441.html>

²² Доклад о развитии экономики Шэньчжэня 2012. С. 129.

²³ URL: <http://szrd.gov.cn/contenthtml/11/2014011710016.html>

²⁴ Данные докладов, представленных на конференции «Сравнение и опыт специальных экономических зон», состоявшейся в Шэньчжэне, КНР, 22—23 ноября 2014 г.

²⁵ Данные стендов Музея промышленности в Шэньчжэне.

Глава 4

ШЭНЬЧЖЭНЬ:

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПРОБЛЕМЫ

Трансформация модели экономического роста в Китае неизбежно отражается в социальной политике страны. Это вполне естественно, поскольку более акцентированная социальная ориентация является одной из главных целей подвижек в существующей модели развития. В КНР впервые с начала реформ ощутимо меняется подход к социальной политике, нередко выступавшей ранее всего лишь инструментом достижения экономического роста.

Специфика социальных проблем в Шэньчжэне прямо связана с особенностями **демографической ситуации** в городе.

Прежде всего, Шэньчжэнь после обретения на рубеже 1970-х — 1980-х годов статуса специальной экономической зоны и по настоящее время характеризуется очень быстрым ростом населения. Как отмечали еще в середине прошлого десятилетия китайские СМИ, судя по историческому опыту развития общества, на Западе увеличение числа жителей города с 3 до 10 миллионов человек обычно требовало не менее ста лет, а Шэньчжэню это удалось сделать за десятилетие¹. Исключительно быстрый рост числа людей, постоянно проживающих в Шэньчжэне (то есть более года), зафиксировала и статистика: 333 тыс. человек в 1980 г., 1,2 млн человек в 1988 г., 4,1 млн человек в 1994 г., 7 млн человек в 2000 г., около 10,5 млн человек в 2011 г. В целом за период 1979—2011 гг. постоянное население Шэньчжэня увеличилось в 333 раза при среднегодовом приросте 11,6 %².

Непрерывно расширявшиеся производственные мощности города предъявляли устойчивый спрос на новых работников, основную часть которых составили мигранты из других регионов Китая, в том числе неквалифицированные выходцы из сельской местности. Особой квалификации в первое десятилетие и не требовалось, поскольку основной специализацией Шэньчжэня в 1980-е годы были техниче-

ски несложные операции — переработка давальческого сырья, сборка изделий из деталей заказчика, копирование готовых образцов, причем преимущественно в текстильной и легкой промышленности. В последующем, после выхода города на производство технически все более сложной продукции, в том числе широкой гаммы аудио- и видеоаппаратуры, компьютерной техники и средств связи, приток мигрантов, привлекаемых более высокими, чем в других местах, заработками, сохраняется на значительном уровне. В то же время власти ни физически, ни финансово не могли обеспечить всем жителям города одинаковый уровень благосостояния и социального обеспечения.

Существовавшая в КНР с 1958 г. система раздельной прописки (или регистрации — «хукоу») для горожан и селян дала начальные формальные основания для разделения жителей Шэньчжэня на разные по статусу и объему фактических прав категории. Прежде всего было выделено постоянное и непостоянное население. К последней категории относились лица, прожившие в городе менее года. В связи со сложностью учета непостоянного населения статистические данные о его численности отсутствуют. Считается, что в настоящее время это — несколько миллионов человек.

Кроме того, постоянное население подразделяется на лиц, имеющих регистрацию (прописку) в Шэньчжэне и лиц, не имеющих ее. Поскольку второй контингент рос заметно быстрее первого (в 1979—2011 гг. среднегодовой прирост составил, соответственно, 30,6 % и 6,9 %³), то доля граждан с пропиской в общей численности постоянного населения города остается в последние 10—15 лет стабильно невысокой. Если в 1988 г. две категории граждан количественно сравнялись — по 600 тыс. человек каждая, то в 2000 г. имели местную прописку только 18 % постоянных жителей Шэньчжэня, а в 2011 г. — примерно 25 %. В 2015 г. эта величина возросла до 31,2 % (табл. 1).

На конец 2012 г. общее население Шэньчжэня достигло 16,668 млн человек. Из них местную прописку имели 2985 тыс. человек⁴. По оценке, около 8 млн человек составила численность постоянных жителей города без прописки, а остальные — примерно 5,6 млн человек — та часть мигрантов, которые проживали в Шэньчжэне менее года. По плотности населения город занимает 1-е место в Китае, что создает «огромное давление» на социальные службы Шэньчжэня.

Серьезной проблемой является разный статус жителей города. Наверное, не побыв, что называется, в «чужой шкуре», трудно до конца понять, какие последствия в реальной жизни влечет за собой нали-

Таблица 1. Постоянное население Шэньчжэня, млн человек

Год	Постоянное население, всего	Зарегистрированное в Шэньчжэне	Незарегистрированное
1980	0,333	0,321	0,012
1984	0,791	0,435	0,306
1988	1,201	0,601	0,600
1992	2,680	0,802	1,878
1996	4,829	1,034	3,795
2000	7,012	1,249	5,763
2004	8,008	1,651	6,357
2008	9,542	2,280	7,262
2011	10,467	2,679	7,788
2012	10,547	2,876	7,671
2013	10,629	3,105	7,524
2014	10,779	3,322	7,457
2015	11,379	3,550	7,829

Источники: Шэньчжэнь тунци няньцзянь — 2014 : [Статистический ежегодник Шэньчжэня 2014], Пекин, 2014. С. 47. URL: <http://www.sztj.gov.cn/xxgk/tjsj/tjgb/201504/t20250424-2862885.htm>; <http://www.sztj.gov.cn/xxgk/tjsj/tjgb/201604/t20160426-3606266.htm> (дата обращения: 04.02.2017).

чие или отсутствие местной прописки. Но один пример весьма показателен. Пекинская газета «Синь цзин бао» 26 апреля 2015 г. рассказала о жителе Шэньчжэня У Шуляне, больном раком легких. Он ставил перед собой задачу дожить как минимум до июня 2016 г., поскольку только в этом случае его жена получила бы местную прописку (сам У получил ее в июне 2013 г., а второй супруг может получить прописку только через три года). Наличие прописки позволило У Шуляну экономить 80—90 % расходов на лечение⁵.

Вопрос о постепенной ликвидации «дуализма» в статусе жителей страны, то есть об устранении разделения ее граждан на имеющих фактически разные права обладателей городской и сельской прописки, уже поставлен в Китае в практическую плоскость. Шэньчжэнь, где проблема разностатусности жителей стоит особенно остро, был призван в экспериментальном порядке вести поиски путей ее решения.

Еще в мае 2005 г. в местном отделении Народного политического консультативного совета Китая прошло обсуждение доклада члена НПКСК Юй Сипина «Решая проблему дуализма в городе, всеми силами строить гармоничный Шэньчжэнь», в котором предлагалось в течение 2—3 лет резко повысить число горожан, имеющих местную прописку⁶.

Однако ввиду чрезвычайной сложности проблемы городской проект реализации реформы системы прописки был принят лишь в 2012 г. Фигурировала данная задача и в плане реформ на 2013—2015 гг. Основной упор делался на расширение сферы и повышении уровня общественных услуг, предоставляемых не имеющим местной прописки жителям города. Особое внимание уделялось доступу детей мигрантов к образованию, обеспечению мигрантов работой и жильем. Была поставлена также задача снижения барьера и упрощения процедуры получения постоянной прописки. В частности, совершенствуется балльная система оценки претендентов на получение прописки. Балльная система оценки сельских мигрантов, приехавших на работу в город, используется в провинции Гуандун с 2010 г. В Шэньчжэне с 2012 г. практикуется единая балльная система оценки сельских мигрантов и рабочих, привлекаемых по набору. Главными критериями для подсчета «баллов» служат личные характеристики претендента (образование, технические навыки, опыт работы, возраст) и его налоговые платежи. Дополнительные факторы, принимаемые во внимание — участие в программах социального обеспечения, жилищные условия, премирование и другие поощрения на работе. Дополнительные льготы предусмотрены для технических специалистов, инвесторов, педагогов и медицинского персонала.

Определенные успехи здесь есть, особенно в сфере образования, где дети из семей мигрантов занимают уже более половины мест для бесплатного обучения. С 15 июня 2012 г. введено единое пособие на похороны в размере 1830 юаней для всех горожан вне зависимости от прописки⁷. Тем не менее сделать предстоит еще многое.

Ситуацию отчасти усугубляет и то обстоятельство, что Шэньчжэнь, будучи городом с достаточно молодым населением, характеризуется заметно более высоким, чем Китай в среднем, естественным приростом населения (табл. 2).

Разница в рождаемости между Шэньчжэнем и страной в целом не особенно велика — порядка 2—3 промилле. Наличие такого разрыва в какой-то степени объясняется более частым, чем по всему Китаю, нарушением государственной политики деторождения в Шэньчжэне,

Таблица 2. Рождаемость и естественный прирост населения в Шэньчжэне в 2007—2015 гг., промилле

Годы	Рождаемость		Естественный прирост	
	Шэньчжэнь	Китай	Шэньчжэнь	Китай
2007	14,54	12,10	13,45	5,17
2008	14,12	12,14	13,14	5,08
2009	13,70	11,95	12,84	4,87
2010	14,50	11,90	13,58	4,79
2011	15,42	11,93	14,32	4,79
2012	19,38	12,10	18,00	4,95
2013	18,84	12,08	17,77	4,92
2014	19,89	12,37	17,48	5,21
2015	19,64	12,07	18,36	4,96

Источники: Чжунго тунци чжайяо 2015 : [Краткая статистика Китая 2015], Пекин, 2015, с. 17; Шэньчжэнь тунци няньцзянь — 2016. Пекин, 2017. С. 55.

где, судя по визуальным наблюдениям, семьи с двумя и более детьми не редкость (с 2016 г. всем семьям в Китае разрешено иметь второго ребенка). В то же время радикально различается уровень смертности: если в Шэньчжэне он с середины прошлого десятилетия составляет около одного промилле, то в Китае в целом — примерно 7 промилле. Отсюда и разительное отличие в коэффициентах естественного прироста — 13—14 промилле в Шэньчжэне и около 5 промилле в стране⁸. В последние четыре года и рождаемость, и естественный прирост населения в Шэньчжэне заметно выросли.

Особенностью возрастной структуры населения Шэньчжэня является существенно более высокая, чем средняя по стране, доля лиц трудоспособного возраста. Вполне логично, что в городе высока и доля **занятых** — в 2010 г. около 68 % постоянного населения, на 16,2 процентных пункта выше, чем в среднем по городам Китая⁹.

На конец 2011 г. общее количество трудозанятых в Шэньчжэне составило свыше 7645 тыс. человек. Из них во втором подразделении общественного производства было занято 3829 тысяч, в сфере услуг — 3813 тысяч и в сельском хозяйстве — около 3 тыс. человек¹⁰.

Наибольшее число работников было сосредоточено в перерабатывающей промышленности (3,5 млн человек) и в оптовой и розничной торговле (1,5 млн). По 200—300 тыс. человек работали в сферах транспорта, строительства, информационных услуг, отельном бизнесе и общепите. В образовании было занято около 100 тыс. человек, в медицинском обслуживании и социальном обеспечении — около 60 тысяч¹¹.

Считается, что безработица в Шэньчжэне вдвое ниже, чем в городах Китая в целом. Действительно, часто упоминается показатель безработицы 2,42 % — однако, неясно, к какому именно контингенту он относится. Показательно, что параллельно существует и другая оценка, согласно которой доля незанятого населения в городе в 2012 г. составила 10,3 %, или около 1,7 млн человек¹².

Вместе с тем многие предприятия, прежде всего в новых отраслях, все острее ощущают нехватку инженерно-технического персонала, особенно высококвалифицированного. По-видимому, во многом это объясняется сложностями с получением местной прописки и постепенным, но явным снижением конкурентных преимуществ Шэньчжэня по уровню **заработной платы**. Так, если во второй половине 1990-х годов средняя заработная плата в Шэньчжэне превосходила общеитайский уровень почти в 2,5 раза, то в 2011 г. средняя по городам КНР зарплата достигла 75 % от шэньчжэньской (табл. 3), а в последующие годы это отставание еще более сократилось.

В то же время Шэньчжэнь остается одним из лидеров среди городов Китая по размеру минимальной оплаты труда — новый стандарт, введенный с 1 марта 2015 г., составляет 2030 юаней в месяц, а для занятых неполный день — 18,5 юаня в час¹³. Для сравнения: в Гуанчжоу эти показатели составляют 1895 юаней в месяц и 18,3 юаня в час. (В самом Шэньчжэне с 1 июля 2006 г. минимальная оплата труда в пределах специальной экономической зоны составляла 810 юаней в месяц и 4,66 юаня в час, а за пределами СЭЗ — соответственно 700 юаней в месяц и 4,02 юаня в час¹⁴.)

С начала 2015 г. повышено до 800 юаней в месяц и пособие по обеспечению минимального уровня жизни¹⁵. (В 2005 г. была введена единая унифицированная ставка пособия в размере 344 юаней в месяц¹⁶.) На конец 2012 г. такое пособие в размере 560 юаней на человека в Шэньчжэне получали 8598 человек¹⁷.

По некоторым оценкам, коэффициент Джини в Шэньчжэне в последние годы колебался у показателя 0,33, что существенно ниже, чем в целом по Китаю — в 2012 г. 0,474 и в 2013 г. 0,473¹⁸. То есть разрыв в

Таблица 3. Средняя заработная плата в Шэньчжэне и Китае (городские предприятия и организации, юаней/год)

Год	Китай	Шэньчжэнь	Соотношение
1988	1747	3388	0,51
1992	2711	5931	0,45
1996	5980	14 507	0,41
2000	9333	23 039	0,41
2004	15 920	31 928	0,50
2008	28 898	43 454	0,66
2009	32 244	46 723	0,69
2010	36 539	50 456	0,72
2011	41 799	55 143	0,75

Источник: составлено и рассчитано по: Чжунго тунци чжайяо 2014. Пекин, 2014. С. 41; Шэньчжэнь тунци няньцзянь — 2012. Пекин, 2012. С. 312.

доходах населения здесь «по статистике» был меньше, чем в среднем по стране. Тем не менее при опросах многие горожане указывали на разрыв в доходах и на их недостаточно справедливое распределение как на одну из наиболее острых социальных проблем Шэньчжэня¹⁹. Для ряда категорий местных работников проблема низких доходов является чрезвычайно острой. Как было отмечено в «Докладе о развитии трудовых отношений в Шэньчжэне в 2014 г.», по величине среднемесячной зарплаты выпускников вузов — 2734 юаня — Шэньчжэнь уступает лишь Шанхаю (2807 юаня), однако треть этой суммы, как правило, идет на аренду жилья, что «создает огромное давление»²⁰.

При значительной доле детей дошкольного и школьного возраста администрация Шэньчжэня не может не уделять приоритетного внимания **образованию**. Дополнительной нагрузкой здесь стала необходимость унифицировать образовательные стандарты в разных районах города, до июня 2010 г. входивших и не входивших в специальную экономическую зону. Активно проводится линия на подготовку собственных кадров высшей квалификации в семи университетах.

Общие затраты на образование в Шэньчжэне можно оценить как солидные: в 2011 г. они составили 1,82 % ВВП и 13,08 % финансовых расходов города (20,91 млрд юаней). Однако Шэньчжэнь по этим показателям значительно отставал от Пекина (3,92 % ВВП; 62,7 млрд

юаней) и Шанхая (3,18 % ВВП; 61 млрд юаней), что свидетельствовало о несоответствии уровня социального развития города его экономическим возможностям. В то же время в образовательную сферу широко привлекались средства общества и граждан (4,12 млрд юаней, или 15 % всех затрат на образование)²¹.

В традиционно и повсеместно весьма сложной сфере **медицинского обслуживания** Шэньчжэнь постоянно ведет поиск новых форм и методов работы с населением, призванных повысить уровень удовлетворенности жителей оказываемыми услугами (пока он оставляет желать лучшего: 21,3 % у горожан, имеющих местную прописку, и 32,3 % у горожан без местной прописки с более скромными запросами²²). В частности, расширяется перечень лекарств и медицинских услуг, входящих в сферу действия городских карт социального обеспечения (их выпущено более 13 млн штук). Повышается уровень покрытия расходов на лечение держателям комплексных карт медицинского страхования и карт больничного страхования. Потолок компенсации установлен в размере шести среднегодовых зарплат по городу (порядка 300 тыс. юаней). Средние затраты на амбулаторное лечение в государственных больницах Шэньчжэня в 2012 г. составили около 138 юаней (стоимость визита к врачу), а средняя стоимость лечения в больнице — 7150 юаней²³.

Активно развиваются и другие традиционные виды **социального страхования**. В пенсионном страховании в 2012 г. участвовали более 7,9 млн человек, в страховании на случай утраты трудоспособности — около 10 млн человек, в страховании по безработице — 3,4 млн и в страховании по деторождению — свыше 5 млн человек²⁴. Существуют стандарты предоставления денежного довольствия сиротам и престарелым.

Однако, несмотря на серьезные усилия властей, социальная привлекательность Шэньчжэня в последнее время слабеет — и не только из-за трудностей с получением местной прописки, но и на фоне динамичного роста городов во внутренних районах КНР. Показательно, что ежегодно после Праздника Весны — нового года по китайскому лунному календарю, когда мигранты массово едут в родные края, многие работники малых и средних предприятий не возвращаются на свои рабочие места.

В этой ситуации существенную помощь в отлаживании социальной жизни города могут оказать **профсоюзы и общественные организации**, высокая, по китайским меркам, активность которых является одной из важных специфических особенностей Шэньчжэня.

Как свидетельствует «Доклад о развитии трудовых отношений в Шэньчжэне (2013)», местные рабочие, пройдя через горнило рыночной экономики, постепенно осознали необходимость коллективных организованных действий по защите своих законных прав и интересов. Переломным моментом стала «международная забастовка» в Яньтяне (район Шэньчжэня, примыкающий к крупнейшему морскому порту) в 2007 г., после которой в ходе протестных действий наемные работники начали выдвигать не только те или иные претензии к собственникам или руководству своих предприятий, но и более общие требования по улучшению условий труда, повышению зарплат, защите законных интересов рабочих и служащих в целом. Активно выдвигались и требования о создании на предприятиях профсоюзов, аналогичные требования выдвигались и в процессе решения коллективных трудовых споров. Чего-то похожего на польскую «Солидарность» в Шэньчжэне не возникло, но бывали случаи, когда в ходе забастовок рабочие отказывались признавать профсоюзное руководство, сформированное без демократических выборов, и требовали новых выборов таких профсоюзных работников, которые на деле представляли бы самих рабочих²⁵.

В целом же процесс создания низовых профсоюзных организаций идет в Шэньчжэне в последние годы весьма активно. На конец 2011 г. общегородская профсоюзная организация патронировала 132 тыс. предприятий и организаций, при этом объединенные профсоюзные комитеты охватывали 100,7 тыс. объектов, а на 31,3 тыс. предприятий и организаций были созданы свои низовые профсоюзные комитеты. В общей сложности в профсоюзах состояли 5291,5 тыс. работников. О положительном отношении к своему членству в профсоюзе заявили около двух третей опрошенных рабочих и служащих²⁶.

Как известно, по количеству общественных организаций и их активности нередко судят о развитии гражданского общества в стране. В данном плане Шэньчжэнь, по китайским меркам, выглядит весьма продвинутым городом. На начало 2013 г. в городе насчитывалось 5656 общественных организаций, в том числе 1613 организаций городского и 4043 организации районного уровня. По роду деятельности доминировали организации, занимающиеся различными социальными вопросами (58,7 %). Доля благотворительных организаций составила 20,9 %, организаций научно-исследовательского рода 6,1 %, экономического характера 7,1 % (остальное — организации комплексного типа)²⁷. Деятельность общественных организаций в городе весьма же-

ство регламентируется многочисленными документами и самой по себе процедурой регистрации. Весьма распространены и разного рода проверки и отчеты. Подчас не декларируемой открыто целью такого рода контроля является стремление максимально затруднить работу тех некоммерческих организаций, деятельность которых не устраивает власти. Например, в своего рода «черный список» попал шэньчжэньский Центр услуг по трудовым спорам «Чуньфэн», данные о котором отказываются размещать на своих веб-страницах даже те китайские сайты, которые предназначены специально для сбора средств для НКО²⁸.

В целом проблема финансирования деятельности некоммерческих общественных организаций стоит весьма остро. С 2012 г. средства на поддержку их деятельности начал выделять центральный бюджет страны (200 млн юаней). Еще 80 млн юаней было направлено из бюджета провинции Гуандун, но этих средств недостаточно²⁹.

Возможно, в первую очередь именно для привлечения дополнительных источников финансирования деятельности НКО в шэньчжэньском районе Цяньхай, который в апреле 2015 г. был включен в состав Гуандунской зоны свободной торговли, в порядке эксперимента разрешена регистрация и открытие представительств международных общественных организаций экономического характера³⁰.

* * *

Пример Шэньчжэня, далеко не рядового в плане социальной политики города Китая, показывает, на наш взгляд, что говорить о формировании здесь социально ориентированной рыночной экономики в полном смысле этого слова еще преждевременно. Вместе с тем несомненно и усиление социального вектора экономической жизни. Этот процесс прямо связан с разворачивающейся в Шэньчжэне, как и во всем Китае, трансформацией модели экономического роста. Социальная ориентация мало-помалу из инструмента обеспечения роста экономики превращается в одну из главных, если не самую главную, целей экономического развития.

Целый ряд идущих ныне в социальной сфере Шэньчжэня процессов явно может иметь общекитайское значение. Это и процесс социализации «*нунминьгун*» — «рабочих из крестьян», которых в стране насчитывается уже 270 млн человек, и поиск путей реформирования института прописки, и рост самосознания местных профсоюзов — не обязательно желательный для власти, но, судя по всему, неизбежный.

Примечания

¹ Чэнь Шоучжэ. Шэньчжэнь цзаой чэнчжан фаньнао «жэнькоу вэньти» цзи суй поти : [Порожденная ростом Шэньчжэня «демографическая проблема» настоятельно требует решения] // 21 Шицзи цзинцзи баодао. Пекин. 02.06.2005.

² Шэньчжэнь тунци няньцзянь — 2012 : [Статистический ежегодник Шэньчжэня — 2012]. Пекин, 2012. С. 49, 52.

³ Там же. С. 52.

⁴ Шэньчжэнь шэхуй фачжань баогао (2012—2013) : [Доклад о социальном развитии Шэньчжэня 2012—2013]. Пекин, 2013. С. 147.

⁵ Синь Цзин бао. Пекин. 26.04.2015.

⁶ Чэнь Шоучжэ. Указ. соч.

⁷ Шэньчжэнь шэхуй фачжань баогао (2012—2013). С. 2, 5, 10—11, 357—368.

⁸ В 2014 г. в Китае коэффициент рождаемости повысился до 12,37 промилле, а коэффициент естественного прироста населения — до 5,21 промилле. — Сообщение Госстатуправления КНР об итогах экономического и социального развития в 2014 г. от 26.02.2015.

⁹ Шэньчжэнь шэхуй фачжань баогао (2012—2013). С. 342.

¹⁰ Там же.

¹¹ Шэньчжэнь тунци няньцзянь — 2012. С. 54.

¹² Шэньчжэнь шэхуй фачжань баогао (2012—2013). С. 149.

¹³ Шэньчжэнь тэцью бао. 29.01.2015.

¹⁴ 2007 нянь: Чжунго Шэньчжэнь фачжань баогао : [2007 год: доклад о развитии китайского Шэньчжэня]. Пекин, 2007. С. 37.

¹⁵ Шэньчжэнь тэцью бао. 07.02.2015.

¹⁶ 2007 нянь: Шэньчжэнь фачжань баогао. С. 37.

¹⁷ Шэньчжэнь шэхуй фачжань баогао (2012—2013). С. 66.

¹⁸ Жэньминь жибао. 21.01.2014.

¹⁹ Например, при одном из опросов в Шэньчжэне 57,5 % рабочих и служащих назвали главным противоречием городской жизни «противоречие между богатыми и бедными» — Шэньчжэнь лаодун гуаньси фачжань баогао (2013) : [Доклад о развитии трудовых отношений в Шэньчжэне (2013)]. Пекин, 2013. С. 170.

²⁰ Во ши фабу лаодун гуаньси фачжань баогао : [В нашем городе опубликован доклад о развитии трудовых отношений] // Шэньчжэнь тэцью бао. 23.11.2014.

²¹ Шэньчжэнь шэхуй фачжань баогао (2012—2013). С. 27—28.

-
- ²² Там же. С. 113.
- ²³ Там же. С. 39—40, 47.
- ²⁴ Шэньчжэнь лаодун гуаньси фачжань баогао (2013). С. 77.
- ²⁵ Там же. С. 168—169.
- ²⁶ Там же. С. 171.
- ²⁷ Шэньчжэнь шэхуй фачжань баогао (2012—2013). С. 188.
- ²⁸ *Jacobs, A. Buckley, C.* Civic groups feel pressure in China — International New York Times, February 26, 2015.
- ²⁹ Шэньчжэнь шэхуй фачжань баогао (2012—2013). С. 193.
- ³⁰ Там же. С. 194.

Глава 5

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДЕЛЬТЕ РЕКИ ЧЖУЦЗЯН И РОЛЬ ШЭНЬЧЖЭНЯ

Дельта р. Чжуцзян является, наряду с дельтой р. Янцзы и районом Биньхай вокруг Тяньцзиня, одной из трех китайских территорий интенсивного развития интеграционных процессов. Главное отличие «чжуцзянской» модели от двух других заключается в том, что интеграционный процесс здесь наряду с внутригосударственным имеет и официально заявленный внешний вектор, поскольку распространяется на Особые административные районы КНР Гонконг (Сянган) и Макао (Аомэнь).

Идея некоей формализации интеграционных процессов в дельте р. Чжуцзян впервые была высказана в 1983 г., однако ее активная практическая реализация началась в конце первого десятилетия XXI века с принятием Собранием народных представителей пров. Гуандун в 2008 г. «Основных положений программы развития и реформ в дельте р. Чжуцзян на 2008—2020 годы», а в апреле 2009 г. — «Решения парткома и правительства провинции Гуандун о последовательном выполнении программы реформ и развития в районе дельты р. Чжуцзян».

В этих документах ставилась задача в течение первых четырех лет добиться «большого развития» района дельты, доведя его валовой продукт в 2012 г. до 4 трлн юаней и уровень урбанизации до 81 %. На втором этапе — до 2020 г. — намечалось обеспечить «прорывное развитие» и первыми в стране «в основном осуществить социалистическую модернизацию». Валовой региональный продукт планировалось довести до 7,2 трлн юаней, уровень урбанизации — до 85 %. По среднему душуемому ВРП (135 тыс. юаней, или 19,4 тыс. ам. долл.) дельта Чжуцзяна должна опередить уровень Тайваня 2008 г.¹

Достичь намеченных рубежей предполагалось за счет интенсификации интеграционных процессов, т. е. налаживания более тесного экономического и социального взаимодействия городов в дельте.

По принципу географической близости выделены три группы городов, в рамках которых формируются элементы единого экономического, управленческого и социального пространства. Это «гуанчжоуский узел» с городами Гуанчжоу, Фошань и Чжаоцин, «шэньчжэньский узел» с городами Шэньчжэнь, Дунгуань, Хойчжоу и «чжухайский узел» с городами Чжухай, Чжуншань и Цзянмэнь. В рамках этих образований действуют многочисленные соглашения о координации административных функций, кредитно-денежной, научно-технической, туристической деятельности, совместном развитии общественного транспорта и другой инфраструктуры.

Наиболее крупным по территории является «гуанчжоуский узел» — 26 тыс. км², 47,4 % территории дельты. Он же «на старте» лидировал по ВРП, общественным инвестициям и розничному товарообороту. «Шэньчжэньский узел» с территорией в 15,6 тыс. км² (28,8 %) лидировал по экспорту и финансовым доходам. «Чжухайский узел» с территорией в 13 тыс. км² (23,8 % территории дельты)² был наименьшим из трех по масштабам экономики (табл. 1), но являлся важной «точкой роста».

Таблица 1. Показатели экономического развития трех групп городов дельты р. Чжуцзян в 2009 г., млрд юаней

Наименование	ВРП	Инвестиции	Розничный товарооборот	Финансовые доходы
Гуанчжоу—Фошань—Чжаоцин	1479	459	530	101
Шэньчжэнь—Дунгуань—Хойчжоу	1337	356	402	121
Чжухай—Чжуншань—Цзянмэнь	394	145	151	30

Источник: Доклад о развитии региональной экономики провинции Гуандун : [Гуандун шэн цюйюй цзинци фачжань баогао (2009). Гуандун шэн фачжань хэ гайгэ вэйюаньхуй бянь]. Гуанчжоу, 2011. С. 128.

В 2009 г. 46 % валового регионального продукта района дельты р. Чжуцзян (3210 млрд юаней) было создано в гуанчжоуском узле, 41,7 % — в шэньчжэньском и 12,3 % — в чжухайском узле. В период 2010—2015 гг. годовые темпы прироста ВРП всех девяти городов дельты постепенно снижались с уровня 10—11 % до, как правило, 8—8,5 %.

В 2015 г. ВРП дельты превысил 6,2 трлн юаней, при этом в его географическом распределении несколько снизились доли Гуанчжоу—Фошаня—Чжаоцина (до 45,1 %) и Чжухай—Чжуншаня—Цзянмэня (до 11,7 %) при увеличении доли Шэньчжэня—Дунгуаня—Хойчжоу до 43,2 %. Гуанчжоу сохранил за собой небольшой перевес над Шэньчжэнем по размеру ВРП (табл. 2).

Таблица 2. Валовой региональный продукт городов дельты р. Чжуцзян в 2013 и 2015 гг.

Наименование	2013, ВРП, млрд юаней	Добавленная стоимость в промышленности		Добавленная стоимость в сфере услуг		2015, ВРП, млрд юаней
		млрд юаней	доля в ВРП, %	млрд юаней	доля в ВРП, %	
Гуанчжоу	1542,0	443,0	28,73	996,4	64,62	1810,0
Шэньчжэнь	1450,0	569,5	39,28	819,8	56,54	1750,3
Чжухай	166,2	74,5	44,81	77,0	46,23	202,5
Фошань	701,0	365,3	52,11	253,0	36,1	800,4
Хойчжоу	267,8	137,4	51,32	99,1	37,0	314,0
Дунгуань	549,0	211,2	38,48	295,1	53,75	627,5
Чжуншань	263,9	125,7	47,63	110,8	42,0	301,0
Цзянмэнь	200,0	71,4	35,72	82,8	41,41	224,0
Чжаоцин	166,0	81,3	49,0	60,6	36,54	197,0
Девять городов дельты р. Чжуцзян	4761,6	1771,0	37,19	2607,8	54,77	6226,7

Источник: Данные за 2013 г. — Доклад о развитии специальных экономических зон Китая — 2014 : [Чжунго цзинцзи тэюй фачжань баогао (2014)]. Пекин. 2014. С. 248. Данные за 2015 г. — сведения статистических управлений соответствующих городов, сайт статуправления провинции Гуандун КНР. URL: www.gdstats.gov.cn.

В то же время во внешней торговле с большим отрывом от других городов дельты неизменно лидирует Шэньчжэнь. В пиковом 2013 г. объем его внешнеторгового товарооборота превысил 537 млрд долл. — 1-е место в стране (табл. 3).

Как известно, в 2014 г. динамика роста внешней торговли Китая резко замедлилась, а в 2015 г. ее объем и вовсе сократился впервые с 2009 г. Не миновала аналогичная участь и район дельты р. Чжуцзян. Товарооборот здесь в 2015 г. вырос по сравнению с 2013 г. у Гуанчжоу

Таблица 3. Объем внешней торговли городов дельты р. Чжуцзян в 2013 г., млрд долл. США

Город	Товарооборот	Экспорт	Импорт
Гуанчжоу	118,89	62,81	56,08
Шэньчжэнь	537,36	305,72	231,64
Чжухай	54,17	26,61	27,56
Фошань	63,94	42,52	21,41
Хойчжоу	57,39	33,32	24,07
Дунгуань	153,07	90,86	62,21
Чжуншань	35,63	26,48	9,15
Цзянмэнь	19,73	14,0	5,73
Чжаоцин	7,02	4,83	2,19

Источник: Доклад о развитии специальных экономических зон Китая — 2014 : [Чжунго цзинци тэюй фачжань бао гао (2014)]. Пекин, 2014. С. 227.

и Дунгуаня, а также у играющих в данной сфере скромную роль Чжаоцина и Цзянмэня. У остальных городов дельты он упал, причем довольно значительно у Шэньчжэня и Чжухая. В связи с падением мировых цен на нефть и сырье импорт сократился значительно, чем экспорт (табл. 4).

Интеграции дельты р. Чжуцзян с близлежащими Сянганом и Аомэнем придается роль «государственной стратегии». Хотя в отношении этих территорий, имеющих статус Особых административных районов КНР, в течение 50 лет должен действовать принцип «одна страна — две системы», процесс экономического, повседневного и психологического сближения Гонконга и Макао с континентальным Китаем был начат загодя.

Налаживанию разностороннего интенсивного сотрудничества Гуандуна с Сянганом и Аомэнем придается роль «государственной стратегии». 29 июня 2003 г. КНР подписала с Сянганом «Соглашение о тесном экономическом сотрудничестве» (Close Economic Partnership Arrangement — СЕРА), а 17 октября 2003 г. — аналогичное по сути соглашение было подписано и с Аомэнем. Они предусматривали поэтапное «обнуление» большинства товарных пошлин, взаимное открытие значительной части рынка услуг. Кроме содействия реализации СЕРА, интеграционные соглашения между Гуандуном, Сянганом

Таблица 4. Объем внешней торговли городов дельты р. Чжуцзян в 2015 г.

Город	Товарооборот		Экспорт		Импорт	
	млрд юаней	млрд долл.	млрд юаней	млрд долл.	млрд юаней	млрд долл.
Гуанчжоу	830,64	133,61	503,47	80,98	327,17	52,63
Шэньчжэнь	2751,66	442,49	1641,54	264,05	1110,12	178,44
Чжухай	296,65	47,66	179,33	28,84	116,72	18,82
Фошань	365,97	58,86	268,13	43,13	97,84	15,73
Хойчжоу	337,60	54,30	216,09	34,76	121,51	19,54
Дунгуань	1040,07	167,29	642,95	103,42	397,12	63,87
Чжуншань	173,89	27,97	—	—	—	—
Цзянмэнь	123,18	19,81	95,47	15,35	27,71	4,46
Чжаоцин	—	8,21	—	4,77	—	3,44

Источник: Хайгуань тунцзи: [Таможенная статистика]. Пекин, 2015. № 12. Р. 149 (на кит. яз.). URL: www.gdstats.gov.cn

Примечание: данные по Фошаню — за 11 месяцев.

ном и Аомэнем предусматривают сотрудничество в развитии инфраструктуры, образовании, защите окружающей среды, совместном создании качественной бытовой среды³. Показательно здесь строительство нового кампуса Университета Макао на близлежащей территории КНР.

Ведущим экономическим партнером Гонконга как в дельте р. Чжуцзян, так и в материковой части Китая в целом, неизменно выступает Шэньчжэнь. По данным официальной статистики, в 2011 г. доля Гонконга в использованных в Шэньчжэне прямых иностранных инвестициях составила около 71 % (3,26 млрд долл. из 4,6 млрд), тогда как доли следующих за ним по объемам инвесторов составили лишь 2,5 % (Сингапур, 114 млн долл.) и 2,3 % (Япония, 107 млн долл.)

Во внешней торговле Шэньчжэня в 2011 г. (414 млрд долл.) доля Гонконга составила 27,5 %, причем в экспорте — 46 % (112,9 млрд долл. из 245,5 млрд). Доли других ведущих партнеров во внешнеторговом обороте Шэньчжэня были существенно ниже: 9,1 % у США и примерно по 6 % у Японии и Тайваня⁴.

В 2012—2013 гг. доминирование Гонконга в инвестиционной сфере сохранилось. Его доля в реализованных прямых зарубежных

инвестициях в Шэньчжэне составила, соответственно, 72,6 % (3,8 млрд долл. из 5,23 млрд) и 76,5 % (4,186 млрд долл. из 5,47 млрд). Следующими по объему инвестиций в Шэньчжэнь в 2012 г. стали США (284 млн долл.), Республика Корея (197 млн долл.), а в 2013 г. Франция (220 млн долл.) На конец 2013 г. число предприятий с гонконгским капиталом, зарегистрированных в Шэньчжэне, составило 18,1 тыс. из общего числа зарегистрированных здесь предприятий с иностранным капиталом в 24,1 тыс.⁵

В этот же период доля Гонконга во внешней торговле Шэньчжэня возрастала: 31,7 % (148 млрд долл.) в 2012 г. и 34,1 % (183,5 млрд долл.) в 2013 г., при этом доля Гонконга в шэньчжэньском экспорте составила, соответственно, 54 и 59,2 %. Доля следующих по объему торговых партнеров Шэньчжэня составила в эти же годы 7,9 и 7,7 % (США) и 6,7 и 8,3 % (Тайвань)⁶.

Снижение внешнеторгового товарооборота Шэньчжэня в 2014—2015 гг. затронуло и его торговлю с Гонконгом, доля которого в товарообороте упала до 29,7 % в 2014 г. до 28,1 % в 2015 г., а в экспорте Шэньчжэня снизилась, соответственно, до 50,4 % и 46,5 % (табл. 5).

Таблица 5. Торговля Шэньчжэня с Гонконгом в 2014—2015 гг., млрд долл.

Оборот	2014 г.	2015 г.
Оборот	144,95	124,2
Экспорт	143,25	122,8
Импорт	1,7	1,4
Доля во внешней торговле Шэньчжэня, %	29,7	28,1
Доля в экспорте Шэньчжэня, %	50,4	46,5

Источники: составлено и рассчитано по данным статистических ежегодников Шэньчжэня за 2015-й и 2016-й годы. URL: <http://www.sztj.gov.cn/xxgk/tjsj/tjnj/201701/w020170120506125327799.pdf> (с. 327); http://www.sztj.gov.cn/xxgk/tjsj/tjnj/201701/t20170120_5943580.htm (дата обращения: 05.02.2017).

Отчасти понижительный тренд был связан с падением цен на нефть и нефтепродукты, но в какой-то мере на деловой активности Гонконга негативно сказалась и известная политическая напряженность в этом специальном административном районе КНР. Та же причина, напротив, усилила приток в Шэньчжэнь спасающегося от нестабильности гонконгского капитала. Его доля в использованных

прямых иностранных инвестиций в Шэньчжэне составила 75,6 % в 2014 г. и 86,4 % в 2015 г. Как бы то ни было, Гонконг сохранил свои позиции ведущего внешнеполитического партнера Шэньчжэня.

В то же время у других городов дельты р. Чжуцзян ориентация внешнеэкономических связей на Гонконг не является столь же сильно выраженной, как у Шэньчжэня. Например, в 2015 г. экспорт Чжухая в США и Европейский союз превысил его экспорт в Гонконг. В экспорте Гуанчжоу Гонконг в 2015 г. занял 1-е место (90 млрд юаней), но вывоз в США (75 млрд юаней), ЕС (62,8 млрд) и АСЕАН (65,5 млрд юаней) отстал ненамного. С учетом же импорта внешняя торговля Гуанчжоу с этими регионами превысила торговлю столицы Гуандуна с Гонконгом⁷.

Исторически сформировавшаяся близость Гонконга и Шэньчжэня в экономике и отчасти в повседневной жизни породила идею постепенной трансформации двух этих городов в единый международный мегаполис.

Соответствующие проекты, вплоть до разработки «дорожной карты» формирования «Сянчжэня», активно обсуждались, прежде всего, в Шэньчжэне, в середине 2000-х годов. Их энергично пытался реализовать бывший мэр Шэньчжэня Сюй Цзинхэн⁸. После его отстранения от должности интеграционный процесс в связке Шэньчжэнь—Гонконг замедлился, но не угас.

Во втором десятилетии XXI века на первый план выдвинулось освоение шэньчжэньской территории Цяньхай, где на площади 15 км² совместно с Гонконгом создается экспериментальный район сотрудничества в развитии высоких технологий и современных услуг. Цяньхай патронирует непосредственно лидер КНР Си Цзиньпин, посетивший его в конце 2012 г., вскоре после избрания генеральным секретарем ЦК КПК.

Важный дополнительный стимул развитию Цяньхая должно придать его включение в апреле 2015 г. в состав Гуандунской зоны свободной торговли. Эта зона, получившая официальное название «Экспериментальный район свободной торговли провинции Гуандун Китая», включает три участка: Цяньхай—Шэкоу в Шэньчжэне площадью 28,2 км², Чжухай—Хэнцин (28 км²) и новый район Наньша в Гуанчжоу (60 км²). Одной из основных функций данной зоны призвано стать налаживание в течение 3—5 лет «образцового глубокого сотрудничества» Гуандуна, Сянгана и Аомэня, соответствующего международным нормам и стандартам. В 2016 г. ВРП участка Цяньхай—Шэкоу достиг 140 млрд юаней⁹.

Похоже, что интеграционные процессы в дельте р. Чжуцзян, особенно ориентированные на дальнейшее сближение ведущих экономических центров Гуандуна с Гонконгом и Макао, получили новую весомую поддержку от центрального правительства Китая. Еще одним важным шагом в этом направлении стало установление связи между Гонконгской и Шэньчжэньской биржами по торговле акциями, одобренное Госсоветом КНР 16 августа 2016 г.

Экономическое развитие дельты р. Чжуцзян призвано содействовать подъему других районов Китая. «Ближний радиус», в котором дельта призвана индуцировать дополнительный экономический рост, представлен «востоком», «западом» и «югом» провинции Гуандун. В 2009 г. валовой региональный продукт дельты р. Чжуцзян составил 79,3 % от ВРП пров. Гуандун, ВРП «востока» — 6,7 %, «запада» — 7,2 % и ВРП «юга» пров. Гуандун — 6,7 %.

«Большой радиус» влияния охватывает соседние с Гуандуном провинции и автономные районы Южного и Юго-Западного Китая — Фуцзянь, Цзянси, Хунань, Хайнань, Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Гуанси-Чжуанский автономный район. Вместе с Гуандуном, Гонконгом и Макао этот район подчас называют «Панчжуцзянским». «Рамочное соглашение о сотрудничестве в Панчжуцзянском регионе» было подписано 3 июня 2004 г. в Гуанчжоу во время первой встречи глав правительств охваченных им провинций и автономных районов. В развитие этого документа были затем приняты базовая Программа развития сотрудничества в Панчжуцзянском регионе на 2006—2020 гг. и порядка ста установочных документов и соглашений о сотрудничестве в конкретных сферах — строительстве шоссейных дорог, развитии логистики и торговли, туризме, науке и технике, продвижении информатизации, охране окружающей среды и т. п. Сформировался институциональный формат сотрудничества: проводятся регулярные встречи глав провинциальных правительств, Гонконга и Макао, секретарей правительств (отдельно), ежегодные научные и торгово-экономические форумы¹⁰.

В марте 2016 г. Госсовет КНР утвердил «Руководство по углублению сотрудничества в Панчжуцзянском регионе». Поставлены цели создания транспроvincialной платформы тесного экономического сотрудничества, дальнейшего углубления взаимодействия южных провинций КНР с Гонконгом и Макао, оживления экономической жизни вдоль всей речной системы Сицзян—Чжуцзян (это одна река, отдельные участки которой имеют различные названия). Намечено создание Фонда развития панчжуцзянского региона¹¹.

Таким образом, несмотря на сложную ситуацию и в мировой, и в китайской экономике, интеграционные процессы в дельте р. Чжуцзян имеют неплохие шансы на динамичное развитие в обоих направлениях — как внешнем, так и внутреннем.

Примечания

¹ Доклад о развитии региональной экономической провинции Гуандун — 2009 / сост. Комитет реформ и развития провинции Гуандун : [Гуандун шэн цюйюй цзинци фачжань баогао (2009) Гуандун шэн фачжань хэ гайгэ вэйюаньхуй бянь]. Гуанчжоу, 2011. С. 147.

² Указ. соч. С. 128—136.

³ *Кан Сюэцин*. Исследование экономической интеграции в субрегиональном треугольнике роста Гуандун—Сянган—Аомэнь : [Юэ Ганн Ао цзэнчжан саньцзяо цыцюйюй цзинци итихуа яньцзю]. Пекин, 2014. С. 104—113.

⁴ Статистический ежегодник Шэньчжэня 2012 : [Шэньчжэнь тунци няньцзянь 2012]. Пекин, 2012. С. 290, 299.

⁵ Статистический ежегодник Шэньчжэня 2014 : [Шэньчжэнь тунци няньцзянь 2014]. Пекин, 2014. С. 291, 294, 302.

⁶ Там же. Рассчитано по: с. 307—308.

⁷ Данные сайта: URL: gdstats.gov.cn (от 10.03.2016).

⁸ См.: *Цзинь Синь* и др. Сянган—Шэньчжэнь: мотор продвижения Китая на более высокую ступень : [Сянган+Шэньчжэнь: шэнци Чжунго иньцин]. Гуанчжоу, 2008.

⁹ Госсовет распространил шесть документов о политике расширения зон свободной торговли : [Гоюань иньфа люсян цзымаошуй чжунпан чжэнцэ вэньцзянь]. URL: <http://finance.people.com.cn/n/2015/0420/c1004-26872651.html>; Шэньчжэнь тэцюй бао. 21.12.2016.

¹⁰ *Лю Цзяньвэнь, Ян Лун*. От безвозмездной помощи к равенству и взаимовыгодности: исследование регионального сотрудничества Тибета с внутренними районами и длительной общественной стабильности : [Цун учан юаньчжу дао пиндэн хухуй: Сцзан юй пэйди дэ дифан хэцзо юй чанчжи цюань яньцзю]. Пекин, 2014. С. 264—273.

¹¹ Жэньминь жибао. 16.03.2016.

Глава 6

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В КИТАЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Доминантным процессом в экономике Китая в период 12-й пятилетки (2011—2015 гг.) стала трансформация модели экономического роста.

Ее главным содержанием является выправление деформированных или не отвечающих новому этапу развития базовых народнохозяйственных пропорций — между накоплением и потреблением, между подразделениями общественного производства. Достижение поставленных целей осуществляется путем переноса центра тяжести развития с инвестиций и экспорта на внутреннее потребление и научно-технический прогресс. При этом неизбежным оказалось некоторое снижение годовых темпов прироста ВВП страны.

Нынешнее китайское руководство — председатель КНР Си Цзиньпин и премьер Госсовета Ли Кэцян — предпочли заменить сам термин «трансформация модели роста», унаследованный от предыдущего поколения лидеров, собственным термином «новая нормальность». Она предполагает существенное снижение темпов прироста внутренних инвестиций при стимулировании потребления населения.

Практические результаты трансформации модели экономического роста в КНР оказались достаточно противоречивыми. С одной стороны, по формальным признакам достигнуто определенное улучшение народнохозяйственных пропорций. Так, доля конечного потребления в приросте ВВП Китая составила в 2015 г. 66,4 % (в 2013 г. 48,2 %, в 2014 г. 50,2 %), в структуре годового ВВП доля сферы услуг выросла с 45,5 % в 2012 г. до 50,5 % в 2015 г. при сокращении доли второго подразделения общественного производства (промышленность и строительство) с 45 % до 40,5 %.

В то же время в условиях неблагоприятной мировой конъюнктуры и падения внешнеторгового товарооборота страны (в 2015 г. на

7 % в юаневом и на 8 % в долларовом выражении) формально позитивные подвижки в структуре китайской экономики были не столько результатом планомерной, хорошо просчитанной экономической политики, сколько следствием своего рода вынужденного экстренного торможения, прежде всего в отраслях, производящих инвестиционные товары (черная металлургия, производство стройматериалов), и невыполнения планов по экспорту.

Можно констатировать, что процесс трансформации модели экономического роста в Китае и обретения народным хозяйством страны состояния «новой нормальности» протекает тяжелее и менее плавно, чем рассчитывали в китайском руководстве (табл. 1).

Таблица 1. Основные показатели экономического роста в Китае в 2011—2015 гг.

Наименование	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Валовой внутренний продукт, трлн юаней	48,4	53,4	58,8	63,6	67,7
ВВП, прирост в сопоставимых ценах, %	9,5	7,7	7,7	7,4	6,9
Доля ВВП, %					
I подразделение общественного производства	9,5	9,5	9,4	9,2	9,0
II подразделение (промышленность и строительство)	46,1	45,0	43,7	42,6	40,5
III подразделение (услуги)	44,3	45,5	46,9	48,2	50,5
Общественные инвестиции в основные фонды, трлн юаней	31,1	37,5	44,6	51,3	55,2
Прирост, %	23,8	20,3	19,1	15,3	10,0
Общественный розничный товарооборот, трлн юаней	18,4	21,0	24,3	27,2	30,1
Прирост, %	17,1	14,3	13,1	17,0	10,7
Экспорт, трлн юаней	12,3	12,9	13,7	14,4	14,1
Прирост, %	15,2	5,0	6,0	4,9	-1,8

Источник: Чжунго тунци чжайяо 2015 : [Краткая статистика Китая 2015]. Пекин, 2015; Сообщение Госкомстата КНР о предварительных итогах экономического развития Китая в 2015 г. URL: <http://finance.people.com.cn/n1/2016/019/c1004-28066765.html>

Прежде всего, обращает на себя внимание поступательное снижение темпов экономического роста: 9,5 % в 2011 г., по 7,7 % в 2012—2013 гг., 7,4 % в 2014 г. и, наконец, 6,9 % в 2015 г. Приведенная выше таблица показывает и два основных фактора нисходящей динамики. Во-первых, это снижение прироста инвестиций — с 23,8 % в 2011 г.

до необычайно низких для Китая 10 % в 2015 г. Второй фактор — менее скромные, чем ожидалось, показатели экспорта. После обычных для Китая высоких темпов его прироста в 2011 г. (15,2 %) последовала череда лет со скромными темпами прироста в 5—6 % годовых, а в 2015 г. в условиях значительного падения мировых цен экспорт по стоимости и вовсе снизился на 1,8 % в юаневом и на 2,9 % в долларовом выражении. Любопытно, что хотя параллельно потребление достаточно стабильно росло, но темпы этого прироста в течение пятилетки снижались, да и в целом не были сверхвысокими. То есть изменения в соотношении накопления и потребления происходили не вследствие опережающего роста конечного потребления в ВВП, а благодаря замедлению роста инвестиций и сопутствующему снижению нормы накопления.

Разумеется, экономический рост в Китае оказался заметно дифференцирован по регионам и отраслям в 2015 г. Из территорий среди лидеров оказались западные Чунцин (11 %) и Гуйчжоу (10,7 %), восточные Тяньцзинь (9,3 %) и Гуандун (8 %). Самые низкие показатели — в отягощенных стагнирующими металлургией и угледобычей Ляонине (3 %) и Шаньси (3,1 %). Выше среднего по промышленности (6,1 %) прирост оказался в высокотехнологичных отраслях (10,2 %), в том числе в аэрокосмической промышленности (26,2 %).

В любом случае, однако, сначала китайские ученые-экономисты, а затем и премьер Госсовета КНР Ли Кэцян констатировали, что экономика Китая из этапа высоких темпов роста перешла в этап «средне-высоких» темпов, что, собственно, и является ведущей характеристикой «новой нормальности».

Тенденция постепенного, но не драматичного затухания темпов может сохраниться на перспективу ближайших полутора-двух десятилетий. Так, ученые Центра исследования проблем развития при Госсовете КНР во главе с Лю Шицзином предсказывали в 2014 г. снижение годовых темпов прироста ВВП страны до 6,9 % в 2016 г., 6,3 % в 2020 г., 5,8 % в 2021 г. и 5,5 % в 2023 г.

Предметом особой озабоченности китайского руководства в настоящее время является сохранение приемлемых темпов развития в 13-й пятилетке (2016—2020 гг.), то есть таких, которые позволят достичь ранее намеченных ориентиров общества «сяокан» — «малого благоденствия». В Программе 13-й пятилетки в качестве одного из главных количественных ориентиров названо удвоение к 2020 г., по сравнению с 2010 г., как общего размера ВВП страны, так и среднедушевых доходов населения. Среднегодовые темпы прироста ВРП

должны составить не менее 6,5 %. Взят курс на увеличение доли расходов на НИОКР с 2,1 % в 2015 г. до 2,5 % в 2020 г. и увеличение вклада научно-технического прогресса в экономический рост с 55 % до 60 %.

В китайском правительстве, пожалуй, более открыто, чем ранее, говорят о тех трудностях, с которыми сталкивается народное хозяйство страны. Так, на встрече с президентом Всемирного банка Джим Ён Кимом 2—4 февраля 2016 г. премьер Ли Кэцян посетовал на замедление темпов роста мировой экономики, спад в международной торговле и резкие колебания на финансовом рынке.

Похоже, что в условиях неважной конъюнктуры мировых рынков китайское руководство будет пытаться изыскать, прежде всего, внутренние резервы обеспечения приемлемых темпов роста экономики. Это может быть традиционное для Китая наращивание инвестиций — но на сей раз не только и не столько в инфраструктуру, сколько в комплекс мероприятий по охране окружающей среды, развитие «зеленой» (низкоуглеродной) экономики, общегосударственной сети заправок для электромобилей и т. п. Будет продолжена политика расширения платных форм досуга неработающего населения (пенсионеров и детей). Однако, по нашей оценке, наращивание совокупных масштабов потребления сталкивается с рядом серьезных ограничителей. Для населения с низкими доходами — это постоянный рост цен на продовольствие. Для молодежи и части среднего класса — продолжающийся в крупных городах рост цен на жилье и его высокая стоимость. Для значительной части населения — сбережения средств для обучения детей за границей, с этим отчасти связан и значительный отток средств из Китая. Еще одним ограничителем может стать крупная задолженность мест, препятствующая как притоку новых кредитов, так и размещению внутренних займов. По оценке журнала *Economist*, суммарный долг Китая (включая суверенный долг государства, долговые обязательства региональных властей и предприятий) в 2015 г. достиг 282 % ВВП.

Китайское руководство справедливо связывает возможность улучшения ситуации в экономике, включая достижение планируемых темпов роста, с углублением рыночных реформ в госсекторе, финансах и денежно-кредитной сфере, землепользовании, с активным продвижением урбанизации. Это так, однако у этой «медали» есть и обратная сторона: сколько-нибудь заметное торможение в реформах в той или иной сфере неизбежно будет становиться еще одним дополнительным фактором риска.

В целом можно сделать общий вывод, что ближайшие несколько лет будут трудными для Китая в экономическом, а значит, и в социальном плане. Оптимальным для Пекина вариантом было бы существенное улучшение ситуации на мировых товарных рынках, что позволило бы нарастить экспорт и развитие новых высокотехнологичных производств. В этом случае может быть достигнут среднегодовой прирост в 6,5 % в период 2016—2020 гг.

Еще один сценарий предполагает отступление от целей трансформации модели экономического роста ради достижения требуемых темпов роста за счет дополнительных инвестиций и «мягкой» кредитно-денежной политики. Это может дать частичный эффект, но обернется дополнительными проблемами после 2020 г. Нечто похожее уже было в Китае после кризиса 2008—2009 гг.

Наконец, ряд зарубежных экспертов пророчат Китаю «жесткую посадку». По определению известного китайского ученого-экономиста Фань Гана, «жесткая посадка» может быть квалифицирована как снижение прироста ВВП на 5 процентных пунктов. Последний раз такая ситуация случилась в КНР в первом квартале 2009 г. Вероятность, что среднегодовой прирост ВВП Китая окажется в 2016—2020 гг. несколько ниже 6,5 %, существует, но до «жесткой посадки» дело в ближайшее пятилетие дойти не должно. В любом случае, однако, сценарий с темпами роста ниже плановых несет с собой дополнительные риски обострения социальных проблем. С позиций сегодняшнего дня возможность реализации трех представленных сценариев выгладит равновеликой. Если с точки зрения вклада Китая в рост мировой экономики ситуация при любом из трех сценариев радикально различаться не будет, то для престижа руководства и обеспечения политической стабильности в стране третий сценарий содержит наибольшие элементы риска. В этом случае усилится вероятность педалирования тех или иных «болевых точек» во внешнеполитической сфере и более жесткого поведения Пекина на международной арене.

Возникновение в Китае в последние годы **проблемы избыточных производственных мощностей** стало закономерным следствием сформировавшегося в стране преимущественно экстенсивного типа экономического роста с опорой на постоянное увеличение инвестиций и наращивание объема экспорта. Немалую лепту внесло и межрегиональное соперничество, стимулировавшее нередкое появление дублирующих производств. Кроме того, играло свою роль и стремление мест заполнить право на сооружение у себя того или иного крупного

производственного объекта с целью укрепления собственной финансово-налоговой базы. Наконец, приток инвестиций в строительство высокодоходных объектов недвижимости — как жилья, так и разного рода офисных сооружений, — создавал постоянный спрос на продукцию инвестиционных отраслей экономики. В условиях высокой экономической динамики эта модель более-менее успешно работала, маскируя угрозу формирования крупных «мыльных пузырей» в значительной части промышленности и строительства.

Замедление темпов роста экономики в целом и в особенности темпов прироста инвестиций вкуче с ухудшением ситуации на внешнем рынке с очень незначительным временным лагом привело к падению совокупного спроса на продукцию черной металлургии, алюминий, стройматериалы, включая цемент и оконное стекло. Проблему усугубляет то обстоятельство, что объемы их производства в Китае достигли поистине циклопических размеров. Так, в 2014 г. в стране было выплавлено более 711 млн т чугуна, 822 млн т стали, 1125 млн т стального проката, произведено 2476 млн т цемента и 792 млн ящиков оконного стекла. Внушительных объемов — 27,5 млн т — достигла выплавка первичного алюминия, и это при том, что в 2000 г. его было произведено в десять раз меньше — 2,79 млн т. Объем перепроизводства в условиях ухудшившейся конъюнктуры оказался просто невообразимым. Так, по оценке журнала *Economist*, по стали в 2015 г. он составил 411 млн т, то есть половину ее выплавки (December 9, 2015).

Несколько по-иному выглядит ситуация с углем. Руководство страны уже довольно давно стремилось снизить его добычу, прежде всего по экологическим соображениям. Однако высокие цены на нефть и газ мешали свертыванию угледобычи и поддерживали неплохой спрос на уголь. Китай даже стал достаточно крупным импортером угля.

Снижение в 2014 г. мировых цен на углеводороды изменило ситуацию. Китай стал сворачивать как импорт, так и собственную добычу угля. Так, в 2014 г. добыча угля сократилась на 100 млн т, а его импорт — примерно на 30 млн т.

Предметно проблемой излишних производственных мощностей Госсовет КНР начал заниматься в мае 2013 г., прекратив утверждение и начало строительства новых объектов по выпуску продукции черной металлургии, цемента, оконного стекла, электролизного алюминия. В сентябре 2013 г. появился первый документ, регламентирующий решение проблемы избыточных производственных мощностей. Работа на его основе позволила накопить позитивный опыт решения

возникших проблем с занятостью, задолженностью и банковскими кредитами соответствующих предприятий.

Утверждается, что удалось уменьшить мощности по выплавке стали на 90 млн т. Однако они все еще превышают 1,2 млрд т, то есть коэффициент загрузки производственных мощностей составляет примерно 67 %.

В 2015 г. в КНР было выплавлено 803,8 млн т стали — на 2,33 % меньше, чем в 2014 г. Это был первый случай снижения выплавки стали в стране после 1981 г. Ситуация, однако, усугубилась снижением в течение года цен на стальной прокат — в декабре 2015 г. они были на 32 % ниже, чем годом ранее. В результате суммарный реализованный доход предприятий, входящих во Всекитайскую сталелитейную ассоциацию (2,89 трлн юаней), упал на 19 %, при этом доля выплавки стали на убыточных предприятиях составила 46,7 % от общей ее выплавки предприятиями ассоциации.

4 февраля 2016 г. Госсовет КНР информировал о намерении сократить сталеплавильные мощности в ближайшие пять лет еще на 100—150 млн т. А 5 февраля был распространен инструктивный документ правительства об основных направлениях этой работы. Им, в частности, предусматривается решительное закрытие предприятий, превышающих по уровню вредных выбросов стандарты, установленные для сталелитейной промышленности, либо превышающих установленные лимиты на удельные энергозатраты, либо имеющих проблемы с обеспечением безопасности на производстве, а также располагающих маломощным оборудованием (конвертеры с объемом до 400 м³, электропечи мощностью 30 т электростали и менее и т. п.) Одновременно отрасль нацеливается на обновление и повышение классности ассортимента выпускаемой продукции и на поиск новых ниш для массового потребления стальных изделий. Отрасли обещана налоговая поддержка, содействие в решении проблем банковской задолженности, в переподготовке и трудоустройстве работников.

Китай активно ищет пути расширения сбыта за рубежом продукции отраслей с избыточным объемом мощностей и производства. Так, в 2014 г. экспорт Китаем различных видов стального проката превысил 93 млн т на 70 млрд долл. (прирост к 2013 г. на 50 % по объему и на 33 % по стоимости). В 2015 г. он вырос еще на 20 % по объему (112 млн т) при сокращении на 11,3 % по стоимости (62,8 млрд долл.) Продажа растущих объемов стального проката Китаем по снижающимся ценам вызвала решительный протест Европейского союза.

23 февраля была опубликована инструкция по угольной промышленности. На 2016 г. намечалось закрыть не менее тысячи шахт и сократить мощности по угледобыче на 60 млн т. А в течение 3—5 лет из оборота предстоит вывести мощности по добыче 500 млн т угля.

На сессии ВСНП в марте 2016 г. было также объявлено о снижении мощностей по производству цемента на 230 млн т, оконного стекла на 6 млн ящиков и электролизного алюминия на 1 млн т.

В целом задачи снижения производственных мощностей в черной металлургии, угледобыче, а затем и в промышленности стройматериалов представляют собой одну из наиболее сложных проблем, с которыми сталкивается ныне экономика Китая. Она, во-первых, носит достаточно длительный по времени характер и, во-вторых, в принципе не ограничивается вышеперечисленными отраслями и вполне может охватить и другие виды производств (так, в начале 2017 г. речь зашла об автомобилестроении). Определенный плюс в виде улучшения отраслевой и организационной структуры промышленности, некоторого снижения нагрузки на окружающую среду здесь, безусловно, присутствует. В то же время избавление от избыточных производственных мощностей несет с собой и определенные риски. Прежде всего, оно прямо и косвенно действует в сторону некоторого понижения общих темпов экономического роста. Далее. Остановка местных небольших угольных шахт и металлургических предприятий оборачивается крупным вычетом из доходных статей местных бюджетов уездного звена и выше, усугубляя их и без того солидное бремя задолженности. В-третьих, ближайшие несколько лет именно реструктурируемые производства станут главным сегментом сокращения занятости в Китае. Например, только на Уханьском металлургическом комбинате планировалось сокращение числа занятых на 6 тыс. человек в первые три месяца 2016 г. Множатся случаи урезания зарплаты. В стране в целом растет так называемая невидимая безработица, когда предприятие перестает платить заработную плату, но продолжает вносить взносы за работника по пенсионному и медицинскому страхованию. По некоторым оценкам, ситуация может выйти на уровень конца 1990-х годов, когда убыточными «на пике» были 39,7 % государственных предприятий.

Существенные риски связаны и с внешнеэкономическим аспектом проблемы. В целом очевидно стремление Пекина обеспечить максимальный экспорт продукции избыточных отраслей, в том числе за счет создания различных зон свободной торговли, сотрудничества в рамках формата Экономического пояса Шелкового пути и т. д.

Во многих случаях китайский экспорт начинает конкурировать с местным производством, вызывая жесткую ответную реакцию. В случае с Евросоюзом на кону стоит не только будущее европейской черной металлургии, но и предоставление или непредоставление Китаю рыночного статуса после 11 декабря 2016 г. (15 лет после приема Китая в ВТО). В ЕС ширится движение против предоставления Китаю такого статуса, поскольку это грозило бы Европе потерей до 3,5 млн рабочих мест за 5 лет, в том числе практически всех мест в сталелитейной промышленности. (Официальный Брюссель оценивает возможные потери в 63—211 тыс. рабочих мест.) Ведется поиск различных вариантов защиты от наплыва на европейский рынок китайской стали.

Похожая ситуация может возникнуть и по другим товарам китайского экспорта.

Видимо, вряд ли стоит ожидать отказа Китая от программы сокращения избыточных производственных мощностей, но определенные торможения и задержки в ее реализации, вызванные различными рисками и практическими сложностями, вполне возможны.

С 2013 г. Китай является мировым лидером по объему **внешней торговли** товарами и их экспорту, занимая по импорту товаров 2-е место в мире после США. По данным Всемирной торговой организации, в 2014 г. объем экспорта КНР составил 2343 млрд долл., а его доля в мировом экспорте — 12,4 %. По импорту товаров (1960 млрд долл.) доля Китая в мире составила 10,3 %.

В 2015 г. в условиях снижения мировых цен на сырье, энергоносители и продукцию первичного передела объем внешнеторгового товарооборота КНР сократился в долларовом выражении на 8 % — до 3958 млрд долл. При этом экспорт КНР сократился только на 2 % — до 2276 млрд долл., тогда как импорт упал на 14,1 % — до 1682 млрд долл. Поскольку, по данным ВТО, мировой экспорт товаров снизился по стоимости по сравнению с 2014 г. на 13,2 % (в том числе в США на 7,1 %, в Германии 11 %, в Японии на 9,5 %), то доля китайского экспорта в общемировом показателе выросла до 13,8 %.

В разбивке по отдельным государствам и группам стран ситуация с динамикой китайского экспорта и внешнеторгового товарооборота в целом сложилась в 2015 г. разнонаправленно. Вырос экспорт КНР в АСЕАН (прежде всего, за счет увеличения поставок во Вьетнам), в Индию, США (на 3,4 %). Сократился в Японию, Республику Корея, ЕС (–4 %) и практически во все страны с высокой долей топлива и сырья в торговле, пострадавшие от девальвации национальных валют, — Бразилия, Австралия, Россия (–35,2 %).

По товарным группам и важнейшим экспортным товарам картина с динамикой экспорта сложилась следующим образом. На 10 % и более вырос экспорт железнодорожного и электроэнергетического оборудования, оборудования связи, прежде всего за счет увеличения поставок на рынки развитых стран. Увеличился экспорт осветительной аппаратуры, игрушек, изделий из пластмассы и химических удобрений. Почти на 20 % — с 93,8 до 112,4 млн т — вырос физический объем экспорта стального проката, но из-за падения цен его стоимостной объем сократился на 11,3 % — с 70,8 до 62,8 млрд долл. Снизился в стоимостном выражении и экспорт таких важнейших статей китайского экспорта, как мобильные телефоны (–8,5 %, до 146,4 млрд долл.), одежда (–6,4 %, 186,2 млрд долл.), текстиль (–2,3 %, 112 млрд долл.), обувь (–4,8 %, до 56,2 млрд долл.) Одной из немногих позиций, где был отмечен рост цен, оказались фарфорово-фаянсовые изделия (рост экспорта по стоимости на 19 % при снижении физического объема поставок на 2,8 %).

Следует отметить увеличение на 30 % экспорта Китая по каналам электронной торговли.

В то же время в условиях снижающихся цен на энергоносители и сырье КНР продолжала наращивать их импорт. Так, импорт нефти вырос с 308,4 млн т в 2014 г. до 335,5 млн т в 2015 г., а импорт железной руды — с 932,3 млн т до 952,7 млн т.

Следует отметить, что снижение объема внешней торговли — нетипичное для пореформенного Китая явление, наблюдающееся лишь в кризисные годы. В 1998 г., на волне Азиатского финансового кризиса, он сократился на 0,4 %, а в условиях мирового финансового кризиса в 2009 г. — на 13,9 %, в том числе экспорт Китая упал на 16 %. Напротив, постоянно растущий довольно высокими темпами экспорт товаров являлся неотъемлемой важной составной частью существовавшей в КНР инвестиционно-экспортной модели экономического роста. Об огромном значении экспорта для экономики страны говорит тот факт, что на производство и обеспечение экспортных поставок в КНР работают до 100 млн человек.

Высокий для крупных государств показатель соотношения экспорта и ВВП в Китае (в 2014 г. 22,6 %) объективно свидетельствует о незаменимой и чрезвычайно важной роли сбыта продукции на внешних рынках в функционировании всего народного хозяйства страны. Иногда в китайских СМИ его уподобляют «трехколесной повозке», где экспорт выступает одним из колес наряду с потреблением и инвестициями.

Поэтому замедление в 2012—2014 гг. прироста экспорта, а затем и сокращение в 2015 г. самого экспорта было воспринято в Китае со всей серьезностью.

Принципиальный ответ Китая на ухудшение мировой конъюнктуры и сложности с наращиванием экспорта состоит в дальнейшем углублении политики внешнеэкономической открытости и всемерном улучшении условий ведения внешней торговли.

В стратегическом плане следует выделить известную инициативу «одного пояса, одного пути» (нового сухопутного и морского Шелкового пути), нацеленного на углубление торгово-экономического сотрудничества с большой группой государств Азии, Европы, Африки. Видные китайские эксперты справедливо указывают, что концепция «пояса и пути» представляет собой, прежде всего, стратегию развития Китая. Главные ориентиры здесь, по крайней мере на первых порах, это наращивание экспорта китайских товаров и вывоза китайского капитала. Ставится вопрос и о переносе из КНР за рубеж части избыточных производственных мощностей. Хотя китайская инициатива была встречена в мире преимущественно положительно и продвигается ныне на практический уровень, ее реализация сопряжена с многочисленными рисками. Прежде всего, нужна повсеместная долговременная политическая стабильность — как внутри стран, так и в различных субрегионах. К тому же даже у стран, считающихся дружественными Китаю, есть сомнения во взаимовыгодности предлагаемых китайской стороной проектов (как заметил пакистанский дипломат на одной из конференций, «общий выигрыш» — это сколько? 90 на 10, 80 на 20 или все же 50 на 50?). Наконец, значительный эффект от сотрудничества в формате «пояса и пути» может быть получен лишь в перспективе.

Похоже, что Пекин ищет и другие ответы на новые вызовы во внешней торговле. В 2013 г. в Шанхае на базе зоны беспошлинной торговли Вайгаоцяо была создана экспериментальная Шанхайская зона свободной торговли. В 2015 г. подобные зоны свободной торговли были также созданы в Гуандуне (включает часть городов Гуанчжоу и Шэньчжэнь), в Фуцзяни и Биньхае (Тяньцзинь).

Китай, однако, занят не только долгосрочной стратегией наращивания экспорта, но и прилагает усилия по выправлению неблагоприятной ситуации в данной сфере уже в самое ближайшее время. 18 января 2016 г. Госсовет КНР обнародовал инструкцию «О содействии новаторскому развитию торговли на основе переработки». Как известно, торговля на основе переработки (изготовление изделий по об-

разцам и из материалов заказчика, сборка готовых изделий из импортных компонентов и т. п.) занимает заметную долю во внешней торговле страны. Один из ее плюсов состоит в возможности активно использовать в работе на экспорт малый и средний бизнес. Новый документ ориентирует данный вид внешнеторговой деятельности на самое активное включение в глобальные цепочки создания добавленной стоимости, причем не на нижних этажах, как это преобладало ранее, а с повышением технической сложности и добавленной стоимости производимых изделий. Ставится задача соединять производственную деятельность с комплексным развитием торговых и финансовых услуг. Большое значение придается рациональному разделению труда в данной сфере между западными и восточными регионами страны (что, судя по всему, позволит несколько снизить стоимость рабочей силы). Предусмотрено совершенствование мер таможенного контроля, призванное улучшить условия ведения торговой деятельности на основе переработки.

Несколько ранее, в июле 2015 г., Госсовет КНР принял документ более общего характера — «О мерах содействия стабильному росту экспорта и импорта». Среди декларируемых мер — облегчение условий для расчетов в жэньминьби, расширение сети беспощинных магазинов «дьюти фри», снижение в экспериментальном порядке импортных пошлин на товары, пользующиеся в Китае большим спросом. Намечался и переход к более гибкому валютному курсу юаня, вылившийся, как известно, в его умеренную девальвацию в августе, а затем в ноябре—декабре 2015 г.

В целом же внешнеэкономический комплекс КНР сталкивается в настоящее время со значительными рисками и вызовами. Плохая конъюнктура мировых рынков затрудняет сбыт традиционных товаров китайского экспорта и может не позволить быстро переломить снижение объемов или стагнацию внешней торговли товарами. Вывод на рынок обновленной номенклатуры продукции может сдерживаться новыми барьерами в виде антидемпинговых расследований. Рынок стран БРИКС в качестве возможной альтернативы рынку развитых государств пока ожиданий Китая не оправдывает. Видимо, в ближайшие годы сохранится и негативная тенденция ослабления роли экспорта как рычага экономического роста.

В то же время нельзя забывать о сильных сторонах внешней торговли Китая. Это, прежде всего, диверсифицированная товарная структура торговли, играющая роль стабилизатора. Китай обладает серьезным потенциалом развития новых форм торговли, в частно-

сти электронной, а также потенциалом наращивания торговли услугами.

В пользу Китая действует и то обстоятельство, что в его спросе на различные импортные товары заинтересован практически весь мир. При этом некоторые торговые партнеры Китая, опасаясь дальнейшего падения спроса с его стороны на товары их экспорта, особенно сырьевые, активно ищут альтернативные варианты. Так, по информации бывшего премьер-министра Австралии Кевина Рада, Австралия в течение десяти лет вела с КНР переговоры по поставкам сельхозпродукции (и добилась успеха), видя именно в ней замену железной руде, каменному углю и сжиженному природному газу, спрос на которые грозит упасть (выступление К. Рада в Московском центре Карнеги 18 февраля 2016 г.)

По общепризнанному мнению, **современный этап экономической реформы** в КНР берет отсчет с ноября 2013 г., когда 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва принял «Решение о некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформы». Осмысление и детализация конкретных положений этого документа потребовало времени.

В июне 2014 г. Политбюро ЦК КПК одобрило «Общий проект углубления реформы финансово-налоговой системы». Весной—летом 2015 г. был одобрен пакет документов по созданию экспериментальных зон свободной торговли в провинциях Гуандун, Фуцзянь и районе Биньхай близ Тяньцзиня. Осенью 2015 г. были приняты документы, регламентирующие углубление реформ на государственных предприятиях и в управлении наукой и техникой.

Наконец, в 2016 г. началась экспериментальная отработка многих из намеченных ранее преобразований. Так, в семи отраслях, где прежде доминировала государственная собственность, начинается эксперимент по развитию смешанной экономики за счет привлечения негосударственных инвестиций. Это электроэнергетика, связь, военная, нефтяная, газовая промышленность, железнодорожный и авиационный транспорт. Предполагается, что после эксперимента в течение первого полугодия во второй половине года начнется поступательное продвижение реформы. В экспериментальном порядке на небольшом числе предприятий будут отрабатываться и многие другие новации — выборы правления, создание инвестиционных компаний при предприятиях и т. п.

Между тем среди специалистов по китайской экономике, в том числе в Гонконге, хорошо осведомленном о делах на континенте, бытует мнение, что реформа идет ни шатко ни валко, а на ряде важных

направлений ее первичный позитивный импульс уже в значительной мере выхолощен. При этом утверждается, что проволочка с реформами является для властей предметом существенно большего беспокойства, чем признаки возможной «жесткой посадки» экономики. Факт достаточно медленного продвижения реформ в экономике и финансовой сфере нередко признают и китайские эксперты, объясняя это обстоятельство сложностью преобразований. Логика здесь такова: то, что было относительно легко реформировать, уже давно реформировано, а на нынешнем этапе дело, образно говоря, дошло до «твердых костей» и «глубокой воды». Такого рода объяснения вполне резонны. Однако только этим обстоятельством причины и факторы неспешного проведения реформ не исчерпываются.

На наш взгляд, первостепенную роль играет сама по себе масштабность намеченных преобразований. В Решении ЦК КПК от 12 ноября 2013 г. конкретно названы 60 направлений реформы, охватывающих не только экономику и финансы, но и реорганизацию вооруженных сил (началась с января 2016 г.), создание «экологической цивилизации», совершенствование системы социального обеспечения, культуры, улучшение общественного порядка, политической системы государства. Да и перечень отдельно взятых реформ в экономике и финансах весьма внушителен.

Так, задачи совершенствования «основного экономического строя» включают развитие смешанных форм собственности, создание системы защиты имущественных прав, продвижение создания системы современных предприятий, повышение финансовой отдачи от государственных капиталовложений, поддержку здорового развития негосударственных секторов. Фактически каждую из этих конкретных задач в Китае уже пробовали решать ранее (например, о создании системы современных предприятий впервые заговорили еще в 1992 г.), а теперь их хотят решить в комплексе и на протяжении одного временного этапа.

Не менее сложный характер носит задача совершенствования современной системы рынка, охватывающая дальнейшее углубление реформы цен, создание единого для города и деревни рынка земли, рынка научно-технических достижений и т. д.

Задуманная реформа финансово-налоговой системы выглядит более конкретной. Акцент делается на совершенствовании системы местных налогов и повышении доли прямых налогов. В числе реформируемых — налоги на добавленную стоимость, акцизы, индивидуальный подоходный налог, налог на ресурсы. Сборы на защиту окру-

жающей среды предстоит преобразовать в налог. Одним словом, программа реформ выгладит рассчитанной не на годы, а, как минимум, на все десятилетие «штатного» пребывания Си Цзиньпина у власти, то есть до 2023 г.

Заметную роль в притормаживании реформ играет объективное противоречие между задачами совершенствования хозяйственного механизма и необходимостью обеспечения экономического роста. Распределение ресурсов через рыночные механизмы, являющиеся стержнем всей нынешней реформы, требует создания разветвленной системы поддерживающих общественных и управленческих институтов, постепенного формирования многочисленного отряда кадров управленцев, пропитанного соответствующей идеологией. Пока же многие руководители предпочитают по-прежнему опираться на более привычные административные рычаги, особенно для обеспечения желаемых темпов роста.

Известный китайский экономист-«рыночник» У Цзинлянь справедливо отметил нередкую рассогласованность основных документов по тем или иным направлениям преобразований и правил их применения, разрабатываемых в нижестоящих звеньях административного аппарата. Как минимум, это говорит о недостаточной компетенции или нехватке опыта у части кадров, занимающихся претворением преобразований на практике. Это более чем вероятно с учетом той беспрецедентной по охвату перетасовки кадров, которая была инициирована Си Цзиньпином фактически сразу же после прихода к власти. Кадровая чехарда, помимо прочего, порождает боязнь совершить ошибку, принимая важные решения, и сама по себе становится одним из рисков в процессе реформ.

Довольно часто одним из весомых факторов торможения реформ в китайской экономической литературе называют противодействие тем или иным преобразованиям со стороны групп интересов. Считается, что в годы правления Ху Цзиньтао—Вэнь Цзябао именно этот фактор встал на пути реализации программы реформ, обнародованной в конце 2003 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва. В истории китайских реформ можно вспомнить случай с Пекинским металлургическим комбинатом «Шоуду», где при поддержке «сверху» до последнего отстаивали подряд на прибыль как основную форму хозяйствования для госпредприятий, противодействуя внедрению альтернативных вариантов управления в госсекторе.

Конкретные примеры продавливания тех или иных решений или противодействия назревшим новациям из жизни современного Китая

назвать сложно, но некоторые признаки такого рода действий просматриваются. Явно в привилегированном положении до недавнего времени находилась нефтяная отрасль и все крупнейшие нефтяные комплексы Китая — вряд ли случайно большое число коррупционеров выявлено именно в этой сфере. Действиями региональных лоббистов можно отчасти объяснить продолжавшийся рост добычи угля в стране, несмотря на неоднократные решения центра о ее сокращении. Хотя репортажи о межпровинциальных «торговых войнах» за рынки сбыта ушли с первых полос китайских СМИ, административные барьеры на пути формирования единого общенационального рынка товаров, услуг, факторов производства устранены пока далеко не полностью. Наиболее сложными объектами для реформирования остаются рынок землепользования и рынок труда.

Здесь сказывается укоренение в стране некоторых идеологических шаблонов и клише. Наверное, введение частной собственности на землю не решило бы всех сложных проблем землепользования в Китае. Но оно, как минимум, дало бы крестьянам мощный правовой инструмент защиты от беспардонного изъятия их земельных участков строителями недвижимости. Однако власти на это не идут как по прагматическим, так и по идеологическим соображениям, продолжая 35 лет спустя после внедрения «семейного подряда» призывать к укреплению коллективной собственности на землю на селе. Сейчас идеологические риски не выглядят особенно острыми, однако проблема несправедливого изъятия крестьянских земель несет в себе заметный потенциал дестабилизации социальной обстановки, оставаясь одной из ведущих причин протестных действий населения в Китае.

Наконец, есть основание говорить и о таком постоянно действующем факторе притормаживания реформ, как имманентно присущее китайской модели развития противоречие между преимущественно рыночным характером функционирования экономики и политической системой ленинского типа, построенной на принципе доминирования де-факто единственной правящей партии. Здесь есть не только идеологический, но и технологический контекст: нередко сугубо хозяйственные решения вынужденно дублируются партийными решениями. Характерный пример: в сентябре 2015 г. за решением об углублении реформы на госпредприятиях последовало решение об укреплении партийного руководства реформой на госпредприятиях. Пока в Китае пытаются устранять противоречия между политикой и экономикой через повсеместное совмещение постов административных и партийных руководителей ведомств, организаций, предпри-

ятий. Какой-либо рациональной и естественной формулы разделения деловых и партийных полномочий еще не найдено.

На проведенной 17 февраля 2016 г. пресс-конференции Комитета по делам развития и реформ Госсовета КНР утверждалось, что комплексная реформа в период после 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва продвигается достаточно успешно. Часть намеченного уже выполнена, по части преобразований подготовлены проекты, на некоторых направлениях начаты эксперименты. На сессии ВСНП (март 2016 г.) было объявлено о ряде конкретных новшеств в сфере реформ. За счет снижения или отказа от сборов в различные правительственные фонды (например, фонд строительства гидросооружений) предприятия страны суммарно снизят свои затраты на 500 млрд юаней. Будет продолжена реформа налогов на добавленную стоимость и на хозяйственную деятельность. Значение последнего момента определяется тем обстоятельством, что ныне в Китае сборы налогов в сфере услуг растут гораздо быстрее, чем в промышленности и строительстве.

По мере углубления и расширения диапазона реформы могут выявиться новые противоречия и риски, связанные с ее проведением.

Вместо заключения

В 2016 г., открывшем выполнение 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития Китайской Народной Республики, работа в стране по корректировке прежней «инвестиционно-экспортной модели» экономического роста продолжилась.

ВВП Китая вырос на 6,7 % и составил 74,4 трлн юаней, т. е. более 10 трлн ам. долл. По оценке известного китайского ученого-экономиста Ху Аньгана, ВВП КНР в 2016 г. в 4,22 раза превысил ее ВВП в 2000 г. Таким образом, намечавшееся на 2020 г. увеличение ВВП страны в 4 раза по сравнению с началом столетия достигнуто на четыре года раньше срока. Не менее важны и постепенные качественные сдвиги в структуре народного хозяйства. В 2016 г. доля I подразделения в ВВП снизилась до 8,6 % по сравнению с 9 % в 2015 г., а доля II подразделения — до 39,8 % против 40,5 % годом ранее. В то же время доля III подразделения общественного воспроизводства (сфера услуг) выросла с 50,5 % до 51,6 % в 2016 г. Прирост общественного розничного товарооборота составил 10,4 % и превысил прирост инвестиций в основные фонды (8,1 %). В рамках сокращения избыточных производственных мощностей на 9,4 % снижена добыча угля. Вместе с тем ситуацию с падением внешнеторгового товарооборота переломить не удалось. Объем внешней торговли Китая товарами в 2016 г. сократился в юаневом выражении на 0,9 % по сравнению с 2015 г. при снижении экспорта на 2 % и росте импорта на 0,6 %. В связи с продолжившейся девальвацией юаня показатели торговли в долларовом выражении оказались несколько хуже. Так, товарооборот Китая упал на 6,8 % и составил 3684,9 млрд долл. при сокращении экспорта на 7,7 % — до 2097,4 млрд долл. — и импорта на 5,5 % — до 1587,5 млрд долл.

Экономическое развитие Шэньчжэня в 2016 г. в общем и целом вписывалось в общекитайские тенденции, но одновременно имело и свою специфику.

ВРП города вырос на 9 % и составил 1942,26 млрд юаней. Прирост в Шэньчжэне превысил общекитайские темпы на 2,3 процент-

ных пункта, а прирост ВРП провинции Гуандун — на 1,5 процентных пункта. Доли II и III подразделений общественного воспроизводства составили 39,5 % и 60,5 % по сравнению с, соответственно, 41,2 и 58,8 % в 2015 г. Благодаря скачку на 61,5 % прироста частных инвестиций, общие инвестиции в Шэньчжэне в 2016 г. выросли на 23,6 %. Это наивысший прирост с 1994 г. и намного выше роста по стране в целом. Общественный розничный товарооборот увеличился на 8,1 %.

Несмотря на сохранение лидерства среди городов Китая, внешне-торговый товарооборот Шэньчжэня вновь, уже третий год подряд, снизился. В долларовом выражении он упал на 9,9 % и составил 398,34 млрд долл. Экспорт упал на 10,1 % — до 237,44 млрд долл., а импорт — на 9,8 %, до 160,91 млрд долл.

В 13-й пятилетке намечено довести ВРП Шэньчжэня до 2,6 трлн юаней, а долю расходов на НИОКР — до 4,25 % ВРП. Число имеющих регистрацию жителей предполагается увеличить в 2020 г. до 5,5 млн человек при планируемой величине постоянного населения города в 14,8 млн человек. Главный же ориентир Шэньчжэня в текущем пятилетии состоит в том, чтобы сохранить и укрепить свою роль как первопроходца реформ и общегосударственного авангарда в деле инновационного развития, в полной мере выявить уже обретенный им статус мощного международного центра самых современных видов перерабатывающей промышленности и услуг.

Так что наблюдение за экономической и социальной жизнью Шэньчжэня обещает и далее быть весьма познавательным и во многом поучительным.

**АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ВЕРСИИ
РЯДА ГЛАВ МОНОГРАФИИ**

**TRANSFORMATION OF THE ECONOMIC
GROWTH MODEL IN THE PEOPLE'S REPUBLIC
OF CHINA**

The steady decline in the growth rates of China's gross domestic product (GDP) in recent years (10.6 % in 2010, 9.5 % in 2011, 7.7 % in 2012, and 7.7 % in 2013¹) accentuates forcefully the need for appropriate adjustment of the country's existing economic growth model.

Put in the perspective of political economy, the “economic growth model” is a compound concept covering growth rates and type of economic growth (extensive or intensive), contributing basic factors, structure (broken down into domestic production sectors and industries), and quality of growth, such as the input-output ratio and environment friendliness of the processes in which GDP is produced for the needs of, and used by, society.

A country's economic growth model is a major component of its economic development model. Significantly more shallow in content and simpler in composition, the economic growth model does not replace or substitute for the economic development model. The “economic growth model” and the “economic development model”² are not synonymous in any way; rather, they are a part and a whole that are, as a rule, studied independently from each other³.

I

Fine-tuning the existing economic growth model is nothing new in China. The country's economic history is dotted with attempts to make a “big” or “small” leap in growth rates. Their disastrous consequences were time and again put right by “fixing” the unbalanced economic proportions, primarily between saving and spending and between different industries (years back, it was most frequently proportions between farming and light and heavy manufacturing). In the 1950s through the 1980s, growth was restrained primarily by the shortage of resources, while the country's ample labor pool appeared inexhaustible. The possibility of environmental pollution was dismissed for a while as an inconsequential side effect of economic growth.

China's leaders first spoke about the need for transforming the country's economic growth model away from extensive to, for the most part, intensive factors driving the economy forward at the turn of the 1980s and 1990s. They were forced, in no small way, to raise the transformation issue by the behavior of the international environment that turned unfriendly for China's development in the wake of the Tiananmen incident in summer 1989. The sudden plunge of foreign investments that had been flowing in before the incident and a short-lived surge in anti-market moods among the ruling elite led to a fall in GDP growth rates to their lowest levels ever during the reform drive to 4.1 % in 1989 and 3.8 % in 1990⁴. The idea of greater accent being put on efficient and intensive exploitation of domestic growth forces looked natural enough for the average GDP growth rate to be set at a reasonably modest target of 6 % in the five years 1991 to 1995, well below what China had been registering. After more radical market reforms had been launched in China, as Deng Xiaoping pushed for and had his way in early 1992, China got more fund injections from within and without sufficient to put off the idea of tinkering with the long-set growth model for years.

China turned back to pick it up again in response to the Asian financial crisis that struck in 1998 and was followed immediately in 1999 by the hardest phase of reform at state-owned enterprises when large numbers of factory and office workers were made redundant. In the late 1990s and early 2000s, during the premiership of Zhu Rongji, China's economic growth rates slowed down again from the previous period (*see*: Table 1).

Table 1. GDP Growth in China, 1992–2002

Year	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Growth	14.2	14.0	13.1	10.9	10.0	9.3	7.8	7.6	8.4	8.3	9.1

Source: Statistics in Brief China 2013 (in Chinese), Beijing, 2013. P. 25.

Regardless the domestic and international setting that was anything but easy, the desire to sustain tolerable development rates and find ways to ease off rising social tensions drove China's leaders to literally "scrape the barrel", drawing on whatever growth potential still untapped at home. Their efforts paid off in an improved ratio of saving to spending and, as a direct consequence, in summarized statistics (see: Table 2).

What catches the eye first is the share of spending at the user end in GDP rising to over 60 % in 1999 to 2001, 2 to 3 percentage points above its showing in the years of fast-paced reforms in 1993 through 1996. Second, the savings ratio fell off to acceptable levels (the lowest level of 35.3 % was touched in 2000). An optimal level has never been reached, by China's measure, in either spending or saving; it is reassuring, though, that the balance between the two has tilted toward the spending side, which is an indication of real shifts occurring in the economic growth model over that period.

Table 2. Use of the Gross Domestic Product in China in 1992 through 2002 (in %)

Name	End user spending	Capitalization	Net exports of goods and services
1992	62.4	36.6	1.0
1993	59.3	42.6	-1.9
1994	58.2	40.5	1.3
1995	58.1	40.3	1.6
1996	59.2	38.8	2.0
1997	59.0	36.7	4.3
1998	59.6	36.2	4.2
1999	61.1	36.2	2.7
2000	62.3	35.3	2.4
2001	61.4	36.5	2.1
2002	59.6	37.8	2.6

Source: Statistics in Brief China 2013 (in Chinese), Beijing, 2013. P. 35.

This favorable trend did not, however, hold under China's fourth-generation leaders, Hu Jintao and Wen Jiabao. Rather, their term in office in 2003 through 2012 was generally marked by a high savings ratio that held

on at an abnormally elevated level and by an uncommonly low level of end user spending in China's GDP. The high growth rates maintained in that period came at a cost of severe disproportions in the country's economy (see: Table 3).

Table 3. Annual Growth Rates and Structure of GDP Use in China in 2003 to 2012

Name	GDP	End user spending	Capitalization	Net exports of goods and services
	Growth, %	Share, %	Share, %	Share, %
2003	10.0	56.9	41.0	2.1
2004	10.1	54.4	43.0	2.6
2005	11.3	53.0	41.5	5.5
2006	12.7	50.8	41.7	7.5
2007	14.2	49.6	41.6	8.8
2008	9.6	48.6	43.7	7.7
2009	9.2	48.5	47.2	4.3
2010	10.4	48.2	48.1	3.7
2011	9.3	49.1	48.3	2.6
2012	7.8	49.1	48.1	2.7

Source: Statistics in Brief China 2013 (in Chinese), Beijing, 2013. P. 25 and 35.

After Xi Jinping came into office, his predecessors' economic policies came under implicit criticism in China for their obsession with scoring points in growth rate boosting to the neglect of comprehensive development and for what actually amounted to delay in going about brewing reforms. We must say, without going into the finer details of this issue, that, on the bottom line, the economic policy Hu Jintao and Wen Jiabao persisted in following produced mixed results. Their assurances that they were aware of the pressing need for transformation of the country's economic growth model and the thorough designation of goals of reform and the methods to achieve them (elaborated, for example, in the Program for China's Economic and Social Development in the 12th Five-Year Period (2011–2015) and in the Program for Science and Engineering Development in 2006 to 2020) were not put fully into life.

Several reasons appear to be behind this failure. China's admission to the World Trade Organization opened the floodgates wide open for many Chinese industries plagued by redundant capacities to put their products on many markets previously out of reach for them. China's commercial expansion on the world market, evidenced indirectly by the surprisingly large share of net exports in GDP (7.5 % in 2006, 8.8 % in 2007, and 7.7 % in 2008), placed the country among the global merchandizing leaders and left unsteadied the precarious tilt of all factors behind economic growth toward export.

The pursuit of high growth rates was spurred on by the strategy for the country's long-term economic development passed in the early 2000s. Its foremost objectives are a moderate prosperity to be achieved by 2020 and the wowing figures it gives — quadrupling China's GDP in 20 years. A share of the blame for preoccupation with growth fever was carried by programs for China's Western Development Plan and reinvigoration of manufacturing in its Northeast. Today, after the event, it may be argued safely that neither was up to the task the regional elites expected them to fulfill. Rather, the programs played up to the elites instead of holding them off, or at least restraining them.

China's greater dependence on the world economy now that it was deeply involved in globalization was another reason. Chinese analysts say that Hu Jintao and Wen Jiabao were compelled to reformat the original concept of their economic policy already in their first year at the wheel⁵. It was not only because of the SARS (severe acute respiratory syndrome) epidemic that forced them into unbudgeted heavy expenses. Actually, it was also the severe downturn of the world economy, triggered by significant oil price hikes following the invasion of Iraq by the U.S., that hit China as well. Rather than pushing ahead hard with reforms as planned, China was confronted with the task of maintaining the growth rates achieved and the economy steady as it was at the time.

The large package of measures designed to stimulate economic growth to resist the world economic crisis in 2008 and 2009 was successful in keeping up high GDP growth rates (9.6 % and 9.2 %, respectively), but it had a downside as well — the savings ratio leapt up to a higher level, from the annual average 41.6 % in 2005 through 2007 to 43.7 % in 2008, 47.2 % in 2009, and above 48 % in 2010 to 2012. The leap signaled that the tilt of growth factors toward investment did not straighten up — quite the opposite, it dipped further down.

To all appearances, though, investments injected in amounts so huge are of little benefit for sustaining the desired economic growth rates. After

China's GDP had been clocking two-digit growth rates for six out of the ten years Hu Jintao and Wen Jiabao were on watch, the country had been on a steep slide, its GDP having dropped to 7.8 % (downgraded to 7.7 % on final count) in 2012 and 7.7 % in 2013.

Still worse to come, the estimate made by the International Monetary Fund in July 2013, without allowance for adjustments in the current economic growth model leaning heavily on exports and investment in infrastructure, predicts that China's GDP growth rate may drop to 4 % already in the years following 2018⁶, with an unfavorable effect on projected long-term development goals and social stability in the country.

The latest U-turn China has made to begin modification of the existing economic growth model in practice is, in the first place, an attempt to find a way to sustain the GDP growth rate at a tolerable level.

II

The current Chinese leaders' vision of how the economic growth model can be replaced is spelled out in reasonable detail in many official documents, forecasts from academics, and in the leaders' public appearances in recent years. The program for China's economic and social development in the five years 2011 to 2015 passed on March 14, 2011, calls this stretch "a critical period for accelerating transformation of the economic development mode." The program assigns a leading role in growth model fixing to "strategic adjustment" of the industrial structure, through, the program makes a special point, "formation of a mechanism to expand domestic demand and accelerated development of new strategic industries and services." The program assigned "a vital supporting function" to progress in science and engineering and to innovations, and proclaimed "sustainment and improvement of the life of the population", by tradition, "the starting and finishing lines" for replacing the economic development mode. It outlined specific measures to improve the structure of the country's economy, enhance its social returns, and lower its input-output ratio. In particular, the value added in the services as a share of the country's GDP over the next five years is to go up by 4 percentage points, the urbanization ratio is to rise by 4 percentage points as well, the input of water per unit of value added in manufacturing is to be slashed by 30 %, electric power unit to a GDP unit produced cut by 16 %, and the disposable incomes of town and country dwellers per capita on average are to increase by at least 7 % a year⁷.

In the conceptual sense, the challenges of transition to a new economic growth model were given a thorough treatment in the elaborate report "China 2030: Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income

Society” prepared jointly by the World Bank and the Development Research Center of the State Council, the People’s Republic of China, and first presented at a conference called to discuss the subject in Beijing in November 2011⁸. The report takes up six basic objectives China must achieve to keep up its successive growth — undertaking structural reforms to reinforce the market groundwork of the country’s economy, establishing an innovation system open to all comers, speeding up the expansion of the “green economy”, developing a social security system of guarantees to all segments of the population, fortifying the financial system, and promoting cooperation with the world economy.

The path to every one of these objectives is strewn with major obstacles. For example, the report estimates put the damage caused by degradation of the environment in China at 9 % of GDP. The country’s outlays on education were a modest 3.7 % of GDP, compared to 5.4 % in OECD countries, and less than a third of that — 4.7 % against 15.2 % — on social security. This string of comparisons could be continued effortlessly.

The report writers believe that consistent efforts all across the board must make cuts in the share of savings in GDP and push up that of spending to significantly more rational levels from where they are today (*see*: Table 4).

Table 4. Forecast for Savings and Spending in China’s GDP

Period	1995—2010	2011—2015	2016—2020	2021—2025	2026—2030
Share of capital formation in GDP at period end, in percent	46.4	42	38	36	34
Share of spending in GDP at period end, in percent	48.6	56	60	62	66

Source: China 2030: Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society.

The World Bank and Development Research Center of the State Council, the People’s Republic of China, Washington, 2012. P. 89.

Whatever it may, though, the forecast is yet another reminder that transformation of the economic growth model in China will not happen overnight or be simple and easy.

The fifth generation of Communist Party and state leaders who were brought to office at the 18th National Congress of the China’s ruling party in November 2012 and at the first session of the 12th National People’s

Congress (NPC) in March 2014 embraced, for the most part, the task of changing the economic growth model in the country they inherited from their predecessors, and set out to find and put on the table their own approaches to fulfilling it.

Very symptomatic in this respect was the report by Li Keqiang, Premier of China's State Council, addressed to the delegates of the 16th National Congress of the All-China Federation of Trade Unions on October 21, 2013. The report offered new or unorthodox interpretations of several outstanding problems in China's economic development, giving foreign media a cause to pick up the term "Likonomics" (economic policy Li Keqiang style), first used by economists at the Barclays Investment Bank in June 2013.

The premier took an untraditional approach to the problem of economic growth rates in China. He put variations of the annual GDP growth in the country in the range between the upper and lower levels ("between the ceiling and floor", as he said). He ventured to name the spread between 7 % and 7.5 % as the minimum acceptable growth rate that can alone, Li Keqiang said, guarantee at least 10 million new job openings to be filled every year in China — the need to stay within that spread will continue in the near term, at least because of the runaway growth of the urbanization rate.

The ceiling of the annual GDP growth in China is actually set very near to 7.5 % primarily to keep consumer prices from growing at above 3.5 % and to cushion the impact of rising prices on the quality of life for the population, particularly its poorest segments (some 50 million in the countryside and 20 million in cities who subsist on welfare benefits). This average annual GDP growth rate, Li Keqiang says, is ranked for China somewhere between low and high (unlike it was in double digits, way above 10 %, previously), that is still high by world standards. High or low, it is well enough, even after the growth rates took a dip, for China to achieve a "minor prosperity" level by 2020 and afford to turn to cleaning up the structural mess in its economy, shedding redundant capacity, primarily in heavy industries, encouraging electric power saving, scrubbing its environment to higher standards, and improving the quality of growth in general⁹.

Beginning in the middle of 2013, the media in China started playing the taps for "the times of eight-percent growth"¹⁰ that looked like they were over for the country forever, and trumpeting the need for maintaining a "rational growth", managing "a balance of [growth] rates and quality", and avoiding rates "that give pain in the bones."¹¹

In the long term, the package of measures framed in the "CPC Central Committee's Resolution on Selected Key Aspects of Comprehensive

Reform” passed at the Third Plenary Session of the 18th CPC Central Committee on November 12, 2013 must become a detailed roadmap to guide transformation of China's economic growth model. In particular, more liberal investments by enterprises owned by private interests, reform of the grassroots distribution system, and improvement in the income distribution system encouraged in the Resolution as a way to narrow the income gaps between regions and industries will have a direct effect on modification of the growth model. Ultimately, the Resolution reads (Paragraph 44), China must have a “rugby ball” income architectonics — a small proportion of very high and very low income earners at the opposite ends of the earnings scale, with, by society's measure, the largest body of medium-income earners in between. A balanced and diversified social security system will be established to have a key part in implementing the social equality principle and stimulating spending (by reducing the share of funds saved)¹².

The overall picture is, as it appears to this author, that the Chinese leaders now in the saddle imagine transformation of the country's economic growth model as a strictly gradual, drawn-out process that can balance out the tilts, even if slowly, leaving intact most of the obviously competitive advantages of the existing model and its high growth rates by world standards. Interestingly, unlike foreign experts who, in their great majority, discuss China's changeover from an investment-heavy or export-oriented growth model to reliance on domestic consumer demand as the basic growth factor, in China itself the focus it frequently turned elsewhere, not so straightforward or unambiguously. *Liaowang* journal, China's leading political weekly, drew a parallel between the country's economy and a three-wheel car, each wheel — spending, investment, or sale on the world market — being just as important as the next one. Spending now plays the basic role, and will have a bigger part in the future. Today, in the current phase of industrialization and urbanization, though, the key role in sustaining economic growth is played by investments. In turn, demand on the world market helps stabilize employment and make redundant manufacturing capacities worth their while. Export, for example, is a major prop that cannot be pulled out without first giving this possibility much thought¹³. As an illustration of the “prop” idea, Premier Li Keqiang said in his address at the trade unions congress that 30 million people are employed directly in moving goods out of the country to world markets and another 70 million hold jobs in industries producing goods for export. Speaking at the second session of the 12th NPC about the government's performance, he used, almost word for word, the

Liaowang's metaphor about the basic role of spending and key role of investing¹⁴.

III

Understandably, the principal conceptual perceptions of transformation of the economic growth have many details added to them by the Chinese academic community and are modified, more or less, as they are passed on to producers to be given a practical edge, there and then.

The country's GDP growth *rates* in the near, medium, and long terms are invariably still at the center of debate in the academic community and in the higher-up.

There is a consensus of academic opinion that China will have to adapt throughout to shift from high growth rates to gradual rate slipping. Liu Shucheng, a leading Chinese economist, believes that rate reductions will proceed consecutively through several phases. Today, China is moving from "high growth rates" to "medium-high", to be followed by "medium", "medium-low", and "low" growth rates. He also suggests that annual GDP growth rate within the range of 7.5 % to 9 % will be a "rational" option in the next several years¹⁵.

The macroeconomic policy was pushed previously to every extreme to keep up the economic growth rate at the highest possible level, while lately it has made a turnabout to prevent the growth rate from falling below a specified bottom level. The economic situation in the early half of 2013 was an indication that the threat of growth rate going down through the floor was very real, under a significant downward pressure of forces contributing to growth rate decline. The slowdown of GDP growth drained the revenue flow into the central government budget and also sent rumors floating around the world about a "hard landing", and even "collapse" of China's economy, forcing the country's leaders to move in to "stabilize growth, reconfigure the structure of its economy, and give a shove to reforms." The first-priority measures were aimed at speeding up construction of railroads, tearing down the most disgusting urban slums, encouraging energy conservation and environmental protection, and consumption of information products and services, and at developing urban infrastructure and a network of services for the aged. Already in July and August 2013, the situation started on the way back to norm, and GDP climbed up from 7.5 % in the second quarter to 7.8 % in the third quarter¹⁶.

Liu Shucheng thinks that commitment of the development potential in full to close the "two gaps" gaping wide in China today is the primary reserve to draw upon for the country to maintain the desired growth rates. The

first gap is between the average incomes per capita from region to region. As it is narrowed down gradually it frees up much ground for economic growth in the future.

The second gap is between town and country. Actually, urbanization in China reached 52.5 % in 2012, and yet 35 % of the country's population only are registered permanently in cities. The scholar believes that a general rise in the urbanization percentage and particularly its quality, such as cure of numerous "urban ills" and resolution of rural migrants' housing and social problems, will facilitate transformation of the model, maintenance of reasonable growth rates, and increase in spending and investment, all at a time¹⁷.

Different groups of Chinese scholars now give approximately similar forecasts for growth rates of the country's economy in the medium and long terms. In their latest Economic Blue Book issued in 2014, economists at China's Academy of Social Sciences put the average GDP growth rate in the five years 2011 to 2015 at between 7.8 % and 8.7 %, 5.7 % to 6.6 % in the period 2016 to 2020, and 5.4 % and 6.3 % in the decade from 2021 to 2030¹⁸. The forecast made by scholars under Liu Shijin at the Development Research Center of China's State Council for the period 2014 to 2023 predicts a gradual slide of the country's GDP growth rates from 7.5 % in 2014 to 6.9 % in 2016, 6.3 % in 2020, 5.8 % in 2021, and down to 5.5 % in 2023¹⁹.

Domestic *demand* is given preference, among a few other growth drivers, to lead the way in transformation of China's economic growth model. Speaking at the Second Session of the 12th National People's Congress, Li Keqiang called for a thorough appraisal to be made of the enormous consumer potential of the country's population and reeled off many measures that could facilitate this task. His must-do list contained increasing personal incomes and encouraging spending on information delivery and purchase of services, such as healthcare, travel, and culture. On *Liaowang* weekly's estimates, China is set to turn into the world's biggest consumer market capable of retailing up to 30 trillion yuan of merchandise in 2015 (from 23.78 trillion yuan in 2013)²⁰, and between 50 trillion and 60 trillion yuan in 2020. Also, \$4 trillion is to come from exports (a huge gain on \$2.21 trillion in 2013) and three times as much as GDP turning over in the valuables market²¹. These figures will probably be revised, but we have to accept the fact that experts with connections in the country's government prophesy a consistently expanding share of spending in GDP. For one example, the Development Research Center of China's State Council predicted in its forecast for 2014 to 2023 made public in April 2014 that the share of spending in GDP is to

rise from 49.6 % in 2014 to 52.6 % in 2017, 58.2 % in 2021, and on to 61.2 % in 2023²².

For the moment, though, the argument that domestic demand and consumption will play a dominant role in future economic growth does not draw overwhelming support. Taken to its extreme, the opposite view is that the idea of switching accents in economic growth to consumption has originated in the West to slow down growth of China's economy²³. More persuasive reservations and objections are voiced as well. One comes from Niu Li, an expert at the State Information Center, who says consumption plays a basic role because it is the user-end demand, and it can neither grow nor fall significantly over a short time period. Hence, consumption makes economic growth stable and inelastic. On the contrary, investments are a mid-way demand and are hard to dispense with in planning and activating many "growth points" in the economy²⁴.

The population's real effective demand and its potential are issues that are still largely unclear. The immense amount of money China's citizens have on deposit with banks (39.95 trillion yuan compared to 51.93 trillion yuan in GDP), the income structure of town and country dwellers, and the relative shortage of durables such as cars (21.5 cars per 100 households in cities, no statistics available for the countryside) may suggest the conclusion that there is a massive reserve to be drawn upon to push up consumption in the country²⁵. It is hardly, though, that things are really as they may appear. Actually, income distribution surveys done in China indicate that a half of the country's households have no deposits parked in banks and spend their earnings to meet their daily needs only²⁶.

Besides, many scholars question the accuracy of income and spending statistics. Wang Xiaolu, National Economic Research Institute, came up with an estimate of the aggregate disposable income spent on consumption (including construction of homes for personal funds) and savings that was somewhere between 22.1 and 22.6 trillion yuan in 2008, while statistics based on selective surveys of household (family) incomes worked out at 13 trillion yuan only²⁷. The difference is most probably accounted for by the enormous "gray incomes" that, as Wang Xiaolu shows in another paper of his, are concentrated in China mostly in population groups drawing the largest official salaries. For example, 10 % of town dwellers who are paid the heftiest official salaries pocketed 62.5 % of all "gray incomes" in 2008 and 20 % of urbanites subsisting on the smallest incomes were paid a mere 0.4 % of the total "gray incomes"²⁸. The obvious conclusion following from these statistics is that the "reserve margin" for boosting consumer demand

in China is not as wide as it is customarily believed and as it looks at first glance.

Increase in the share of spending and proportional reduction of the *savings ratio* in gross domestic product available for distribution are central to transformation of the economic growth model, from beginning to end. It is logical for the Development Research Center of China's State Council to predict decline of the savings ratio from 47.6 % in 2013 to 44.6 % in 2017, 40.7 % in 2020, 39.0 % in 2021, and to 36.0 % in 2023²⁹.

It is also acknowledged widely in China that investments take a long time to pay off, particularly in the face of tough resistance from regional elites to any attempts to take them off their investment binge. It is fairly typical for statements to be heard all around about the need to shift the balance between investments and spending gradually, a bit at a time, as growth and reforms forge ahead in years to come, with focus on a higher efficiency of investments³⁰.

Zhao Xiaolei, director of the Institute of Economics and Finance, Shanghai University of Finance and Economics, holds that spending cannot lead economic growth in theory. Capital formation and investments are the principal source and engine of economic growth. The other factors of production — rising productivity gains and progress in science and engineering — materialize through capital spending. The biggest problem, Zhao Xiaolei believes, is not the purported lack of balance between saving and spending; rather, it is no balance existing at all between title and liability in the investment policies and practices of local governments. Neither is subject to regulation by market mechanisms, and investments often turn into a wasted asset. Even worse, no one is held liable financially for investment returns. This is where reformers must step in³¹.

As it appears to this author, the fairly controversial situation that has developed over investment in China may persist for some more time. Measures taken to encourage the inflow of “people's” capital (funds poured in by individuals and businesses) into industries previously off limits for it contribute to a build-up of the volume of other than state-provided aggregate investments. And yet, the local governments doing a balancing trick at the debt cliff³², one of the most serious and urgent problems plaguing China's economy today, is forcing the government's hand to strike back with harsh measures to bring a sense of order to the investment industry.

Large-scale *export* of goods still is, as it has been for decades, a major contributor to the smooth operation of China's economy. It also is, unlike any other industry, a force propelling China into stronger positions in the world economy and, in fact, the world politics as well.

Speculations have been swirling around in the past few years that export does not play as significant a role in sustaining economic growth in China as does the ratio of bulk foreign trade to gross domestic product. They have been sparked, in part, by calls and suggestions that investments and export be abandoned in favor of domestic consumption. Many people have been misled by the relatively small share of net export in the country's GDP.

The truth, it seems, can be established by figuring out the share of export-bound goods in the total quantity of output produced in the country. It may tentatively be assumed to be equal to the yuan-denominated sum of retail sales, investments in fixed assets, and export across the world (*see*: Table 5).

Table 5. Volumes and Shares of Retail Trade, Investments, and Export in China's Economy (billions of yuan/percent)

Year	Retail trade	Outlays in fixed assets	Export	Total	Share		
					Retail trade	Outlays in fixed assets	Export
1981	235.0	96.1	36.8	367.9	63.9	26.1	10.0
1982	257.0	123.0	41.4	421.4	61.0	29.2	9.8
1983	284.9	143.0	43.8	471.7	60.4	30.3	9.3
1984	337.6	183.3	58.0	578.9	58.3	31.7	10.0
1985	430.5	254.3	80.9	765.7	56.2	33.2	10.6
1986	495.0	312.0	108.2	915.2	54.1	34.0	11.9
1987	582.0	379.2	147.0	1,108.2	52.5	34.2	13.3
1988	744.0	475.4	176.7	1,396.1	53.3	34.1	12.6
1989	810.0	441.0	195.6	1,446.6	56.0	30.5	13.5
1990	830.0	451.7	298.6	1,580.3	52.5	28.6	18.9
1991	941.5	559.4	382.7	1,883.6	50.0	29.7	20.3
1992	1,099.4	808.0	467.6	2,375.0	46.3	34.0	19.7
1993	1,427.0	1,307.2	528.5	3,262.7	43.7	40.1	16.2
1994	1,862.3	1,704.2	1,042.2	4,608.7	40.4	37.0	22.6
1995	2,361.4	2,001.9	1,245.2	5,608.5	42.1	35.7	22.2

End of Table 5

Year	Retail trade	Outlays in fixed assets	Export	Total	Share		
					Retail trade	Outlays in fixed assets	Export
1996	2,836.0	2,291.3	1,257.6	6,384.9	44.4	35.7	19.7
1997	3,125.3	2,494.1	1,516.0	7,135.4	43.8	35.0	21.2
1998	3,337.8	2,840.6	1,522.3	7,700.7	43.3	36.9	19.8
1999	3,564.8	2,985.5	1,616.0	8,166.3	43.6	36.6	19.8
2000	3,910.6	3,291.8	2,063.4	9,265.8	42.2	35.5	22.3
2001	4,305.5	3,721.4	2,202.4	10,229.3	42.1	36.4	21.5
2002	4,813.6	4,350.0	2,694.8	11,858.4	40.6	36.7	22.7
2003	5,251.6	5,556.7	3,628.8	14,437.1	36.4	38.5	25.1
2004	5,950.1	7,047.7	4,910.3	17,908.1	33.2	39.4	27.4
2005	6,835.3	8,877.4	6,264.8	21,977.5	31.1	40.4	28.5
2006	7,914.5	10,999.8	7,759.8	26,674.1	29.7	41.4	29.1
2007	9,357.2	13,732.4	9,368.7	32,452.3	28.8	42.3	28.9
2008	11,483.0	17,282.8	10,039.5	38,805.3	29.6	44.5	25.9
2009	13,267.8	22,459.9	8,203.0	43,930.7	30.2	51.1	18.7
2010	15,699.8	25,168.4	10,702.3	51,570.5	30.4	48.8	20.8
2011	18,391.8	30,239.6	12,324.1	60,955.5	30.2	49.6	20.2
2012	21,030.7	37,467.5	12,935.9	71,434.1	29.4	52.5	18.1
2013	23,781.0	44,707.4	13,719.4	82,207.8	28.9	54.4	16.7

Source: Compiled and calculated from: Statistics in Brief China 2013 (in Chinese), Beijing, 2013. P. 49 and 154; Renmin ribao, February 25, 2014; Haiguan tongji, # 12, 2013. P. 3.

A casual glance at the table shows that the share of export was quite small, between 9 % and 13 %, all through the 1980s when China first opened up to the world economy and slowly crept up from year to year. Back in that period, retail trade was the prime mover, with 50 % to 60 % of revenue it generated, leaving investments far behind with around 30 %. Over the 1990s, the share of exported goods in China's total manufacturing

output rose to 20 %, pushing retailing down to 45 %, with investment having its day with 35 %. That was the point in time when many Chinese economy researchers pinned down the 20-45-35 ratio as a near perfect option.

The benefits of being in the World Trade Organization gave China an opportunity to step into a golden age of export growth — between 2003 and 2008, the share of export in its economy edged up and down within the range of 25 % to 29 %. The share of investments, too, followed up with 40 % or over, as retailing went down gradually to 30 %. The heavy injections of investments into China's economy beginning in late 2008 jacked up the share of investments among the three industries studied to 50 % or over, depressing export to 20 %. In this author's judgment, it is in China's interest to stick at this figure.

Without a shadow of doubt, the country that glided up to tops among the world's leading exporters, having posted \$2.2 trillion in export revenue in 2013, does not look like about to cut down on exports. The proof of this is, among other affirmative signs, that the Free Trade Zone established in Shanghai has been designed to test and legislate China's closer links to the world market.

China's gathering export offensive, though, does not appear to be just as aggressive as it was in the 2000s. It will be dragged down by the overall slowdown of world trade growth rates and the steadfast determination of many countries to put up tougher resistance to Beijing's expanding exports. For these reasons, the forecast coming from the Development Research Center of the State Council for an almost 10 percent annual average growth in the country's exports in the next decade is overly optimistic³³.

Trimming redundant manufacturing capacity is one of the hardest, and most urgent, challenges to be met for streamlining the industrial structure. On October 15, 2013, the State Council published “Guidelines for Reducing Excessive Manufacturing Capacities” that named industries having capacity redundancies as the most critical. In late 2012, the cement industry operated at 72 % of its installed capacity, electrolytic aluminum was produced on 73.7 % of capacity available in the industry, capacity utilization was 71.9 % in windowpane manufacturing, 75 % in shipbuilding, and 73.1 % in steelmaking. In an outrageous example of redundancy, the steel industry had capacity to make 300 million tons in 2003 that jumped to almost a billion tons in 2012. The steel industry was ordered to reduce its overcapacity by 80 million tons within five years. It is easier said than done because of the desperate resistance of local authorities for whom steelmaking is frequently the only source of tax revenue. To illustrate, a steel

mill producing a million tons of steel a year pays 300 to 500 million yuan in taxes, as much as the total incomings of an average county³⁴.

Delinquency in following the government's resolutions on concentration of manufacturing capacities is yet another problem stemming from the same cause. By way of illustration, the five-year plan called for 90 % of aluminum making to be concentrated in the hands of ten biggest companies by 2015; for now, concentration is not yet 40 %³⁵.

Conjectures were offered in the Chinese press that the government would take further measures to put first the priorities of the state industrial policy, reorganization of industries, and shutdown of redundant capacities. Judging by reports in foreign media, though, the authorities are at times forced to restart plants already closed down so as to maintain financial and social stability in the provinces.

The hearings held at the session of the NPC Standing Committee on December 25, 2013 on the report of Xu Zhaoshi, Chairman of the State Council's Development and Reform Commission, on the headway of the Program for the 12th Five-Year Period ended on the consensus that "shifts set in motion within the structure of the economy as projected have slowed down, and the economic growth model relying on heavy investments has not changed much to talk about."³⁶

Development of new strategic industries — a goal of structural changes in the economy — depends significantly on efforts made to promote research in *science and engineering* and use its finding in all industries. Since 2006, when China's leaders announced plans for turning China gradually into an innovation-driven economy, the share of spending on research and development in GDP had grown by 50 %, to more than 2 % in 2013. Inputs per scholar involved in fundamental research had doubled. Breakthroughs, though, had been less remarkable than expected. In particular, the contribution of science and engineering to economic growth as the most reliable measure of innovation grew by 20 % only between 2005 and 2012, and the share of revenue earned from the sale of novel goods rose by 11.5 %³⁷.

Analysts in China hold that insufficient inputs into R&D in high-tech industries is one of the reasons for the slow growth of the role of science and engineering as a factor for the country's economic growth. Elsewhere in the world, at least 5 % of proceeds from the sales, more than 15 % in biology and medicine in the U.S., is plowed back into research and development projects, while spending on R&D is significantly lower in China — 2.18 % in transport equipment (including aviation and space research), 1.86 % in instrumentation, and 1.63 % in medical equipment. To our mind, too much practicality in spending on R&D is an obstacle, if we may say so, put in the

way of major breakthroughs produced in science and engineering — in 2012, for example, 83.9 % of total outlays in R&D went to experimental development projects, 11.3 % to applied research, and the remaining 4.8 % to fundamental research³⁸. China clearly needs a strategy going far over the horizon.

* * *

To sum up, transformation of the economic growth model in China is a large-scale, very difficult undertaking that will take at least all the upcoming decade. The attempts the country's leaders are making to sustain high growth rates to have tolerable employment figures and social stability, certainly inspired by China's global ambitions as well, have a slowdown effect on the switchover to a new growth model. They are attempts at low-key modifications of the ratio between the growth factors rather than cardinal breaks. Time will show if they will ever be upgraded to truly profound changes.

Notes

¹ *Zhongguo tongji zhaiyao 2014* [Statistics in Brief China 2014], Beijing, 2014, p. 23.

² To distinguish the differences between these categories, the author gives his own definition of “economic development model” that has already been provided in several publications: Placed in the context of political economy, the **development model** is a combination of specific characteristics of a country's socioeconomic environment bearing the imprint of its economic past and present (development level and the scale and structure of its economy), natural, labor, and financial resources, the development objectives pursued by the country's leaders in practice, and the extent and forms of cooperation between its national economy and the world economy. The principal components of the model are a strategy for socioeconomic development, economic growth type (extensive or intensive), a specific combination of growth factors, dominant characteristics of operation and economy evolution vector, social aspects of the economy (employment, scale of inequality in income distribution, and income averages and allocation structure, among others), specific interaction between the economy and political institutions, social ideology, and the country's major traditions (V.Ya. Portyakov, *Ekonomicheskaya reforma v Kitaye (1979—1999)* [Economic Reform in China (1979—1999)]”, the RAS IFES, Moscow, 2002, p. 128.

³ At times, though, no difference is made between these two categories as, for example, in *Ekonomicheskiy rost KNR. Izmeneniye modeli razvitiya (1993—2009)* [Economic Growth in China. Revision of the Development Model (1993—2009)] by

V.V. Laperdina, one of the few real standouts among home-ground publications devoted to economic growth in China, all other subjects apart, published by the RAS Institute for Economic Studies in 2011.

⁴ *Zhongguo tongji zhaiyao 2013* [Statistics in Brief China 2013], p. 22.

⁵ The forceful effect of events unfolding in China itself and in the world economy in 2003 on the formulation of economic policy by the fourth generations of Chinese leaders was examined in detail in primarily the lecture given by Professor Zhang Yansheng of the State Council's National Development and Reform Commission, on September 22, 2013, to the delegation of Russian experts attending the BRICS session.

⁶ See: Yuan Shimang, *Zhongguo zhizao de "yaofang"* [The "Drug" Produced in China], Xinhua Yuebao, Beijing, September 2013, Part 2, p. 33.

⁷ See: *Zhonghua renmin gongheguo guomin jingji he shehui fazhan di shier wunian guihua gangyao* [The 12th Five-Year Program for Economic and Social Development of the People's Republic of China], Beijing, 2011, pp. 1 and 6–11.

⁸ *China 2030: Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society*, Conference Edition, Washington, 2012, 468 pp.

⁹ Li Keqiang, "Address on China's Current Economy at the 16th National Congress of the All-China Federation of Trade Unions", *Beijing Review*, November 21, 2013, Supplement, pp. 1–4.

¹⁰ Ma Guangyuan, "China's Economy Leaves the 'Eight-Percent Growth' Age Behind", *China*, Beijing, No 8, 2013, p. 30. (In Russian).

¹¹ Wang Rengui, Shi Xisheng, Jiao Siyu, "Mingnian jingji chongzai 'ti zhi kong xian' [Next Year 'Quality Is to Be Enhanced and Risks Managed' Again]", *Liaowang*, Beijing, No 51, 2013, p. 12.

¹² *Zhonggong zhongyang guanyu quanmian shenhua gaige ruogan zhongda wenti de jueding* [CPC Central Committee Resolution on Selected Key Aspects of Comprehensive Deepening Reform], Beijing, 2013, 60 pp.

¹³ *Liaowang*, No 51, 2013, p. 12.

¹⁴ See: Li Keqiang, *Report on the Government's Performance*, March 5, 2014.

¹⁵ Liu Shucheng, "Zhongguo jingji zengzhang you gaosu zhuanru zhong gaosu [Economic Growth in China Goes Over from High to Medium-High Rates]", *Jingjixue dongtai*, Beijing, No 10, 2013, pp. 4–6.

¹⁶ *2014 nian Zhongguo jingji xingshi fenxi yu yuce* [Analysis of, and Forecast for, the Economic Situation in China in 2014], Beijing, 2014, pp. 64 and 56.

¹⁷ Liu Shucheng, *Op. cit.*, pp. 7–8.

¹⁸ *Analysis of, and Forecast for, the Economic Situation in China in 2014*, p. 5.

¹⁹ *Zhongguo jingji shinian zhanwang* [Forecast for China's Economic Growth in the Next Ten Years (2014—2023)], Beijing, 2014, p. 41.

²⁰ “Statistical Communiqué on the Economic and Social Development of the People's Republic of China in 2013”, *Renmin ribao*, February 25, 2014.

²¹ *Liaowang*, No 51, 2013, p. 13.

²² *Forecast for China's Economic Growth in the Next Ten Years*, p. 41.

²³ This viewpoint exactly was voiced by Wing Thye Woo, a celebrated scholar in economics, at the presentation of his book *A New Economic Growth Engine for China. Escaping the Middle-Income Trap by Not Doing More of the Same* published in Singapore in 2012, in Paris on September 4, 2012.

²⁴ *Liaowang*, No 51, 2013, p. 12.

²⁵ *Statistics in Brief China 2013*, pp. 10, 102, 105, and 110.

²⁶ This situation was overviewed in detail by Guo Jiannan (Southwestern University of Finance and Economics, Chengdu) in his address at the Round Table “The Focus of the World Economy Shifts to Asia — Challenges to China, Russia, and the EU” held in Moscow, Russia, by the Friedrich Ebert Foundation and the RAS Institute for Far Eastern Studies on June 6, 2014.

²⁷ Wang Xiaolu, *Huise shouru bei kuada le ma?* [Are Gray Incomes Exaggerated?], National Economic Research Institute, China Reform Foundation, 2011. URL: <http://www.neri.org.cn/document/201204164011375191.pdf>. Retrieved on June 11, 2014.

²⁸ *Quoted from: A New Economic Growth Engine for China...*, p. 22.

²⁹ *Forecast for China's Economic Growth in the Next Ten Years...*, p. 41.

³⁰ *Analysis of, and Forecast for, the Economic Situation in China in 2014*, pp. 156—157.

³¹ Zhang Xiaolei, *Touzi yu xiaofei: shenmo shi jingji zengzhang yuanguan?* [Investment and Spending: What Is the Source of Economic Growth?], *Wenhui Bao*, Shanghai, August 19, 2013.

³² The audit conducted by the PRC National Audit Office in August and September 2013 found that governments at all levels in China were 20.7 trillion yuan in direct debt in the middle of 2013 (the central government carried a debt burden of 9.81 trillion yuan, and the local governments, another 10.89 trillion yuan). In addition, the governments' guarantees on a variety of debts ran at 2.93 trillion yuan (2.67 trillion yuan of this amount issued by local governments), and 6.65 trillion yuan in guarantees on debt rescheduling). URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8501320.html>. Retrieved on December 31, 2013. The local governments have the hardest time in meeting debt liabilities in 2014 when they are to repay almost 21.9 % of their total debts, with another 17.06 % of their debts coming due in 2015. URL:

http://finance.people.com.cn/n/2014/0610/c/004_25126714.html. Retrieved on June 11, 2014.

³³ *Forecast for China's Economic Growth in the Next Ten Years...*, pp. 130–131.

³⁴ Deng Yaqing, “Making Too Much. To Achieve Healthy and Efficient Growth, China Must Tackle Overcapacity”, *Beijing Review*, Beijing, October 31, 2013, pp. 32–33.

³⁵ Lan Xinzhen, “Too Much Metal. Nonferrous Metal Giant's Financial Losses Linked to Overcapacity”, *Beijing Review*, November 14, 2013, pp. 36–37.

³⁶ *Fagaiwei — touzi ladong jingji zengzhang moshi mei you dedao genben gaibian* [The National Development and Reform Commission: The Economic Growth Model Relying on Investments Has Not Changed in a Big Way].” URL: http://npc.people.com.cn/n/2013/1225/c14576_23946559.html. Retrieved on December 26, 2013.

³⁷ *2012 nian Zhongguo chuanxin zhishu wei 148.2* [China's innovation index was 148.2 points in 2012]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201402/t20140218_512606.html. Retrieved on February 19, 2014.

³⁸ *Forecast for China's Economic Growth in the Next Ten Years...*, pp. 167–169.

SHENZHEN'S ECONOMY IN THE CONTEXT OF CHINA'S CHANGING GROWTH MODEL

The modification of China's economic growth model announced by the country's leadership and pursued, in a varying measure, on the ground has a national and regional or local dimension for the central government to monitor and analyze its progress, specificities, and returns on the scale of the national economy in general and, provided that enough data are available, on the scale of individual regions. The two-track analysis helps the monitoring agency to spot innovative initiatives displayed at the grassroots in economic growth rates or structure that can be borrowed for application across a greater part of China. It may also be assumed that the regions' practices may, on close monitoring, probably contain elements likely to have an adverse corrective effect on general approaches to the economic growth model modification in China.

In this context, the experience gained in the economic performance in Shenzhen in recent years deserves a closer scrutiny for several reasons. First, the Shenzhen special economic zone (SEZ), expanded on July 10, 2010 to cover the entire city, has been a leading experimental ground in the country for three decades to try out numerous innovative approaches in foreign trade, administration, and many areas of reforms in the economy and social services. Second, the city has a very large and structurally diversified economy that gives weight to the ongoing search for innovations in various industries and makes it fully representative. A further important consideration is that while Shenzhen is ranked fourth among China's cities in gross regional product (GRP), it is first in GDP per capita (nearly \$22,000), a strong enough reason for Shenzhen's performance to be rated as singular experience. Third, it was a "we-had-it-before" experience for Shenzhen, a city that had been forced by circumstances to change tack in its leading economic role abruptly several times over its short history — at midpoint last decade, its authorities first gave practical thought to overhauling the existing economic growth model, with its heavy reliance upon investments and export. More specifically, they realized the significance of growth factors other

than investments, consumption, and export in stimulating growth in Shenzhen's gross regional product (GRP) and encouraging the city to diversify its growth sources by, above all, raising the contribution of science and engineering and gradually lowering investment, demand, and export risks¹.

Shenzhen's current economic growth benchmarks were largely set out in its five-year socioeconomic development plan for 2011—2015 that was approved at the Second Session of the city's Fifth Assembly of People's Representatives held between January 15 and 19, 2011. The plan called for an increase in Shenzhen's GRP to 1.5 trillion yuan (from 958 billion yuan in 2010) at an average annual growth of 10 %, a rise of GDP per capita to \$20,000 (from \$14,600 in 2010), and increase in the contribution of science and engineering to economic growth to 60 % by the end of the five-year period. The share of advanced industries (biotechnology and Internet economics, among others) was to be raised to 20 %, and that of the services, to 60 %².

Between 2011 and 2013, Shenzhen's economy faced many adversities, including the most painful of them, a downturn of the world economy that bit into foreign markets, and also the pressure building on exports and the producers' and exporters' rising operating expenses. The coincidence of tighter foreign markets, climbing inflation, and rising labor costs in China cut into the profits of the manufacturing industries in Shenzhen as a whole³. A further inconvenience, the deadline passed for the income tax on enterprises in special economic zones and in the country in general to be leveled out and some of the city-based companies had their previous tax references retracted⁴.

The emerging situation pushed the municipal authorities to look around for internal (*neisheng*) forces to sustain economic growth⁵.

Their efforts succeeded in advancing Shenzhen's economic growth to a level and making the economic growth model implemented, in practical terms, in the city similar to the mainstream developments and trends typical of China in general, and still unparalleled anywhere in the country (*see*: Table 1).

Unlike it is in the country as a whole, where GDP has been slipping over the last three years (9.3 %, 7.8 %, and 7.7 %, respectively), the GRP growth rate in Shenzhen has held at 10 %, or higher. Over the time period covered here, investments into public fixed assets in Shenzhen followed an uptrend, at a much lower rate, though, than they were and are on the countrywide scale — between 2011 and 2013, investments grew at 23.6 %, 20.3 %, and 19.6 %, respectively, on the national scale⁶. General retail trade in Shenzhen followed the national uptrend pattern at nearly the same countrywide rate that was 17.1 % in 2011, 14.3 % in 2012, and 13.1 % in 2013.

Table 1. Economic Growth in Shenzhen in 2011–2013

Item	Unit	2011	2012	2013
Gross Regional Product	billions of yuan	1,150.21	1,295.01	1,450.02
Growth	%	10.0	10.0	10.5
Value added in manufacturing	billions of yuan	—	509.1	569.5
Growth	%	12.6	7.3	9.6
Investments in fixed assets	billions of yuan	213.6	231.4	250.1
Growth	%	10.1	12.3	14.0
Retail sales	billions of yuan	352.09	400.88	443.36
Growth	%	17.8	16.5	10.6
Foreign trade	\$ bn	414.10	466.78	537.36
Growth	%	19.4	12.7	15.1
Export	\$ bn	245.53	271.37	305.72
Growth	%	20.2	10.5	12.7
Import	\$ bn	168.57	195.41	231.64
Growth	%	18.2	15.9	18.5

Sources: Report on Economic Development in Shenzhen 2012 [*in Chinese*], Beijing, 2012. P. 2–5; URL: <http://www.szrd.gov.cn/contenthtml/11/2014011710016.html>; and <http://sz.people.com.cn/n/2014/0211/c262846-20540431.html>

Foreign trade has a special significance for Shenzhen, and it leads all other cities in China in annual count. In 2012, for example, Shenzhen did 12.9 % of the national foreign trade averages, of which 13.8 % was in exports and 11.9 % in imports⁷ for its 2.55 % share of the country's GDP in 2013. Significantly, Shenzhen's foreign trade has been growing at a more even rate in recent years than China's average — 19.4 %, 12.7 %, and 15.1 % for Shenzhen and 22.5 %, 6.2 %, and 7.6 % for China generally.

The impression is, though, that the relative significance of foreign direct investments and the presence of a large group of partly foreign-owned enterprises, both major growth factors of Shenzhen's economic affluence, has

been waning, if only a little, in recent years. With a huge amount of foreign direct investments it had drawn in over years (in late 2011, \$54.5 billion had actually been used up), Shenzhen still attracts much foreign funding, but it slid to approximately tenth place among China's cities in annual averages (\$4.6 billion in 2011)⁸. Besides, it so happens now and then, under the growing pressure of the world economy, that enterprises and companies owned in part by foreign interests put in a worse performance than enterprises fully owned by Chinese investors. In 2011, to give an example, added value rose by 3.3 % from the year before at enterprises partly owned by foreign investors in China (including Hong Kong and Macau), which compares badly with 12.6 % for added value growth in manufacturing nationwide⁹.

As we said above, Shenzhen has been forced to cast around for further internal growth-driving forces, and is doing this persistently in several directions simultaneously.

The city gives much attention to reducing the costs of energy and other primary resource inputs per unit of output. For example, primary energy inputs that went into production of 10,000 yuan of the gross regional product came out at 0.432 tons of equivalent fuel, or 4.3 % less than they were in 2012, and the inputs of electric power worked out at 558.4 kWh, or 7.14 % below the 2012 level¹⁰. Water inputs are going down, too.

Development of successful energy and resource saving technologies is closely related, directly and inversely, to priority given in Shenzhen to research and development projects. The share of R&D outlays in the city's GRP climbed up from 3.5 % in 2010 to 3.81 % in 2012¹¹ (it reached 1.98 % in 2013 nationwide).

The **structure** of Shenzhen's economy differs significantly from that of the national economy.

The 2013 gross domestic product originated in the three groups of industries at the following proportions: 10.0 % in Group I, 43.9 % in Group II, and 46.1 % in Group III¹². The first group (primary industries) has virtually ceased to play any significant role in Shenzhen in the last few years, accounting for 0.1 % of the city's GRP in 2010, and the added value of 525 million yuan generated in this group in 2013 contributed 0.036 % to GRP and was dropped out of aggregate statistics altogether. The share of the second group (secondary industries) fell off from 47.2 % in 2010 to 43.4 % of GRP in 2013, while the share of the services (tertiary industries) rose from 52.7 % to 56.6 % of GRP over the same period¹³.

Still, **manufacturing** that takes up a major part of Group II remains a key activity in Shenzhen, giving overall direction and setting main trends for adjusting the local economic growth model. It is hard, though, to make sense

of what exactly sets manufacturing apart in Shenzhen or what changes have occurred in it in recent years because of the vague dividing lines drawn in general information and statistics on three manufacturing types — mainstay industries, new strategic industries, and high-tech industries. A single product type is often listed in all three groups, and it is difficult to eliminate overlaps from statistics, or avoid double counting. This is not an impediment, though, to getting an impartial picture of manufacturing in Shenzhen today. A hierarchy of mainstay manufacturing industries is shown in Table 2.

Table 2. Mainstay Manufacturing Industries in Shenzhen According to Annual Added Value

Name of industry	2009		2011	
	billions of yuan	share, %	billions of yuan	share, %
Electronics and communication equipment	172.12	50.18	282.08	54.0
Mechanical engineering	55.61	16.21	82.59	15.8
Oil production	27.72	8.08	42.03	8.0
Electric power supply	20.1	5.86	28.11	5.4
Plastics	9.69	2.83	11.60	2.2
Textiles	7.14	2.08	12.01	2.3
Printing and packaging	6.72	1.96		
Gold and precious metal articles	6.06	1.72	8.32	1.6
Articles from minerals, except for metal-containing minerals	3.67	1.07	5.39	1.0
Medical preparations	3.65	1.06	4.91	0.9
Chemical products			4.72	0.9
Total for all ten industries	312.50	91.1	481.77	92.1

Sources: Report on the Economic Development of Shenzhen 2010 [*in Chinese*], Beijing, 2010. P. 21; Report on the Economic Development of Shenzhen 2012 [*in Chinese*]. P. 29–30.

Manufacture of every kind of electronic equipment and components, with a 20 % annual growth in added value in 2010 and 2011, is certainly the undisputed leader. In 2013, the industry's output rose by 12.8 % from 2012, to 316 billion yuan¹⁴. Next comes mechanical engineering, and then, in

third place, offshore oil production on the continental shelf. Over recent years, the share of Shenzhen's manufactured products sold on the domestic market grew from 43.8 % in 2010 to 46.6 % in 2011¹⁵.

In the past few years, though, priority has been given to **six new strategic industries**. In 2013, they contributed 34.5 % to Shenzhen's GRP, at a total added value of 500 billion yuan. These industries include biotechnologies (22.8 billion yuan in added value), Internet economy (59 billion yuan), new energy sources (33.6 billion yuan), new materials (31 billion yuan), new-generation information equipment (218 billion yuan), and "innovative cultural products" (135.7 billion yuan)¹⁶.

The "Innovative cultural products" industry has been developed in Shenzhen for over a decade now. The city leads the way in several types of this industry in China. In particular, it is home to over 200 industrial design companies, or 49 % of China's total, that control 60 % of the domestic market in their industry.

In late 2010, Shenzhen had 2,467 print shops, making it the national center for producing high-quality printed matter¹⁷. Receipts from numerous subject parks take up a large share of "innovative cultural products" structure.

Shenzhen's accent on **promoting high-tech industries** is among its obvious advantages. Their output rose more than tenfold over the first decade of the 21st century in value terms, from 106.4 billion yuan in 2000 to almost 1,200 billion yuan in 2011. An important point to make, the city's high-tech sector as a whole kept up its positive growth even at the peak of the world economic crisis in 2009, and stepped it up significantly in the years following the crisis (*see*: Table 3).

Development and export of the city's high-tech products fall back largely on its own R&D projects. By different estimates, between 40 % and 60 % of the total output are developed in Shenzhen. The state encourages and rewards development and promotion of high-tech products. Beginning in 2008, for example, enterprises set up in Shenzhen (and in other special economic zones) to manufacture new and high-tech products were exempted from income tax for two years from startup. In the next three years, they were charged at a tax rate half the normal 25 % income tax¹⁸.

By all appearances, a model innovative development cluster has shaped up in Shenzhen where borrowed and rewardingly bankrolled domestic scientific and engineering innovations can be launched into quantity production within very short time frames with support from powerful and diversified high-tech industry. Another circumstance to note is that the central and local authorities help some new types of output to win their market niches.

Table 3. Manufacture of High-Tech Products in Shenzhen

Product name	2009		2011	
	Output, billions of yuan	Growth, %	Output, billions of yuan	Growth, %
High-tech products, Total	850.78	3.6	1,187.56	16.7
Electronics and communication equipment	753.8	2.0	1,045.11	16.6
New materials and equipment for producing new kinds of energy	44.63	12.6	65.09	17.5
Combined opto-electromechanical products	38.65	18.4	57.46	17.1
Biotechnological and medical products	8.0	35.1	11.99	18.5
Environmental protection products	5.69	42.4	7.91	17.9
Export of high-tech products, billions of U.S. dollars	85.05	-5.5	124.8	14.8

Sources: Report on the Economic Development of Shenzhen 2010 [*in Chinese*], Beijing, 2010. P. 22—23; Report on the Economic Development of Shenzhen 2012 [*in Chinese*]. P. 31—32 and 34.

For example, an electric car from BYD (Biyadi) company selling for 360,000 yuan comes with a subsidy of 60,000 yuan from a government agency and another 60,000 yuan from the Shenzhen authorities. This subsidized promotion policy doubled electric car production in Shenzhen every year between 2009 and 2012 and made it a leader in low-carbon economy growth among the country's cities¹⁹.

Shenzhen's advanced economy — by national and, to an extent, international standards — shows up distinctly in the large proportion of **services**. Characteristically, services have not arisen in Shenzhen as a thing-in-itself; rather, they are a spinoff of the modern manufacturing and foreign trade facilities in the city that facilitates their advance.

Today, Shenzhen has four major categories of production-related services²⁰.

First, it is a comprehensive system of modern open financial services provided by banks, a stock exchange, and insurance companies. The Shenzhen Development Bank has offices in provincial centers across China. The Shenzhen Stock Exchange trades in shares of stock and is one of the two stock exchanges of its type in the country (aside from the stock exchange in Shanghai, yet another stock exchange operates in China's Hong Kong Special Administrative Region). The Shenzhen Stock Exchange has a floor for trading in stocks issued by innovative enterprises and another floor for trading in stocks of small and medium businesses. In mid-2013, trades done in stocks of innovative enterprises were valued at approximately a quarter of all trades conducted in stocks at the Shenzhen Stock Exchange²¹.

Second, it is a well-developed modern logistical system comprising the seaport and airport (a new airport has been in operation since late 2013), three duty-free customs zones (Futian, Shatoujiao, and Yantian), two export processing zones, one duty-free port zone, and over 60 duty-free warehouses and customs export bonded warehouses²². The Shenzhen seaport is fourth in the world for containerized goods transshipments (23 million ISO containers in 2013).

Third, a modern Internet-based information support and modern communication system.

Fourth, a system for implementing scientific and engineering ideas. Shenzhen has hosted a fair of new and high technologies since 1999.

Generally, modern services contribute over two-thirds of the income from the sale of services in Shenzhen (68 % in 2012)²³.

* * *

An analysis of the specific sides of Shenzhen's economy over the last four to five years shows that adjustments made in the economic growth model on the national scale are projected to the regional level, above all as changes in the structure of manufacturing and services. It is not easy, though, to raise the role of consumption as an economic growth factor in Shenzhen, and all of China, for that matter. A major reason for this setback is, for the most part, that a significant proportion of the city's population come from other regions of the country and many of the new settlers remit a large proportion of their wages back home. Besides, Shenzhen residents meet some of their consumer needs in neighboring Hong Kong.

A probable feedback Shenzhen's practical ways may have on modification of the country's general economic growth model is the city's successful attempt to switch many medium and small enterprises that have, for most of

their history, processed customers' materials into products from customer designs over to the manufacture of more advanced products, and, from the strategic perspective, introduction of new and environment-friendly technologies within short time frames in Shenzhen. The city seems set to identify and develop its comparative advantages in full measure.

The approaches used in Shenzhen to promote modern manufacturing and services deserves close attention from Russian experts and government agencies because the “Shenzhen model” is a textbook example of development that does not rely on raw materials the need for which is felt keener in Russia today than at any time in the past.

Notes

¹ Xin Hua, an expert in economy management who did research in Shenzhen, estimated that the aggregate investments, consumption, and exports were quite significant in the city in the early 1990s, peaking in 1992. In 2001 to 2004, their contribution to GRP leveled out at 40 % to 50 %. Xin Hua, “The Resource Balance, Bearing Props, and Beneficiation of Production. A Study of Trends in Future Development of Shenzhen and the Zhujiang Delta”, Beijing, 2010, Foreword, pp. 53–54 [*in Chinese*].

² URL: <http://sz.people.com.cn/GB/13746988.html>. Retrieved on February 6, 2011.

³ See: Report on the Economic Development of Shenzhen 2012 [*in Chinese*], Beijing, 2012, Foreword, p. 1.

⁴ On January 1, 2008, a standardized income tax rate of 25 % was imposed on all enterprises in China. Enterprises in the Shenzhen SEZ that had paid income tax at a preferential rate of 15 % were now to pay it incrementally at 2 to 3 percentage points every year, 18 % through 2008, 20 % in 2009, 22 % in 2010, 24 % in 2011, and 25 % in 2012 and on. Enterprises that had a high export quota (70 % or more) and manufactured high-tech products retained their tax benefits. Xin Hua, *Op. cit.*, p. 87.

⁵ Report on the Economic Development of Shenzhen 2012, Foreword, p. 1.

⁶ China Statistics in Brief 2012 [*in Chinese*], Beijing, 2012, p. 50; China Statistics in Brief 2013 [*in Chinese*], Beijing, 2013, p. 50; URL: <http://sz.people.com.cn/n/2014/10120/c202846-20431058.html>

⁷ URL: <http://sz.people.com.cn/n/2014/0211/c262846-20540431.html>

⁸ Report on the Economic Development of Shenzhen 2012, pp. 35 and 13.

⁹ *Ibid.*, p. 3.

¹⁰ URL: <http://sz.people.com.cn/n/2014/0211/c202846-20540431.html>

¹¹ URL: <http://szrd.gov.cn/contenthtml/11/2014011710016.html>

¹² *Calculated from*: <http://sz.people.com.cn/n/2014/10120/c202846-20431058.html>

¹³ Report on the Economic Development of Shenzhen 2012, p. 12.

¹⁴ URL: <http://sz.people.com.cn/n/2014/0211/c202846-20540431.html>

¹⁵ Report on the Economic Development of Shenzhen 2012, p. 31.

¹⁶ URL: <http://sz.people.com.cn/n/2014/0211/c202846-20540431.html>

¹⁷ Report on the Economic Development of Shenzhen 2012, pp. 78—81. It is indicative, in a way, that the illustrated *Fenghuang* (Phoenix) magazine is published and circulated widely in Shenzhen, of all places.

¹⁸ Xin Hua, *Op. cit.*, p. 87.

¹⁹ *Renmin ribao*, April 1, 2013.

²⁰ Xin Hua, *Op. cit.*, p. 85.

²¹ On July 22, 2013, a 25.84 billion yuan worth of stocks of innovative enterprises was traded in Shenzhen, where a total of 96.55 billion yuan (approximately \$15 billion) in stocks was traded on the same day. <http://sz.people.com.cn/n/2013/0722/c202846-191249441.html>

²² Report on the Economic Development of Shenzhen 2012, p. 129.

²³ URL: <http://szrd.gov.cn/contenthtml/11/2014011710016.html>

INTEGRATION PROCESSES IN ZHUJIANG RIVER DELTA AND SHENZHEN'S ROLE

The Zhujiang River Delta, along with the Yangtze River delta and Binhai district around Tianjin is one of the three Chinese territories of the intensive development of integration processes. The main distinctive feature of the Zhujiang model from the two others lies in that the integration process there, along with the domestic vector, has the officially proclaimed external vector, inasmuch as it is extended to the special administrative regions in the PRC — Hong Kong (Xianggang) and Macao (Aomen).

The idea of certain formalization of integration processes in the Zhujiang River Delta was first voiced in 1983, however, its implementation began at the end of the first decade of this century after adoption in 2008 by the Assembly of People's Representatives of Guangdong province the Guidelines of development and reforms in the Zhujiang Delta in 2008—2020”, and in April 2009 — “Decisions of the CPC provincial committee and the government of Guangdong province on consistent fulfillment of program of reforms and development in the Zhujiang Delta area”.

These documents set the task to develop thoroughly the delta area within the first four years and bring its GDP up to four trillion yuan and its urbanization level to 81 %. At the next stage, up to 2020, it was planned to make “a breakthrough and be the first in the country to achieve socialist modernization.” The gross regional product (GRP) was envisaged to be brought to 7.2 trillion yuan, and urbanization level — to 85 %. By the average per capita GRP (135,000 yuan, or \$19,400). The Zhujiang Delta should outpace the Taiwan 2008 level¹.

It was supposed to reach the planned targets by intensification of integration processes, that is, by closer economic and social interaction of cities in the Delta.

Three groups of cities have been singled out by the geographical proximity principle. Within its framework, elements of uniform economic, managerial, and social sphere are formed. These include the Guangzhou Hub with the cities of Guangzhou, Foshan, and Zhaoqing, Shenzhen Hub with

the cities of Shenzhen, Dongguan, Huizhou, and Zhuhai Hub with the cities of Zhuhai, Zhongshan, and Jiangmen. Within the framework of these formations, numerous agreements are in force, coordinating administrative functions, credit and monetary, scientific and technical, and tourist activities, and joint development of public transport, and other infrastructure.

The Guangzhou Hub is the biggest— 26,000 square kilometers, 47.4 % of the Delta territory. It was also in the lead by the GRP “at the start”, as well as in public investments, and retail trade turnover. The Shenzhen Hub with the territory of 15,600 square kilometers (28.8 % of the delta territory) was in the lead by export and financial incomes. And the Zhuhai Hub with the territory of 13,000 square kilometers (23.8 % of the Delta territory)² was the smallest by the economic performance indices (*see* Table 1), but it was the important “point of growth.”

Table 1. Indices of economic development of three groups of cities of Zhujiang River Delta in 2009 (bln yuan)

Groups of cities	GRP	Investments	Retail trade turnover	Incomes
Guangzhou—Foshan—Zhaoqing	1,479	459	530	101
Shenzhen—Dongguan—Huizhou	1,337	356	402	121
Zhuhai—Zhongshan—Jiangmen	394	145	151	30

Source: Report on development of regional economy of Guangdong province (2009). Guangzhou, 2011. P. 128.

In 2009, 46 % of the GRP of the Zhujiang Delta area (3,210 billion yuan) were produced in the Guangzhou Hub, 41.7 % — in Shenzhen, and 12.3 % in Zhuhai hubs. In the 2010—2015 period, the GRP annual growth rates in all nine cities of the Delta were gradually slowing down from 10 % to 11 % to 8 to 8.5 %. In 2015, the GRP of the Delta area exceeded 6.2 trillion yuan, and its geographical distribution changed: the share of Guangzhou-Foshan-Zhaoqing declined to 45.1 % and of Zhuhai—Zhongshan—Jiangmen to 11.7 %, with an increase of the share of Shenzhen—Dongguan—Huizhou to 43.2 %. Guangzhou retained its slight preponderance over Shenzhen by the GRP size (*see* Table 2).

At the same time, Shenzhen is invariably in the lead of other Delta cities in foreign trade. In the most successful 2013, its foreign trade turnover exceeded \$537 billion — first place in the country (*see* Table 3).

As is known, in 2014, dynamics of China's foreign trade growth slowed down noticeably, and in 2015, its volume decreased for the first time since

Table 2. Gross regional product of Zhujiang River Delta cities in 2013 and 2015

Cities	2013 GRP, bln yuan	Value added in industry		Value added in the services		2015, GRP, bln yuan
		bln yuan	share in GRP, %	bln yuan	share in GRP, %	
Guangzhou	1,542.0	443.0	28.73	996.4	64.62	1,810.0
Shenzhen	1,450.0	569.5	39.28	819.8	56.54	1,750.3
Zhuhai	166.2	74.5	44.81	77.0	46.23	202.5
Foshan	701.0	365.3	52.11	253.0	36.1	800.4
Huizhou	267.8	137.4	51.32	99.1	37.0	314.0
Dongguan	549.0	211.2	38.48	295.1	53.75	627.5
Zhongshan	263.9	125.7	47.63	110.8	42.0	301.0
Jiangmen	200.0	71.4	35.72	82.8	41.41	224.0
Zhaoqing	166.0	81.3	49.0	60.6	36.54	197.0
Nine cities of Zhujiang River Delta	4,761.6	1,771.0	37.19	2,607.8	54.77	6,226.7

Source: Data for 2013 — Report on the development of special economic zones of China — 2014 [Zhongguo jingji tequ fazhan baogao (2014)]. Beijing, 2014, p. 248. Data for 2015 — information of statistical departments of corresponding cities. Site of statistical department of Guangdong province: URL: www.gdstats.gov.cn

2009. Similar picture was observed in the Zhujiang Delta area. Commodity turnover in 2015 grew there as compared with 2013 in Guangzhou and Dongguan, and also in Zhaoqing and Jiangmen playing a rather modest role. In other delta cities the figures dropped considerably, especially in Shenzhen and Zhuhai. In connection with a slump of the world prices of oil and raw materials, import decline was below that of export (*see* Table 4).

The establishment of intensive cooperation between Guangdong and neighboring Xianggang and Aomen is part of the state strategy. Although these territories, having the status of special administrative regions of the PRC, will be run on the principle of “one country — two systems” during 50 years, the process of economic, daily, and psychological rapprochement of Hong Kong and Macao with mainland China was started long before. The PRC signed Closer Economic Partnership Arrangement (CEPA) with Xianggang on June 29, 2003; similar agreement was signed with Aomen on October 17, 2003. These agreements envisaged a stage-by-stage reduction to

Table 3. Volume of foreign trade of Zhujiang River Delta cities in 2013 (\$ bln)

City	Goods turnover	Export	Import
Guangzhou	118.89	62.81	56.08
Shenzhen	537.36	305.72	231.64
Zhuhai	54.17	26.61	27.56
Foshan	63.94	42.52	21.41
Huizhou	57.39	33.32	24.07
Dongguan	153.07	90.86	62.21
Zhongshan	35.63	26.48	9.15
Jiangmen	19.73	14.0	5.73
Zhaoqing	7.02	4.83	2.19

Source: Report on the development of special economic zones of China — 2014 [Zhongguo jingji tequ fazhan baogao (2014)], Beijing, 2014, p. 227.

Table 4. Volume of foreign trade of Zhujiang River Delta cities in 2015

City	Commodity turnover		Export		Import	
	bln yuan	\$ bln	bln yuan	\$ bln	bln yuan	\$ bln
Guangzhou	830.64	133.61	503.47	80.98	327.17	52.63
Shenzhen	2,751.66	442.49	1,641.54	264.05	1,110.12	178.44
Zhuhai	296.65	47.66	179.33	28.84	116.72	18.82
Foshan*	365.97	58.86	268.13	43.13	97.84	15.73
Huizhou	337.60	54.30	216.09	34.76	121.51	19.54
Dongguan	1,040.07	167.29	642.95	103.42	397.12	63.87
Zhongshan	173.89	27.97				
Jiangmen	123.18	19.81	95.47	15.35	27.71	4.46
Zhaoqing		8.21		4.77		3.44

Source: China Monthly Export and Import. Beijing, 2015, No 12, p. 149 (in Chinese). URL: www.gdstats.gov.cn

* Data on Foshan — for 11 months.

zero of most customs duties and mutual opening of a considerable part of services market. Apart from assistance to the CEPA implementation, the integration agreements between Guangdong, Xianggang, and Aomen envisage

cooperation in the development of infrastructure, education, environmental protection, and joint creation of high-quality living environment³. Indicative in this respect is the construction of the new campus of Macao University on adjacent territory of the PRC.

Shenzhen is invariably coming out as the leading economic partner of Hong Kong both in Zhujiang Delta area and in mainland China. According to official statistics, in 2011, Hong Kong's share in foreign direct investments used in Shenzhen comprised about 71 % (\$3.26 bln of \$4.6 bln), whereas the share of later investments accounted only for 2.5 % (Singapore — \$114 mln) and 2.3 % (Japan — \$107 mln).

In Shenzhen's foreign trade in 2011 (\$414 bln) Hong Kong's share accounted for 27.5 %, and in export — 46 % (\$112.9 bln of \$245.5 bln). The shares of other leading partners in Shenzhen's foreign trade turnover were considerably lower: 9.1 % of the U.S.A. and about 6 % of Japan and Taiwan each⁴.

In 2012—2013, Hong Kong continued to dominate the investment sphere. Its share in foreign direct investments in Shenzhen comprised 72.6 % (\$3.8 bln of \$5.23 bln) and 76.5 % (\$4.186 bln of \$5.47 bln). Then followed the United States in 2012 (\$284 mln), Republic of Korea (\$197 mln), and in 2013, France (\$220 mln). By the end of 2013, the number of enterprises with Hong Kong capital registered in Shenzhen reached 18,100 out of all enterprises registered there with foreign capital amounting to \$24,100⁵.

During that period, the share of Hong Kong in the foreign trade of Shenzhen was growing: 31.7 % (\$148 bln) in 2012 and 34.1 % (\$183.5 bln) in 2013, with Hong Kong's share in Shenzhen export comprising 54 % and 59.2 %, respectively. The share of the following trade partners of Shenzhen comprised 7.9 % and 7.7 % (U.S.A.) and 6.7 % and 8.3 % (Taiwan)⁶.

Meanwhile, other cities of the Zhujiang River Delta area have not such well pronounced orientation to Hong Kong in their foreign trade as Shenzhen. For example, in 2015, export from Zhuhai to the U.S.A. and European Union exceeded its export to Hong Kong. In Guangzhou export, Hong Kong took first place in 2015 (90 bln yuan), but its export to the U.S.A. was worth 75 bln yuan, EU (62.8 bln), and ASEAN countries (65.5 bln yuan). With due account of import, the foreign trade of Guangzhou with these regions exceeded trade of Guangdong province capital with Hong Kong⁷.

Historically, Hong Kong's close relations with Shenzhen in the economy and partly in everyday life has given rise to the idea of a gradual transformation of these two cities into a single international metropolis.

Corresponding projects, right up to a road map forming “Xianzhen” have actively been discussed primarily in Shenzhen in the middle of the first decade of this century. Xu Jingheng, the former mayor of Shenzhen, exerted efforts to realize them⁸. After his dismissal, the Shenzhen-Hong Kong integration process has slowed down, but not stopped.

In the second decade of this century, the development of Qianhai free trade zone of 15 square kilometers, where an experimental district of cooperation in promoting high technologies and high-quality services was under way jointly with Hong Kong. Qianhai New Development Zone is directly under supervision of the PRC leader Xi Jinping, who visited it at the end of 2012 soon after his election General Secretary of the CC CPC.

An additional impetus to Qianhai's development is provided by its inclusion in the Guangdong free trade zone in April 2015, officially named Experimental free-trade zone of Guangdong province of the PRC. It includes three sections: Qianhai-Shekou in Shenzhen of 28.2 square kilometers, Zhuhai-Hengqing (28 square kilometers), and Nansha new district in Guangzhou (60 square kilometers). One of the main functions of this zone will be the establishment of broad cooperation of Guangdong, Xianggang, and Aomen within three to five years in accordance with international standards⁹.

The integration processes in Zhujiang River Delta, especially those oriented to the further drawing closer of the leading economic centers of Guangdong with Hong Kong and Macao, have received broad support of the central government of China.

The economic development of the Zhujiang River Delta is to promote an upsurge of other regions of China. The “nearer radius” to which the Delta will provide additional economic incentive is represented by the East, West, and South of Guangdong province. In 2009, the gross regional product of the Delta amounted to 79.3 % of Guangdong province GRP. The GRP of the East was 6.7 %, the GRP of the West — 7.2 %, and that of the South of Guangdong province — 6.7 %.

The “greater radius” of influence covers the neighboring provinces of Guangdong and autonomous regions of Southern and Southwest China — Fujian, Jiangxi, Hunan, Hainan, Sichuan, Guizhou, Yunnan, and Guangxi-Zhuang Autonomous Region. Together with Guangdong, Hong Kong, and Macao this region is called “Pan-zhujiang.” In March 2016, the PRC State Council endorsed *Guidelines for Broadening Cooperation in Pan-zhujiang region*. Targets were set to create a cross-provincial platform of close economic cooperation and further expansion and deepening of interaction of the southern provinces of China with Hong Kong and Macao,

greater economic activity along the entire river system Xijiang-Zhujiang (this is one river whose stretches have different names). It is planned to set up the Development Foundation of Panzhujiang region¹⁰.

Despite a complex situation in the world and in China's economy, integration processes in Zhujiang River Delta have, therefore, good development prospects in both directions — foreign and domestic.

Notes

¹ *Guangdong sheng quyu jingji fazhan baogao (2009) Guangdong sheng fazhan he gaige weiyuanhui bian* [Report on the development of regional economic province of Guangdong, compiled by the Development and Reform Commission of Guangdong province in 2009], Guangzhou, 2011, p. 147.

² *Ibid.*, pp. 128—136.

³ Kang Xueqin, *Yue Gang Ao zengzhang sanjiao ci quyu jingji yitihua yanjiu* [Study of Economic Integration in Subregional Triangle of Growth: Guangdong—Xianggang—Aomen], Beijing, 2014, pp. 104—113.

⁴ *Shenzhen tongji nianjian 2012* [Statistical Yearbook of Shenzhen 2012], Beijing, 2012, pp. 290, 299.

⁵ *Shenzhen tongji nianjian 2014* [Statistical Yearbook of Shenzhen 2014], Beijing, 2014, pp. 291, 294, and 302.

⁶ *Ibid.*, pp. 307—308.

⁷ URL: www.gdststs.gov.cn of 10.03.2016

⁸ See: Jin Xin, *et al.*, *Xianggang+ Shenzhen: shengji Zhongguo yinqing* [Xianggang—Shenzhen: Driving Force of China's Movement Forward to a Higher Stage], Guangzhou, 2008.

⁹ *Guowuyuan yinfa liuxiang zimaoku zhongpang zhengce wenjian* [The State Council distributed six documents about policy of broadening of free trade zones]. URL: <http://finance.people.com.cn/n/2015/0420/c1004-26872651.html>

¹⁰ *Renmin ribao*, March 16, 2016.

SHENZHEN: SOCIAL DEVELOPMENT PROCESSES AND PROBLEMS

Evolution of the economic growth model in China shows up immediately in its social policies for understandable reasons — the country's current growth model lists an accentuated social orientation among its major purposes. This is the first time since reforms were initiated in China that its approach to social policies as just a way to promote economic growth has changed significantly.

Like nowhere else in China, Shenzhen's social problems arise directly from the city's **demographics**.

To begin with, its population has been expanding rapidly since the turn of the 1980s when Shenzhen was given the status of a special economic zone. Judging by the experience human society has accumulated over history, Chinese media wrote in the middle of the past decade, it takes a city of 3 million in the West at least a hundred years to increase its population to 10 million — Shenzhen did it in a decade¹. Local statistics recorded the fastest growth in the number of people residing permanently (over a year) in Shenzhen — 333,000 in 1980, 1.2 million in 1988, 4.1 million in 1994, 7 million in 2000, and almost 10.5 million in 2011. To make these numbers really astonishing, Shenzhen's permanent population leaped by a factor of 333 at an average annual growth rate of 11.6 % between 1979 and 2011².

The city's rapidly expanding manufacturing industries were insatiably in need of more labor that was mostly recruited from among migrants, many of them unskilled farm hands, from China's other provinces. Few skills were really required in the 1980s when Shenzhen's industries only did simple jobs, such as working customers' materials into products they wanted, assembling components provided by customers into simple items, and making replicas of samples provided, for the most part in textiles and the light industry. Years later, when the city's industries started making technologically more complex products, including a broad range of audio and video equipment, computers, and communications devices, the influx of migrants drawn to the city by wages that were higher in Shenzhen than anywhere

across China did not thin out. The municipal authorities, though, could not guarantee identical welfare and social security to all city residents.

The selective registration system (*hukou*) that has survived in China since 1958 for town and country dwellers was a formal reason for dividing up all Shenzhen residents into different categories according to status and entitlement. First, the population was separated into permanent and non-permanent residents (everybody living under one year in the city was put in the nonpermanent category). Nonpermanent residents were difficult to keep records on, and no statistics on their numbers are available. This category is estimated to include several million today.

Next, the city's permanent population falls into two groups — people who are officially registered in Shenzhen and those who are not. The second group has been expanding significantly faster than the first group (between 1979 and 2011, the first group increased by 6.9 % and the second group, by 30.6 %) ³, the proportion of registered residents has remained consistently low in the total permanent population numbers. In 1988, both groups were balanced against each other at 600,000, the locally registered residents having dropped to 18 % of Shenzhen's total permanent residents in 2000, to pick up to approximately 25 % in 2011 (*see*: Table 1).

Table 1. Permanent Shenzhen Residents (in millions)

Year	Total permanent population	Registered in Shenzhen	Not registered in Shenzhen
1980	0.333	0.321	0.012
1984	0.791	0.435	0.306
1988	1.201	0.601	0.600
1992	2.680	0.802	1.878
1996	4.829	1.034	3.795
2000	7.012	1.249	5.763
2004	8.008	1.651	6.357
2008	9.542	2.280	7.262
2011	10.467	2.679	7.788

Source: Shenzhen Statistical Yearbook 2012, Beijing, 2012, p. 49 (in Chinese).

In late 2012, Shenzhen's total populations reached 16.668 million, 2.985 million of whom were locally registered ⁴. At an estimate, around 8 million people out of the total were unregistered permanent residents, and

the remaining approximately 5.6 million were migrants who had lived under a year in Shenzhen. The city has the highest population density in China, producing “an enormous strain” on Shenzhen's social services.

Status inequality among the city residents is a great problem. Unless you know about it firsthand, you cannot fully envision the difference between having or not having local registration. It was shown in a real-life story featured in the *Xin Jing bao* newspaper of Beijing published last April. One Wu Shuliang, a registered resident of Shenzhen who had lung cancer, wanted to survive to at least June 2016 for his wife to be registered as well (Wu himself was registered in June 2013, which entitled his wife to get local registration three years after only). Another advantage, registration helped Wu Shuliang save between 80 % and 90 % in disease treatment costs⁵.

Gradual elimination of dualism in the status of the country's residents, or their inequality in entitlements depending on their urban or rural registrations, has long been a practical issue in China. Shenzhen where status inequality among its residents is its greatest challenge is well placed among China's cities to stage an experiment trying to find an acceptable solution to the status dualism problem. Back in May 2005, the local branch of the Chinese People's Political Consultative Conference (CPPCC) discussed a report presented by Yu Xiping, a CPPCC member, on dualism in the city and ways to turn Shenzhen into a harmonious city that called for the number of locally registered people to be raised significantly within two to three years⁶.

The problem having proved to be much harder on the ground than it looked from afar, the municipal project for a registration system reform was passed in 2012 only. The registration system reform figures high in the reform plan for the period 2013 to 2015 as well. Its greatest weight falls on the expansion and improvement of social services provided to city residents lacking local registration. Special attention is given to making education available to migrants' children and providing jobs and housing to migrants. The reform project also aims at lowering the barrier to permanent registration and simplifying registration formalities. In particular, improvements are made continuously in the numerical scoring system for registration applicants. This system has been used to give scores to rural migrants coming to town to find employment in the Guangdong province since 2010. In Shenzhen itself, the same system has been used to give numerical scores to rural migrants and workhands employed under recruitment programs since 2012. The principal scoring criteria include the job seeker's personal qualifications (education, industrial skills, work background, and age) and his tax payment record. Other factors given consideration as well are involvement in social security programs, housing conditions, and bonuses or other in-

centives received on previous jobs. Privileges are allowed for technicians, investors, teachers, and medical personnel.

Moderate breakthroughs have been achieved, particularly in education, where children from migrants' families receive over a half of all free education entitlements. Burial allowances of 1,830 yuan have been paid since June 15, 2012 to all city residents regardless of registration⁷. Much still remains to be done, though.

In part, the situation in Shenzhen, a city with a relatively high proportion of young people, is made far more difficult because of its natural population growth rate that is noticeably higher than the country's average (see: Table 2).

The difference in the birthrates between Shenzhen and China in general is not particularly large, some 2 to 3 per mill. It is caused, to an extent, by more frequent transgressions against the national one-child policy in Shenzhen where families with two or more children are not a rare sight. Low mortality is another contributing factor — it has held at around one per mill in Shenzhen for a decade against approximately 7 per mill for China as a whole. These differences account for strikingly different natural population growth rates that are 13 to 14 per mill in Shenzhen and around 5 per mill in the country on average⁸.

Table 2. Birthrates and Natural Population Growth Rate in Shenzhen in 2007–2011 (per mill)

Years	Birthrate		Natural growth rate	
	Shenzhen	China	Shenzhen	China
2007	14.54	12.10	13.45	5.17
2008	14.12	12.14	13.14	5.08
2009	13.70	11.95	12.84	4.87
2010	14.50	11.90	13.58	4.79
2011	15.42	11.93	14.32	4.79

Sources: Shenzhen Statistical Yearbook 2012, Beijing, 2012, p. 51; Shorter Statistical Yearbook of China 2014, Beijing, 2014, p. 16 (both in Chinese).

The proportion of working age people in Shenzhen's population is significantly higher than the country's average, and it is logical, then, that the share of **employment** in the city is high as well — in 2010, around 68 % of the permanent population was in employment, 16.2 percentage points higher than the average in China's cities⁹.

In late 2011, there were over 7.645 million people in employment in Shenzhen, 3.829 million of them working in the secondary industries, 3.813 million in the tertiary industries (services), and some 3,000 in farming¹⁰.

Manufacturing provided jobs to the largest number of people (3.5 million), followed by wholesaling and retailing (1.5 million). Between 200,000 and 300,000 people were employed in each of transportation, construction, information services, the hotel business, and catering. Around 100,000 people were employed in education, and nearly 60,000 people held jobs in medical care services and social security¹¹.

It is argued that unemployment in Shenzhen is half as low as it is in China's cities in general. The most frequently cited unemployment rate is 2.42 %, but it is uncertain, though, which group of employment it applies to. By a different estimate, the unemployment rate in the city stood at 10.3 %, or around 1.7 million people, in 2012¹².

Whatever the unemployment count is, many businesses, particularly in modern industries, are increasingly hard-pressed for skilled engineers and technicians with rich professional backgrounds. The most probable explanation for their plight is that it is not easy to obtain local registration and the gradual, yet undeniable, loss of **wage** advantages by Shenzhen. Back in the latter half of the 1990s, the average wage in Shenzhen was almost 150 % higher than the countrywide average, and in 2011, the average pay in China's cities reached 75 % of the wage paid in Shenzhen (*see*: Table 3), rising up still closer to Shenzhen's wages over the few following years.

The wage gap closing narrower, though, Shenzhen is still ranked among China's cities paying the highest minimum wages — the new standard effective since March 1, 2015, is 2,030 yuan a month, or 18.5 yuan an hour for people working part-time¹³. In comparison with these figures, full-time (monthly) and part-time wages paid in Guangzhou are 1,895 yuan a month and 18.3 yuan an hour. (For more comparisons to be drawn, the minimum wage paid within Shenzhen Special Economic Zone was, beginning on July 1, 2006, 810 yuan a month and 4.66 yuan an hour, and 700 yuan a month and 4.02 yuan an hour outside the Special Economic Zone.)¹⁴.

At the start of 2015, the cost of living allowance (COLA) was raised to 800 yuan a month¹⁵. (A standard personal allowance of 344 yuan a month was introduced in 2005.)¹⁶ In late 2012, a COLA of 560 yuan was drawn by 8,598 people in Shenzhen¹⁷.

By some estimates, the Gini Index in Shenzhen fluctuated about 0.33, significantly below 0.474 in 2012 and 0.473 in 2013¹⁸ in China in general — in terms of statistics, the inequality in earnings of Shenzhen's population was smaller than the country's average. Yet, many residents polled named

**Table 3. Average Wages in Shenzhen and China
(urban businesses and organizations, yuan/year)**

Year	China	Shenzhen	Ratio
1988	1,747	3,388	0.51
1992	2,711	5,931	0.45
1996	5,980	14,507	0.41
2000	9,333	23,039	0.41
2004	15,920	31,928	0.50
2008	28,898	43,454	0.66
2009	32,244	46,723	0.69
2010	36,539	50,456	0.72
2011	41,799	55,143	0.75

Sources: Tabulated and computed from: Shorter Statistical Yearbook of China 2014, Beijing, 2014, p. 41; Shenzhen Statistical Yearbook 2012, Beijing, 2012, p. 312 (both in Chinese).

the inequality of incomes and inequitable distribution of earnings among Shenzhen's most glaring social problems¹⁹. Low pay is a very serious issue for several categories of local employees. The report on employment in Shenzhen in 2014 said that Shenzhen was only second to Shanghai in monthly salaries paid to graduates of higher education institutions — 2,734 yuan in this southern city against 2,807 yuan in Shanghai. And yet, a third of this amount goes to pay for housing rent, “a great pressure inconveniencing the recipient”²⁰.

Shenzhen's administration has no other choice but to give priority to **education** because of the inordinately large numbers of preschool and school-age children in the city. An uncommon job elsewhere, it has to work out identical educational standards in the city's different districts that were in or outside of its Special Economic Zone until June 2010. In their turn, the city's seven universities are turning out high-class professionals for employment at the local educational institutions.

Shenzhen spends a lot on education — in 2011, the total allocations on education in the city amounted to 1.82 % of GDP or 13.08 % of the city's budget (20.91 billion yuan). Large as they were, these figures put Shenzhen significantly behind Beijing (3.92 % of GDP and 62.7 billion yuan) and

Shanghai (3.18 % of GDP and 61 billion yuan), which was a sign of disparity between the city's social standards and its economical potentialities. On top of the municipal budget, educational institutions draw extensively on contributions from nongovernmental organizations and individuals (4.12 billion yuan, or 15 % of total expenses on education)²¹.

In **medical care services**, an activity complex by historical tradition anywhere, Shenzhen is constantly searching for new forms and practices to give greater satisfaction to the general public (it has not succeeded in its efforts as yet, with 21.3 % of the locally registered residents giving it high scores, and another 32.3 % of the unregistered patients who have more modest healthcare needs feeling fully satisfied)²². In particular, the list of drugs and medical care services provided to holders of municipal social security cards (over 13 million of them have been issued) is expanding, and so is the share of treatment costs incurred by holders of combined medical insurance cards and hospitalization insurance cards. Treatment reimbursement has been fixed at a ceiling equal to six times the average annual pay in the city (something like 300,000 yuan). The average cost of outpatient medical care services (fee for appointment with a doctor) at Shenzhen's state-run hospitals reached almost 138 yuan and the average cost of hospitalization ran up to 7,150 yuan in 2012²³.

Traditional types of **social insurance**, too, are expanding rapidly. Over 7.9 million people held retirement policies in 2012, around 10 million bought disability policies, 3.4 million had unemployment policies, and over 5 million took out childbirth insurance²⁴. Standards have also been set for cash allowances to be given to orphans and the elderly.

Even though the authorities are making formidable efforts to sustain Shenzhen's attractive social image, its appeal has been fading lately — because of local registration problems and vigorous urban growth in China's heartland regions. As an illustration, many employees of small and medium enterprises fail to turn up on their jobs after most migrants go back to their home towns every year after the Spring Festival that marks the beginning of new year in China's lunar calendar.

This is where **labor unions** and **nongovernmental organizations**, highly active and assertive, by Chinese measurement, might help greatly to sort out the city's social problems.

In an example cited in the 2013 report on employment in Shenzhen, the local workers who had gone through thick and thin of the market economy gradually came to appreciate the need for making joint organized efforts to safeguard their legitimate rights and interests. The turning point came with the “international strike action” in Yantian (a district in

Shenzhen adjoining its enormous seaport) in 2007, when the hired workers' protests were followed by various complaints they poured out to their enterprises' owners or managers, and broader demands they made for improved working conditions, higher wages, and protection of factory and office workers' legitimate interests in general. The strikers also demanded that labor unions be set up at enterprises, and similar demands were made when collective labor disputes were resolved. This was in no way similar to the Solidarity labor movement in Poland in the early 1980s, and yet when workers went on strike they frequently refused to recognize the authority of their labor union organizers who were elected by undemocratic voting and demanded new elections to be called to have union functionaries who represented the workers themselves elected²⁵.

In a broader context, grassroots labor organizations have been springing up rapidly across Shenzhen over the past few years. In late 2011, the city-wide labor union organization patronized 132,000 enterprises and organizations, and joint labor union committees operated at 100,700 businesses, and another 31,300 enterprises and organizations set up their own grassroots labor union committees. In all, 5,291,500 employees were members of their labor unions. Almost two-thirds of factory and office workers polled spoke of their positive feelings about their labor union membership²⁶.

It is common truth that the number of nongovernmental organizations and degree of their involvement in community affairs is a sign of maturity of civil society in a country. Viewed from this angle, Shenzhen gives the impression of a very advanced city by Chinese standards. Early in 2013, the city had 5,656 nongovernmental organizations — 1,613 municipal level organizations and 4,043 organizations commanding worker allegiances within their districts. According to activity type, 58.7 % were concerned with social matters of various kinds; 20.9 % were charities; 6.1 % dealt with science and research; 7.1 % occupied themselves with economic matters, and the remainder were mixed type organizations²⁷. Operations of nongovernmental organizations are rigidly regulated by countless laws and registration formalities. Audits and reports of every activity type are widespread. The purpose of both are implied, even though not publicly declared, to put constraints on nonprofit organizations that are thought to be a hindrance or nuisance to the authorities. For example, the Shenzhen-based Chunfeng Labor Dispute Service Center has been blacklisted and no information is put about it on the websites of Chinese media pages opened specifically to collect funds for nonprofit organizations²⁸.

Raising funds for nonprofit nongovernmental organizations is generally a real problem. Beginning in 2012, the country's government has been allo-

ating 200 million yuan a year from its budget to support nonprofits' operations. Another 80 million yuan has been earmarked from the budget of the Guangdong province. The funds coming from these sources are certainly too little²⁹.

It is probably to draw extra funds from other sources to support the nonprofit nongovernmental organizations' activities that Shenzhen's Qianhai new district incorporated into the Guangdong Free Trade Zone in April 2015 will be authorized, by way of an experiment, to register and open representative offices of international nongovernmental economic organizations³⁰.

* * *

The example of Shenzhen, a far from ordinate city from the angle of social policies in China, shows, in our view, that it is still too early to speak of socially oriented market economy in the full sense of the term put in place and operating here. And yet, the social tenor of the local economy has certainly risen in significance in the city. Its intensification is related to the changeover to a new economic growth model underway in China, and Shenzhen as well. Social orientation is gradually turning from an economic growth driver into a major, if not the most significant, objective of economic growth.

Many developments unfolding in Shenzhen's social services can certainly have national significance. One is *nongmingong*, “farmers turned workers” who now number 270 million in the country incorporated into urban society, a search for the best way of reforming registration formalities is another, and the local labor unions' growing self-awareness, not always welcomed by the authorities everywhere, even if, by all signs, just as inevitable.

Notes

¹ Chen Shouzhe, *Shenzhen zaoyu chengzhang fannao “renkou wenti” ji xu poti* [The “Demographic Problem” Raised by Shenzhen's Growth Is Crying for Solution], *21 Shiji jingji baodao*, Beijing, June 2, 2005.

² *Shenzhen tongji nianjian* [Shenzhen Statistical Yearbook 2012], Beijing, 2012, pp. 49 and 52.

³ *Ibid.*, p. 52.

⁴ *Shenzhen shehui fazhan baogao 2012—2013* [Shenzhen Social Development Report 2012—2013], Beijing, 2013, p. 147.

⁵ *Xin Jing bao*, Beijing, April 26, 2015.

⁶ Cheng Shouzhe, *Op. cit.*

⁷ *Shenzhen shehui fazhan baogao 2012—2013* [Shenzhen Social Development Report 2012—2013], pp. 2, 5, 10—11, and 357—368.

⁸ In 2014, the birthrate in China rose to 12.37 per mill and the natural population growth rate went up to 5.21 per mill. Report of China's National Bureau of Statistics on the country's economic and social development in 2014, published on February 26, 2015.

⁹ *Shenzhen shehui fazhan baogao 2012—2013* [Shenzhen Social Development Report 2012—2013], p. 342.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Shenzhen tongji nianjian* [Shenzhen Statistical Yearbook 2012], p. 54.

¹² *Shenzhen shehui fazhan baogao 2012—2013* [Shenzhen Social Development Report 2012—2013], p. 149.

¹³ *Shenzhen Tequ Bao*, January 29, 2015.

¹⁴ *2007 nian: Zhongguo Shenzhen fazhan baogao* [The Year 2007: Report on the Development of Chinese Shenzhen], Beijing, 2007, p. 37.

¹⁵ *Shenzhen Tequ Bao*, February 7, 2015.

¹⁶ *2007 nian: Shenzhen fazhan baogao* [The Year 2007: Report on the Development of Shenzhen], p. 37.

¹⁷ *Shenzhen shehui fazhan baogao 2012—2013* [Shenzhen Social Development Report 2012—2013], p. 66.

¹⁸ *Renmin ribao*, January 21, 2014.

¹⁹ In a poll run in Shenzhen, for example, 57.5 % of factory and office workers named “inequality between the rich and the poor” the most significant disparity of city life. *Shenzhen laodong guanxi fazhan baogao 2013* [Report on Employment Relationships in Shenzhen 2013], Beijing, 2013, p. 170.

²⁰ *Wo shi fabu laodong guanxi fazhan baogao* [A Report on Employment Relationships Is Published in Our City], *Shenzhen Tequ Bao*, November 23, 2014.

²¹ *Shenzhen shehui fazhan baogao 2012—2013* [Shenzhen Social Development Report 2012—2013], pp. 27—28.

²² *Ibid.*, p. 113.

²³ *Ibid.*, pp. 39—40, and 47.

²⁴ *Shenzhen laodong guanxi fazhan baogao 2013* [Report on Employment Relationships in Shenzhen 2013], p. 77.

²⁵ *Ibid.*, pp. 168—169.

²⁶ *Ibid.*, p. 171.

²⁷ *Shenzhen shehui fazhan baogao 2012—2013* [Shenzhen Social Development Report 2012—2013], p. 188.

²⁸ Jacobs, A. and Buckley, C., “Civic Groups Feel Pressure in China”, *International New York Times*, February 26, 2015.

²⁹ *Shenzhen shehui fazhan baogao 2012—2013* [Shenzhen Social Development Report 2012—2013], p. 193.

³⁰ *Ibid.*, p. 194.

Summary

Vladimir Portyakov

“Shenzhen's tuning-fork”.

Transformation of the economic growth model in China and development of Shenzhen

The purpose of the book by Russian specialist on contemporary China Vladimir Portyakov is to analyze current transformation of economic growth' model in China and to track its influence on the development of Shenzhen — one of the most famous in the world Chinese cities.

Main content of transformation process is to optimize the balance between accumulation and consumption in GDP and between three major sectors of national economy. In order to achieve this goal, China is now trying to shift its development's main factors from investment and exports to domestic consumption and technological progress, which generate some slowdown in economy's growth rates. In the last three years some improvement in economic proportions were achieved. The share of final consumption in China's GDP growth in 2015 amounted to 66.4 % (in 2013 48.2 %, in 2014 50.2 %). The share of services in GDP increased from 45.5 % in 2012 to 50.5 % in 2015, while the share of the second sphere (industry and construction) reduced from 45 % to 40.5 %. GDP' growth rate declined from 7.7 % in 2012—2013 and 7.4 % in 2014 to 6.9 % in 2015. At the same time, the transition of Chinese economy to a “new normality” status does not come easy. Of particular difficulty is the huge overcapacity in the investment branches of national industry.

Another major task of the book is to analyze the development in a changing environment of one of the leading economic centers of the country — Shenzhen. The evolution of city's functions and main stages of its

development since the beginning of the 1980s to the present had been traced. In 2014, Shenzhen's gross regional product (GRP) growth rate amounted to 8.8 % — 1.4 percentage points higher than the national average. In 2015, Shenzhen's GRP grew by 7.8 % (in China 6.9 %). At the end of 2014 the share of the second division of social reproduction in GRP decreased to 42.7 % compared to 43.9 % in 2013, while the share of services increased from 56.1 % to 57.3 %. The share of six new strategic industries' value added (biotechnology, the Internet economy, new energy sources, new materials, information technology and a new generation of “innovative cultural production”) increased from 34.5 % of gross regional product in 2013 to 35.3 % in 2014.

But the indicators of foreign trade in Shenzhen in 2014—2015 deteriorated. In the long run situation in this sphere may be improved through more close cooperation with Hong Kong, which is an important part of the city participation in the integration processes in the Pearl River delta and in South China as a whole.

Shenzhen experience in solving social problems has countrywide importance. In late 2012 the total population of Shenzhen has reached 16,668,000 people. Of these, only 2.985 million people had local registration. In 2012, the city adopted a draft reform of the registration system with the introduction of scoring candidates, depending on their education, technical skills, work experience, age, tax payments, contribution to the programs of social security, availability of housing, and professional achievements. Substantial role in organizing the social life of the city is currently played by the trade unions and non-governmental organizations. Their high activity (by Chinese standards) is one of the important features of Shenzhen.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Шэньчжэнь: история развития (1980—2012)	4
Глава 2. Трансформация модели экономического роста в Китайской Народной Республике	27
Глава 3. Особенности развития экономики Шэньчжэня в условиях модификации модели роста в КНР	49
Глава 4. Шэньчжэнь: социальные процессы и проблемы	64
Глава 5. Интеграционные процессы в дельте реки Чжуцзян и роль Шэньчжэня	76
Глава 6. Проблемы экономического роста в Китае на современном этапе	85
Вместо заключения	102
<i>Приложение. Англоязычные версии ряда глав монографии</i>	
Transformation of the economic growth model in the People's Republic of China	104
Shenzhen's economy in the context of China's changing growth model	125
Integration processes in Zhujiang river delta and Shenzhen's role	135
Shenzhen: social development processes and problems	142
Summary	153

Научное издание

Портяков Владимир Яковлевич

Шэньчжэньский камертон
Трансформация модели экономического роста
в Китае и развитие Шэньчжэня

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Корректор *Е.В. Белилина*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Оформление *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 14.06.2017. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 9,75. Уч.-изд. л. 10,2.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательский Дом «ФОРУМ»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в
E-mail: forum-books@mail.ru

По вопросам приобретения книг обращайтесь:
Отдел продаж «ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96
Факс: (495) 280-36-29
E-mail: books@infra-m.ru